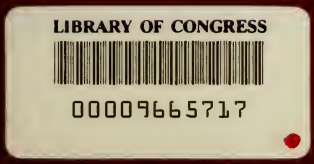
PG 3337
.P24 R6

1863



РОМАНЪ

ВЪ ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ПОЛУСВѢТѢ

СОЧИНЕНІЕ

Н. СТАНИЦКАГО

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ВУЛЬФА

1863

РОМАНЪ

ВЪ ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ПОЛУСВѢТѢ

Panaeva, Avdot'ia Ïakovlevna (Brianskaia)

Roman v peterburgskom polusvietie

РОМАНЪ

ВЪ ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ПОЛУСВѢТѢ

Н. СТАНИЦКАГО

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ВУЛЬФА

1863

PG3337
.P24R6
1863

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 17 Маія 1863 года.

104837
'07

zL Nov. 23, 73

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

No 73

ГЛАВА I.

Темный и дождливый октябрскій вечеръ смотрѣлъ въ единственное окно длинной и узкой комнаты, въ нижнемъ этажѣ большаго барскаго дома, въ одной изъ усадебъ Ч. губерніи. Въ комнатѣ какъ-то странно боролись два освѣщенія: закопченый потолокъ и мрачный лѣпной карнизъ были озарены грустнымъ свѣтомъ лампады, висѣвшей у небольшой кіоты съ образами; а нижняя часть комнаты была облита яркимъ пламенемъ отъ раскалившейся печки. Возлѣ печки стояла старуха въ траурѣ, съ кочергой въ рукахъ, какъ солдатъ съ ружьемъ на часахъ. Лицо женщины, покрытое глубокими морщинами, было нахмурено и печально, но доброта проглядывала въ ея карихъ потухшихъ глазахъ, которые, моргая и слезясь, были устремлены на черную головешку, догоравшую на раскаленныхъ угольяхъ.

Въ комнатѣ съ однимъ окномъ, и то прикрытымъ, точно желѣзной рѣшеткой, прутьями отъ роснаго снаружи куста, былъ какой-то хаосъ:

большіе сундуки, бутылки съ наливками, фортепіано, книги, ноты, комодъ съ маленкимъ туалетцомъ и висѣвшія платья на стѣнѣ, все доказывало, что комната выполняла множество назначеній, хотя и носила одно названіе — дѣтской. Эта дѣтская принадлежала очень молодой, бѣлокурой барышнѣ, лежавшей на постели и тоже одѣтой въ глубокій трауръ. Дѣвушка бросала книгу вверхъ, какъ мячь, и что-то напѣвала тихо, наконецъ книга взвилась высоко и упала у самыхъ ногъ старухи, которая, вздрогнувъ, отшатнулась и сердито сказала:

— Балуй, балуй!... Экой страмъ! игру подняла, и когда? Постыдилась бы ты хоть добрыхъ людей.... Ну похожа ли ты на барышню? никакой печали въ тебѣ не видно!

— Пожалуйста безъ наставленій; запирай печку и убирайся, отвѣтила барышня.

Но старуха продолжала, не обращая вниманія на это приказаніе:

— Погоди, скоро пріѣдетъ тетушка.... я вотъ посмотрю, какъ ты тогда будешь блажить!... Я разскажу ей про тебя, моя голубушка, про всѣ твои проказы!

И старуха погрозила барышнѣ, которая презрительно на это отвѣчала:

— Насказывай, что вздумается!

— Насказывать!... Я буду насказывать на тебя? въ ужасѣ спросила старуха и съ упрекомъ при-

бавила:—не грѣхъ это тебѣ меня такъ срамить?... что я, наушница, что ли?

И старуха заплакала, а барышня зажала уши, съ досадою воскликнувъ:

— Ну, слезы!...

—Слезы, да, слезы! разобидѣть твое дѣло! ишь,— насказывать буду на нее! всхлипывая говорила старуха.

— Я не думала тебя называть наушницей, горячась замѣтила барышня: — а ты сама сказала, что будешь жаловаться на меня.

— Такъ не насказывать же!... Вѣдь тебѣ и горя мало, что ты сирота теперь?...

— У меня есть отецъ!

— Отецъ, отецъ!... въ негодованіи воскликнула старуха и вдругъ замолкла, въ испугѣ смотря на свою барышню, которая язвительно спросила:

— Ну, что же? продолжай!

Старуха, тяжко вздохнувъ, поспѣшно ушла изъ комнаты.

Барышня улыбнулась ей вслѣдъ и, закинувъ руки на голову, пролежала неподвижно нѣсколько минутъ. Личико дѣвушки сдѣлалось печально, слезы какъ бы блеснули въ большихъ черныхъ, живыхъ глазахъ ея, но она быстро ударила три раза въ ладоши и крикнула громко: m-lle Марсъ!»

Въ комнату вбѣжала четырнадцати-лѣтняя дѣвочка, смуглая, остриженная подъ-гребенку, одѣ-

тая въ черное коленкоровое новое платье, которое лоснилось, точно тюленья кожа.

— Чего изволите, барышня? спросила вошедшая дѣвочка тѣмъ скорымъ, подобострастнымъ тономъ, которымъ отличаются деревенскія горничныя.

— Дуняшка, Дмитрій Степанычъ еще не вернулся?

— Никакъ нѣтъ-съ, барышня! отвѣтила Дуняшка и тихонько, но скоро проговорила: — Палагея Тихоновна взяла ключъ отъ фортепіанъ; она говоритъ, что не дастъ вамъ срамить себя музыкой, когда такая печаль въ домѣ.

— Вотъ велю Кузьмѣ совсѣмъ замокъ вынуть, — пусть тогда прячетъ къ себѣ ключъ! сердито замѣтила барышня.

— Прикажете-съ, барышня, сбѣгать за Кузьмой?

— Не суйся! повелительно произнесла барышня, и о чемъ-то задумалась.

Дуняшка присѣла на корточки къ печкѣ и, облитая вся огненнымъ свѣтомъ, походила на чертёнка въ балетѣ. Она тихо запѣла, поглядывая лукаво на барышню:

Ночною темнотою
Покрылись небеса.

и проч.

Барышня улыбнулась отъ гримасъ Дуняшки и, не давъ ей окончить пѣнія, весело сказала:

— M-lle Марсъ, на сцену!

Дуняшка прыгнула въ уголъ комнаты, оправила свое платье и оттуда стала подходить медленно къ кровати, страшно топая ногами, какъ ходятъ актеры въ трагедіяхъ.

— Изъ Пушкина, Дуняшка! сказала барышня, смѣясь кривляньямъ дѣвочки, которая съ завываніемъ начала читать:

Гирей сидѣлъ, потупя взоръ....

Когда Дуняшка безъ запинки прочла нѣсколько куплетовъ, барышня зааплодировала и произнесла «браво». Дуняшка важно удалилась къ двери. Барышня стала вызывать ее, крича: Марсъ, Марсъ! Тогда мнимая m-lle Марсъ явилась на средину комнаты и стала присѣдать на всѣ стороны, какъ бы зрителямъ, а барышня въ это время съ увлеченіемъ била въ ладоши, крича: «браво, браво, Марсъ!»

Дуняшка, присѣдая и кланяясь, пятилась назадъ и наткнулась у дверей на входящую старуху съ кочергой.

— Ахъ ты фокусница! гнѣвно вскрикнула старуха, схвативъ Дуняшку за ухо, и, теребя его, приговаривала: — вотъ, вотъ тебѣ, пакостница!

— Браво, браво Марсъ! кричала барышня: — я подарю тебѣ свой розовой платочекъ. Не плачь, Дуняшка! прибавила она, когда дѣвчонка запищала.

Обѣщаніе барышни заставило Дуняшку забыть боль, и она запѣла дребезжащимъ голосомъ:

Старый мужъ, грозный мужъ!
Рѣжь меня, жги меня.

Барышня залилась громкимъ смѣхомъ.

Старуха вытолкнула дѣвочку въ дверь, съ презрѣніемъ проговоривъ: «фиглярка подлая!» — и, смотря на насильственный смѣхъ барышни и ея метанье по постели, съ отчаяніемъ покачала головой и отъ полноты души произнесла:

— Господи! вотъ божеское-то наказанье послано мнѣ! Видано ли, чтобъ была такая безчувственная дочь!

И подойдя къ кровати, старуха съ упрекомъ продолжала:

— Опомнись, сударыня! сбрось съ себя всю дурь!... Ну, время ли теперь ярманку въ домѣ дѣлать?... Экой домъ!! мрачно произнесла старуха послѣднюю фразу, видя, что барышня на зло ей смѣется, чуть не до истерики.

Затворивъ заслонку у печки, старуха сѣла на стулъ и принялась горько плакать. Смѣхъ смолкъ въ комнатѣ; слезамъ старухи жалобно подвывалъ вѣтеръ въ незакрытую трубу. Поплакавъ нѣсколько минутъ, старуха какъ бы опомнилась, поспѣшно закрыла трубу и, съ любопытствомъ поглядывая на барышню, уткнувшуюся лицомъ въ подушки, кротко заговорила.

— Какая погода! Не пріѣдетъ она въ такую темень!

Старуха прошлась по комнатѣ, передвинула стулья и, все смотря на барышню, лежавшую безъ движенія, опять сказала:

— Что это, Анна Ларіоновна, изволишь ничкомъ-то лежать? головка заболитъ.... Встала бы, занялась бы дѣломъ. На ключъ! поиграй на фортепіанахъ.

Барышня не двигалась; старуха торопливо подошла къ кровати и нѣжно заговорила, оправляя платье дѣвушки.

— Ну, встань же, Анна Ларіоновна! Полно валяться....

— Ахъ, оставь меня! всхлипывая отвѣтила наконецъ барышня и снова уткнула лицо въ подушки.

Старуха всполошилась и въ отчаяніи махнула рукой; съ минуту она стояла надъ своей плачущей барышней и сама разливалась слезами; потомъ торопливо отерла глаза и тихо стала гладить по спинѣ барышню.

— Ну, полно, заговорила она мягкимъ голосомъ: — ну, о чемъ тебѣ плакать? что тебѣ мое ворчанье? Я вѣдь тебѣ добра желаю.... Ну, кто о тебѣ станетъ заботиться! Всѣ такъ и норовятъ послѣднее твое добро растащить. Ты думаешь, что кто тебѣ потакаетъ во всемъ, такъ тотъ тебя и любитъ, что ли?

— Ахъ, Боже мой, да я развѣ не знаю, что меня нѣкому любить! съ рыданіемъ выговорила барышня.

— Что ты, что ты! Господь съ тобою! съ ужасомъ вскрикнула старуха. Полно, моя голубушка, у тебя есть папенька, тетенька! Вѣдь помнишь, мамаша тебѣ сама говорила, что тетенька твоя давно хотѣла тебя взять къ себѣ: ты, говоритъ, сестра, больная; гдѣ тебѣ воспитать хорошо свою дочь. Вотъ она какая добрая: еще при мамашѣ твоей думала о тебѣ... Теперь, можетъ статься, она, моя родимая, спѣшитъ къ тебѣ; дождичекъ-то ее мочитъ, вѣтерокъ-то дуетъ на нее, а она, моя голубушка, все ѣдетъ да ѣдетъ къ своей родной племянницѣ, чтобъ приласкать да утѣшить ее.

— Ну, что пустяки-то болтать! Можетъ ли любить меня тетенька, когда она меня не знаетъ, грустно замѣтила дѣвушка, вытирая свои слезы.

— Ну, вотъ что выдумала! а какъ же ей не любить-то родную племянницу? Что это ты всегда такое мудреное скажешь... Тетенька твоя предобрая-добрая....

— Да перестань, няня, что ты меня дурачишь! раздражительно перебила старуху барышня. — Я очень хорошо знаю, что моя тетка вовсе не особенно добра: папаша мнѣ говорилъ много про нее.

— Вздоръ! ну, ей Богу, вздоръ! въ испугѣ и горячась сказала старуха. — Да и гдѣ ему знать, какого она характера? Я-то лучше его знаю о ней;

слава Богу, еще барышней они были, какъ я была приставлена къ нимъ.

— А правда, няня, что бабушка моя была презлая? уже спокойнымъ голосомъ спросила барышня, привставъ на кровати.

— Что это! ну какъ это можно такъ про ба бушку говоритъ? И кто это тебѣ все такія глупости говоритъ? Все вздоръ! бабушка твоя была добрая. Ну, извѣстно, настоящая была барыня. Ужь конечно, такой вольницы холопамъ не дозволяла, какъ у насъ. Что для нихъ барскіе покои?... Ничего—а при покойницѣ барынѣ такъ мимо крыльца-то задняго не смѣлъ никто пройти безъ спроса у дворецкаго. Бывало, смѣй кто изъ дѣвокъ попасться ей на глаза... Боже упаси! такую баню зададутъ, что просто бѣда: я, говоритъ, холопокъ безъ моего зова не хочу видѣть въ своихъ покояхъ. Разъ одна изъ дѣвокъ пошла было въ залу искать барышнина носоваго платка, да какъ замѣтила, что идетъ сама барыня, такъ испугалась, что прыгъ въ окно. А окно-то было высоко.... Ну, ногу себѣ сломила....

— Ну, что же тутъ хорошаго, няня, что люди ноги ломаютъ, чтобъ не видала ихъ барыня?

— Эхъ, ужь такъ слѣдуетъ держать себя барынѣ; за то ты бы посмотрѣла, что добра-то, добра-то было у насъ!

И старуха чуть не захлебнулась чувствомъ рабской гордости.

— Отчего же у насъ теперь такъ мало денегъ? спросила наивно барышня.

— Было много, моя сударыня. Папаша-то твой, баловствомъ да потачками, много добра погубилъ. Ну, да и бабушка-то обидѣла твою мамашу супротивъ твоей тетеньки, Лизаветы Игнатьевны. Ужь какъ она любила ее! Да Лизавета-то Игнатьевна и изъ лица-то похожи на бабушку.

— Ну, а дѣдушка былъ добрый.

— Сущій ангелъ; вотъ бы любилъ-то тебя, кабы живъ былъ; вѣдь ты очень схожа съ нимъ.

— А правда, няня, что у меня была еще тетка, Марья Игнатьевна?

— Была, отвѣтила старуха и продолжала поспѣшно: — глаза-то у него были двѣ....

— А правда, что она была помѣшанная? перебила няню барышня.

Старуху передернуло; она на секунду задумалась и съ грустью отвѣчала.

— Правда; ну, да Богъ съ ней! Вотъ ты послушай про дѣдушку-то....

— Нѣтъ, говори мнѣ про помѣшанную тетку, капризнымъ дѣтскимъ голосомъ замѣтила барышня.

— Да что же я буду говорить-то объ ней? въ сердцахъ сказала старуха.

— А отчего она помѣшалась?

— Испортили ее, моя родная.

— Что за глупости, няня; можно ли испортить ворожбой!

— Что ты знаешь еще! вспыливъ, прикрикнула старуха на барышню. — Что ты видѣла на свѣтѣ еще? а споришь. Ты думаешь, что читаешь книжки, такъ тамъ все и написано?.... Нѣтъ, сударыня моя, и никому такого не написать, что приключилось съ бѣдной нашей барышней Марьей Игнатьевной.

— Такъ разскажи, вѣчно секретничаешь, какъ ни спрошу о ней.

Старуха нерѣшительно оглядѣла комнату и задумалась.

— Ну же, говори, няня, нетерпѣливо замѣтила барышня.

Но старуха прежде приперла плотно дверь въ дѣвичью, и усѣвшись, на стулъ возлѣ кровати, сказала:

— Право, ужь призабыла все....

— Не хитри, не правда!

— Шутка ли, сколько лѣтъ прошло! А барышнѣ Марьѣ Игнатьевнѣ было восьмнадцать годковъ. Вотъ какъ ее строго держали; не то, что ты вонъ валяешься на постели и дѣлаешь, что вздумаешь.

— Оставь меня въ покоѣ; говори про тетку-то.

— Въ дѣвичьей всѣ сидѣли за работой, — не то, что теперь! У насъ была преехидная Марѳа, она и бѣдной барышнѣ много зла надѣлала; все

барынѣ пересказывала, что дѣлала барышня въ въ своей горницѣ.

— Хороша, должна быть, была бабушка моя, если дозволяла обижать свою дочь злой бабѣ, вспыльчиво проговорила слушательница.

Старуха продолжала разсказъ:

— И отродье у Марѳы такое же ехидное было. Агафья-то, что горничной у тетушки Лизаветы Игнатьевны, вѣдь ея дочь.... и тогда была презлющая. Ты берегись ее, пока будешь жить съ ней.

— Очнь мнѣ нужно подлаживаться къ горничнымъ, да коли я замѣчу, что тетушка ей даетъ такую волю, такъ и не поѣду.

— Что по пусту-то болтать! Велятъ — такъ и поѣдешь!.. Что-бишь я говорила-то?....

— Все оттого ты забываешь, что хочешь мнѣ мораль читать, наставительно сказала барышня, а нянька горячо возразила:

— Чего сердишься-то! Вѣдь говорю, что помню; не врать же, чего не было.... Ну, слушай же!... Вотъ стали мы, дѣвки, примѣчать, что наша барышня стала худѣть да худѣть, и все плачетъ.

— О чемъ же она плакала?

— А о томъ, что не слушалась маменьки.

— Въ чемъ же?

— Да во всемъ! Барыня заперли ихъ въ комнатѣ.

— За что ее заперли?

— Чтобъ не гуляли по саду.

— Почему же ей запрещали гулять по саду?

Вопросы свои барышня сопровождала лукавой улыбкой; но старуха ничего не замѣчала; она слишкомъ была озабочена отвѣтами своими, которые придумывала столько же медленно, сколько быстро и смѣло питомица ея предлагала вопросы.

— Скажи, пожалуйста, отчего ей запрещали гулять въ саду?

— А вотъ отчего, — что не слѣдуетъ барышнямъ гулять однимъ.

— Ну вотъ я гуляю же одна?

— Пока злыхъ людей нѣтъ — и ничего.

— Что же злые люди съ ней сдѣлать могли?

— А то, что она ушла изъ родительскаго дома и стала жить одна-одинехонька въ лѣсу; разъ въ недѣлю ей принесутъ хлѣба, чего другова, да такъ никто и не видитъ ее больше.

— Бабушка-то бывала у ней?

— Что ты! какъ же это можно было барышѣ-то идти къ ней въ лѣсъ, послѣ такого сраму?

— Коли она была испорчена, чѣмъ же она виновата? А почему сестра къ ней не ходила?

— Боялись свою мать огорчить. Барыня всю дворню созвала и сказала, что если кто ослушается ее и пойдетъ въ лѣсъ спровѣдать барышню, такъ того она до смерти засѣчетъ и сошлетъ изъ деревни.

— И никто не пошелъ?

— Кто же бы посмѣлъ!

— Такъ и все тутъ, что ты знаешь про Марью Игнатьевну? спросила барышня.

— Все моя родная, спокойно отвѣчала нянька,

Барышня вдругъ засмѣялась, старуха вздрогнула и въ недоумѣніи смотрѣла на свою слушательницу, которая, прекративъ смѣхъ, наставительно сказала:

— И не стыдно это тебѣ такъ лгать?... а? Дуняшкѣ уши дерешь за то, что она лжетъ, а сама-то что дѣлаешь на старости лѣтъ?

— Что это, Анна Ларіоновна? сконфуженно бормотала старуха.

— А то, Палагея Тихоновна, что я все знаю про тетушку Марью Игнатьевну; я прочла письмо тетеньки къ мамашѣ!

Старуха всплеснула руками и въ ужасѣ проговорила:

— Мать пресвятая Богородица! Что это за дѣвушка!

Барышня наслаждалась испугомъ своей няньки, которая накинулась на нее съ вопросомъ:

— Какъ же это ты смѣла читать мамашины письма?

— Мнѣ папаша далъ ключь отъ ея бюро и сказалъ: — все послѣ твоей матери принадлежитъ тебѣ.

Старуха повѣсила голову, какъ бы отъ изне-

моженія, но вдругъ встрепенулась, встала со стула и со сверкающими глазами сказала въ сильномъ волненіи:

— Коли онъ это сказалъ тебѣ, такъ поди проси у него что бъ тебѣ отдалъ все, что у твоей матери было. Спроси у него, гдѣ бриліанты, гдѣ сер... старуха не могла продолжать: у ней порвался голосъ.

— Полно горячиться, няня, да я все знаю! папаша все прожилъ, у насъ долговъ куча. Да я даже все знаю про тетушку Лизавету Игнатьевну, какъ она богата, какъ ее мужъ бросилъ... какъ....

Старуха не дала говорить болѣе своей барышнѣ; дрожа всѣмъ тѣломъ, она возразила:

— Замолчи, ради всѣхъ святыхъ, замолчи! Не сгуби ты меня, не проговорись ты при Лизаветѣ Игнатьевнѣ! Да она меня на старости лѣтъ выгонитъ вонъ изъ-за тебя. Не повѣритъ, чтобы не я это тебѣ пересказала.... Господи, что будетъ съ моей головушкой!

И старуха зарыдала.

Барышня была перепугана и упрашивала няню успокоиться, давала клятвы, что виду не подастъ, что знаетъ про своихъ тетокъ. Но вдругъ онѣ обѣ встрепенулись и стали прислушиваться: вдали звенѣлъ колокольчикъ. Старуха и барышня вскочили на ноги и пугливо проговорили: ѣдетъ! Нянька бросилась изъ комнаты, крича несвязно: огня, самоваръ! ѣдетъ! ѣдетъ! А барышня бросилась

къ комоду, распустила свою густую, длинную косу, пронзительно тоже крича: Дунюшка... Софья... тетенька пріѣхала.... тетенька ѣдетъ!

ГЛАВА II.

Дребезжанье колокольчика поставило мрачный домъ вверхъ дномъ. Огни земелькали въ окнахъ, заскрипѣли и захлопали двери, забѣгали лакеи и горничныя съ разными вещами съ низу наверхъ, безъ всякаго толку, точно домъ горѣлъ: такъ всѣ потерялись, хотя давно, давно готовились къ прибытію гостьи и даже знали, что генеральша, Лизавета Игнатьевна Абрютина, изволила ночевать въ уѣздномъ городѣ и непремѣнно должна была пріѣхать къ обѣду. Но такъ какъ она не явилась къ обѣду, то всѣ рѣшили, что не можетъ же генеральша пріѣхать въ темную пору.

Палагея Тихоновна такъ потерялась, что не могла говорить и давать приказанія; она только ахала, крестилась и звала себѣ на помощь всѣхъ святыхъ, какъ будто ее ожидала страшная опасность.

Экипажъ былъ у воротъ; вся дворня высыпала на крыльцо за барышней, чтобы встрѣтить гостью, но никто не подумалъ объ огнѣ. Дуняшка первая замѣтила объ этомъ промахѣ и всѣ заахали и бросились за огнемъ; чрезъ минуту многіе явились

на крыльцо, кто съ фонаремъ, кто со свѣчей въ рукахъ.

Палагея Тихоновна явилась съ ночникомъ въ помадной банкѣ. Темная ночь, прислуга въ траурѣ, по случаю недавней смерти барыни, трепетные огни въ рукахъ и напряженныя любопытныя лица, съ глазами устремленными на подъѣзжавшую карету, все придавало этой встрѣчѣ что-то похоронное. Гостья вышла изъ экипажа, обняла племянницу и съ минуту продержала ее въ своихъ объятьяхъ. Всѣ стояли неподвижимо и притаивъ дыханіе, какъ бы боясь нарушить торжественное свиданіе генеральши-тетки съ племянницей. Одинъ вѣтеръ смѣло рвался на крыльцо и тушилъ огни, какъ бы не желая, чтобъ кто нибудь видѣлъ родственную встрѣчу.

Черезъ четверть часа гостья сидѣла уже на диванѣ въ небогато убранной гостиной, въ которой стояла постель, огороженная ширмами. Барышня сидѣла возлѣ своей тетушки и очень конфузилась отъ пытливыхъ ея взглядовъ, хотя эти взгляды сопровождались сладкою улыбкою.

Палагея Тихоновна стояла у дверей въ раболѣпной позѣ, умиленно поглядывая на диванъ. Впрочемъ еще множество глазъ свѣтились изъ щелки дверей, выходившихъ въ залу.

Трудно было съ точностью опредѣлить лѣта Лизаветы Игнатьевны Абрютиной. На видъ ей

казалось лѣтъ подъ 50. Выраженіе лица змѣиное: быстрые зеленые глаза, исполненные огненной злобы, тонкія губы, на которыхъ постоянно играла умильно-язвительная улыбка, отъ чего ея бѣлые здоровые зубы были всѣ на виду, какъ будто она ими хвасталась. Рыжеватый отливъ бѣлокурыхъ волосъ смягчалъ сѣдину, а умѣренная полнота, при подвижности генеральши, скрадывала ей цѣлыхъ 10 лѣтъ.

— Ты меня полюбишь, я увѣрена, сказала Абрютина своей хорошенькой племянницѣ, какъ бы прочитавъ на ея открытомъ личикѣ непріятное смущеніе, когда въ первый разъ зеленые глаза тетки впились въ нее.

— Господи! матушка, сударыня какъ васъ ей не полюбить! вы теперь все — и мать и.... начало было робко старуха и замолчала, встрѣтивъ барски-гордый взглядъ генеральши.

Абрютина приложила платокъ къ глазамъ и слезливо сказала:

— Да, Анюта; мы лишились ангела. Я любила твою мать... мы были очень дружны. Я все сдѣлаю, чтобы заставить тебя не чувствовать сильно эту страшную потерю.

Няня воспользовалась удобной минутой и дѣлала жесты своей барышнѣ, чтобъ она приласкалась къ тетушкѣ, но барышня сидѣла неподвижно и съ наивнымъ любопытствомъ глядѣла на сле-

зы тетки, которая, поднявъ глаза къ потолку, торжественно произнесла:

— Небо будетъ свидѣтелемъ, что я ей замѣню мать!

Послѣ этой громкой фразы тетушка съ чувствомъ поцаловала племянницу и, держа ея головку въ своихъ рукахъ, сказала съ сладкой улыбкой:

— Знаешь ли, плутовка, что ты очень хорошенькая степнячка!

Дѣвушка стыдливо потупила глаза. Нянька совершенно растаяла отъ гордости и радостно улыбалась, не замѣчая сама, что слезы текутъ въ три ручья по ея щекамъ; но Абрютина вывела ее изъ этого состоянія, замѣтивъ ей, что она можетъ идти. Сердце старухи сжалось, но она не смѣла ослушаться генеральши. Боялась она, чтобы барышня не сказала чего лишняго, или не проговорилась про семейныя тайны.

И предчувствіе не обмануло ее. Абрютина, просидѣвъ съ часъ наединѣ съ племянницей, вывѣдала все, что ей было нужно: умъ дѣвушки, характеръ отношеній къ отцу, степень и свойства воспитанія — все поняла она. Прощаясь съ племянницей, тетушка набожно благословила ее, съ нѣжностью поцаловала и просила, чтобы она была готова завтра по утру, какъ можно ранѣе, вмѣстѣ ѣхать отслужить панихиду на могилѣ ея матери. Какъ ни ласкала Абрютина свою племянницу, какъ ей сладко ни улыбалась, но наивной

барышнѣ, жившей на волѣ, почти не видавшей общества, тогда только сдѣлалось легко, когда зеленые глаза тетушки болѣе не впивались въ нее. Абрютина, по уходѣ племянницы, кликнула свою горничную, худую высокую, — съ страшно-свирѣпымъ взглядомъ, которая басомъ отрапортовала слѣдующую фразу:

— Они-съ на охоту изволили уѣхать.

Абрютина жестомъ подозвала ее къ себѣ, и горничная шопотомъ продолжала:

— Старуха думаетъ, что она ѣдетъ съ барышней. Въ домѣ гоститъ какой-то поповскій сынъ, вмѣстѣ играютъ на фортепьянахъ. Во флигелѣ живетъ нѣмка, какъ барыня. У ней есть заемныя письма на барина.

Барыня кивнула головой, горничная замолчала.

— Позвони-ка ко мнѣ Палагею, сказала Абрютина послѣ минутнаго раздумья.

Черезъ пять минутъ робко явилась въ дверяхъ Палагея. Абрютина приказала ей хорошенько запереть дверь въ залу и прибавила:

— Подойди ближе.

Нянька подошла къ столу, дрожа какъ въ лихорадкѣ, съ потупленными глазами, точно какая нибудь преступница. Голосъ, выраженіе лица Абрютиной слишкомъ ясно напоминали ей старую барыню и весь ужасъ того времени.

— Духовную писала барыня? спросила сурово

Абрютина, уставивъ глаза на старуху. Та дрожащимъ голосомъ отвѣчала:

— Не знаю-съ.

— Говори правду! прикрикнула Абрютина.

— Ей богу-съ не знаю, матушка Лизавета Игнатьевна! Развѣ изволили написать прежде; а когда имъ пришелъ конецъ, онѣ-съ ничего не поминали про духовную.

— Въ памяти умерла?

— Въ памяти изволили умереть, всхлипывая отвѣчала нянька.

— Что же, дура, не спросила ее о духовной?

Старуха дико и вопросительно поглядѣла на Абрютину, которая, дѣлая допросы, становилась все суровѣе и суровѣе.

— Когда она умерла, баринъ оставался одинъ въ ея комнатѣ?

— Да-съ.

— Серебро, брилліанты и деньги гдѣ?

— Я не могу-съ.... запинаясь пробормотала старуха, но Абрютина погрозила ей пальцемъ и выразительно произнесла:

— Не лгать!

Старуха печально отвѣчала:

— Все давно пропало въ залогѣ, а денегъ ни копѣйки не было у барыни.

Абрютина пожала плечами и задумалась, но вдругъ спросила:

— А что, твоя барышня влюблена въ этого

дьячка, что съ ней играетъ на фортепьянахъ да читаетъ книжки?

Старуха вздрогнула, вытаращила глаза на Абрютину, какъ-бы не понимая ея вопроса.

— Старая дура! съ презрительнымъ упрекомъ произнесла Абрютина и грозно прибавила. — Какъ ты смѣла позволить дьячку сидѣть съ твоей барышней?... а?

Палагея была блѣдна, какъ полотно, и дрожащей рукой указывая на образъ, почти шопотомъ отвѣчала:

— Видитъ Богъ, я не виновата; самъ баринъ позволили. Онъ еще мальчишкой игралъ съ барышней.

— Хорошо, хорошо; всѣ вы здѣсь дураки; позволять барышнѣ сидѣть съ молодымъ мужчиной, да еще съ кѣмъ!

И Абрютина скорчила страшно-презрительную гримасу и вслѣдъ за этимъ сдѣлала опять вопросъ нянькѣ:

— А что, столько тутъ у васъ развелось мерзостей-то?

Старуха ничего не поняла, а Абрютина въ сердцахъ прибавила:

— Дѣтей развѣ нѣтъ?

— Какъ-же-съ.... отвѣтила старуха: — у Авдотьи двое, да у Катерины одинъ сынъ.

— Даны вольныя?

— Нѣтъ-съ.

— Бываютъ они въ комнатахъ?

— Прежде бѣгали-съ, а какъ нѣмку привезли, такъ ихъ не приказано пускать. И Авдотью-то услали по пашпорту ходить.... Ахъ, забыла! еще Дуняшка есть, послѣ смерти ея матери приставили ее къ барышнѣ.

— А давно привезена эта нѣмка?

— Года два-съ.

— Барыня неужто не знала?

— За гувернанку выдали; сначала, барыня и повѣрили, ну потомъ изволили ее выгнать вонъ изъ дому.

— Какъ же она жила?

— Да вотъ жила-съ! Баринъ приказать изволили всей дворнѣ, чтобы барынѣ не смѣли докладывать, что нѣмка проживаетъ въ домѣ. Ежели, говоритъ, кто скажетъ.... И какая она пакостница!...

Шумъ на дворѣ прервалъ одушевившуюся старуху, она пугливо остановилась и съ тяжелымъ вздохомъ прибавила:

— Вотъ и сами изволили пріѣхать.

— Поди, проси Ларіона Петровича ко мнѣ, сейчасъ же.... Да чтобъ завтра рано все было готово у барышни, сказала Абрютина.

Нянька заплакала.

— Ты должна не плакать, а радоваться, что твоя барышня ѣдетъ изъ дому, гдѣ нѣмка барыню разыгрываетъ, а дьячки сидятъ въ гостяхъ.

— Я матушка, Лизавета Игнатьевна, рада, очень рада! всхлипывая отвѣчала старуха и, вслѣдъ за этой фразой, опустилась на колѣна и продолжала умоляющимъ голосомъ: — сударыня, Лизавета Игнатьевна! не разлучайте меня съ ней!... Мнѣ и жить-то не долго осталось. Я буду все дѣлать у васъ въ домѣ, что ни прикажете; не разлучайте меня только съ ней.... хоть разокъ въ день мнѣ ее видѣть, вѣдь я ее выкормила, выняньчила, мнѣ жить безъ нея не въ моготу!

Голосъ, какимъ молила старуха, и вся ея фигура выражали столько мольбы и горя, что трудно было бы не тронуться ея положеніемъ; но Абрютина строго и холодно отвѣчала:

— Что ты это дуришь-то! на что ты теперь барышнѣ?

— Матушка! да я жить безъ нея не могу. Я одна на этомъ свѣтѣ.... У меня одно и есть утѣшеніе, что она. Сами изволите знать, Лизавета Игнатьевна, что у меня сыночка взяли, чтобъ выкормить барское дитя, мужа услали на чужую сторону, тамъ онъ и умеръ, отъ сродственниковъ взяли во дворъ....

Старуха высчитывала свои несчастья съ какимъ-то дикимъ отчаяніемъ.

— Поди, принеси мнѣ варенья, равнодушно, но строго прервала Абрютина несчастную старуху; та, со стономъ и рыдая, встала съ колѣнъ и шатаясь вышла изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ по уходѣ старухи, дверь съ шумомъ распахнулась, и въ нее вошелъ высокій, плечистый и довольно полный мужчина пожилыхъ лѣтъ и очень эффектной наружности. Лицо его теперь уже обрюзгло, хотя еще сохраняло слѣды прежней красоты, утомленные и опухшіе каріе глаза его были красны, лобъ былъ покрытъ морщинами, но густые черные волосы, стоящіе все кверху, еще не тронуты были сѣдиною; на немъ туалетъ былъ охотничій; на шнуркѣ висѣлъ серебряный рогъ, и за черкескимъ кушакомъ торчалъ кинжалъ въ дорогой оправѣ. Большіе сапоги были забрызганы грязью.

— Сестрица! воскликнулъ онъ хриплымъ голосомъ, войдя въ комнату.

— Братецъ! вставая съ дивана, жалобно и слезливо привѣтствовала его Абрютина.

И они поцаловались очень нѣжно три раза.

— Какая грустная встрѣча, сестрица, послѣ такой долгой разлуки! Эта потеря для меня невозпаградима! трагически произнесъ Ларіонъ Петровичъ и захныкалъ.

— Полноте, братецъ; я и такъ разстроена, прикрывая свои глаза платкомъ, замѣтила Абрютина. — Я потому только не пріѣхала тотчасъ, какъ получила ваше письмо, что лежала больная въ постели.

— Разумѣется! Я такъ и думалъ, что только опасная болѣзнь могла вамъ помѣшать пріѣхать

къ ней тотчасъ.... А она васъ очень ждала.... Я до сихъ поръ не могу свыкнуться съ страшною мыслью, что ея нѣтъ болѣе со мной!! съ отчаяніемъ прибавилъ Ларіонъ Петровичъ и, сѣвши въ кресло, склонилъ голову на грудь и что-то бормоталъ тихо.

— Мнѣ сказали, что вы ѣздили меня встрѣтить? спросила Абрютина Ларіона Петровича.

Онъ отвѣчалъ безъ запинки.

— Да, сестрица; но я думалъ, что вы поѣдете по другой дорогѣ. Тамъ очень грязно.... А вы видѣли мою Анюту? Неправда ли, она красавица? И что за сердце? Она вылитая мать, такой же ангелъ!... Господи, Господи! за что ты взялъ у меня все мое счатіе!...

— Не ропщите братецъ, это большой грѣхъ! на все Его святая воля!... замѣтила набожно Абрютина на отчаянныя восклицанія Ларіона Петровича, и прибавила болѣзненнымъ голосомъ: — братецъ! заприте плотнѣе дверь; намъ надо поговорить о семейныхъ дѣлахъ.

Ларіонъ Петровичъ свиснулъ въ свистокъ, висѣвшій у него на груди, и не успѣла Абрютина придти въ себя отъ неожиданаго свистка, какъ явился казачокъ въ дверяхъ и исполнилъ приказаніе барина: плотно̀ заперъ дверь.

Абрютина немедленно начала свою рѣчь грустнымъ, но выразительнымъ тономъ.

— Вы, вѣроятно, знаете, братецъ, что ваша

жена и моя милая сестра всегда имѣла желаніе, чтобы послѣ смерти ея Анюта жила со мной. Я нахожу излишнимъ увѣрять васъ, что она найдетъ во мнѣ вторую мать.

Ларіонъ Петровичъ кивнулъ головой довольно небрежно, въ знакъ согласія, Абрютина измѣнила тонъ голоса и выраженіе лица, и замѣтно суровѣе продолжала:

—Такъ какъ я теперь беру на себя высокую обязанность, то желаю знать: сдѣлала ли моя сестра какое нибудь распоряженіе на счетъ своихъ денегъ, бриліантовъ и прочихъ вещей, полученныхъ ею въ приданое?

Ларіонъ Петровичъ сердито посмотрѣлъ на Абрютину и съ достоинствомъ отвѣчалъ:

— Моя добрая подруга не сдѣлала никакихъ особенныхъ распоряженій, мы жили дружно и у насъ ни чего не было раздѣленнаго.

— При жизни вашей жены, братецъ, вы могли пользоваться ея полной довѣренностію; но послѣ смерти ея, Анюта наслѣдница всего; а такъ какъ она еще требуетъ большихъ тратъ на воспитаніе, можетъ, ей придется и замужъ выдти, то мнѣ надо же будетъ знать, что она имѣетъ?

— Моя Анюта такъ хороша собой, что, очень вѣроятно, скоро выдетъ замужъ, сказалъ съ гордостію Ларіонъ Петровичъ.

— Красота въ женщинѣ — не прочная вещь,

братецъ; притомъ мужчины ищутъ однихъ денегъ. За деньги они возьмутъ урода, мертвеца.

Отъ этихъ словъ Ларіонъ Петровичъ весь побагровѣлъ и сдѣлалъ такое движеніе въ креслѣ, что оно заскрипѣло, и онъ запальчиво спросилъ:

— Вы чего хотите отъ меня, сестрица? Отчетовъ я никому не обязанъ давать, и вы довольно странно говорите мнѣ, что надо Анюту воспитать и содержать прилично въ вашемъ домѣ.

Ларіонъ Петровичъ сдѣлалъ сильное удареніе на послѣднюю фразу и продолжалъ съ возрастающимъ жаромъ, вставъ съ своего мѣста:

— Я впрочемъ, сестрица, не хочу утруждать никого воспитаніемъ своей дочери. Я — отецъ; я выполню свои обязанности свято.

И онъ сталъ ходить скорыми шагами по комнатѣ.

Абрютина какъ бы не замѣчала волненія своего братца и сидѣла спокойно съ своей неизмѣнной умильно-злобной улыбкой. Она какъ будто выжидала, когда успокоится Ларіонъ Петровичъ, но тотъ неутомимо шагалъ по комнатѣ. Тогда Елизавета Игнатьевна спросила его съ участіемъ.

— А что, братецъ, вы, я думаю, очень истратились въ это время?

Ларіонъ Петровичъ остановился, потомъ сѣлъ на свое мѣсто и съ любезностью отвѣчалъ.

— Не говорите, сестрица! Я, знаете, отдалъ ей послѣдній долгъ, какъ слѣдуетъ дворянкѣ и нѣж-

но любимой женѣ. Духовенства было много, гробъ стоилъ очень дорого, почти всѣ сосѣди пріѣхали. Очень, очень было пышно. Ну, знаете, пріѣздъ архіерея, трауръ всей дворни, — это все стоило денегъ. Я ей хочу выписать изъ Италіи памятникъ, чтобъ былъ единственный въ губерніи. Ну, да и на болѣзнь ея тоже не мало ушло денегъ! Два доктора послѣднее время безвыходно жили здѣсь.... Я вамъ признаюсь, какъ родственницѣ, что ищу призанять деньжонокъ....

И Ларіонъ Петровичъ поглядывалъ вопросительно на Абрютину, которая, выслушавъ его съ большимъ участіемъ, спросила съ наивностью:

— А есть частные долги на имѣніи?

Ларіонъ Петровичъ насупился отъ неожиданнаго вопроса и не смѣло, уклончиво отвѣчалъ:

— Есть.... но имѣніе очень хорошее, это золотое дно, надо только положить на его устройство капиталъ небольшой.

— Сестра мнѣ писала, что на улучшеніе имѣнія она истратила всѣ свои деньги.

— Знаете, постройка дома....

— Да онъ, кажется, не оконченъ?

— Но всѣ матеріалы заготовлены; вы знаете, какъ Annette была слаба.... ее безпокоили постройки, и я все откладывалъ, питая тщетную надежду, что она выздоровѣетъ.

Ларіонъ Петровичъ облокотился на столъ и,

закрывъ глаза руками, тяжко простоналъ: Annette! мой ангелъ.

Молчаніе длилось долго. Ларіонъ Петровичъ поглядывалъ украдкой изъ-за пальцевъ на Абрютину, которая сидѣла съ платкомъ у глазъ.

— Вѣчно буду плакать я о невозвратной потерѣ, сестрица, прервалъ наконецъ тяжелое молчаніе Ларіонъ Петровичъ, и прибавилъ: — я надѣюсь, сестрица, вы у насъ погостите подольше?

— Благодарю васъ, братецъ, но вы сами знаете священныя обязанности родителей къ дѣтямъ. Я должна спѣшить въ Петербургъ; мою Сашу я сотавила въ такомъ положеніи....

— Да вѣдь у ней не первый?

— Для сердца матери равно страшны страданія дочери.... Вы, братецъ похлопочите, чтобы завтра все было готово для моего отъѣзда съ Анютою, какъ только я встану.

Ларіонъ Петровичъ принялъ важно грустную позу и печально сказалъ:

— Какъ, такъ скоро хотите разлучить меня съ Анютой?

— Надо быть твердымъ въ исполненіи воли покойной вашей жены.

— Да; вы правы, сестрица!... Но я съ тѣмъ только отпущу съ вами мою Анюту, чтобы она вернулась ко мнѣ, когда я захочу. Потомъ буду просить васъ не строго взыскивать съ нея за ея

наивность и рѣзвость. Я, знаете, люблю открытость въ женскомъ характерѣ.

Абрютина, замѣтно разсерженная замѣчаніями Ларіона Петровича, съ язвительнымъ упрекомъ отвѣчала ему:

— Братецъ, вы мнѣ дѣлаете условія, какъ будто я не родная тетка Анюты! Будьте увѣрены, что ваша дочь будетъ прилично воспитана, какъ слѣдуетъ быть дворянкѣ. Она никогда не будетъ знать подлыхъ какихъ нибудь знакомствъ. Можетъ быть, Анютѣ сначала будетъ казаться страннымъ, что я буду ее останавливать отъ дурныхъ манеръ, какія она получила отъ вліянія крѣпостной бабы....

— Извините, сестрица! у Анюты всегда были гувернантки, запальчиво и обиженно воскликнулъ Ларіонъ Петровичъ. — Да и Палагея—преданная слуга.

— Слуги всѣ обязаны быть преданными своимъ господамъ! Моя Агафья тоже мнѣ предана, но я ей не поручала воспитанія моихъ дочерей.

Разговаривавшіе не замѣчали сами, какъ изъ лицемѣрнаго, плаксиво-печальнаго и льстиваго тона они переходили во враждебный, и ихъ голоса возвышались все сильнѣе и сильнѣе.

Ларіонъ Петровичъ судорожно схватилъ себя за голову и трагически воскликнулъ:

— Боже мой! я ли заслужилъ такіе упреки!... Моя совѣсть чиста, я дамъ самому Богу отчетъ

въ воспитаніи Анюты, но теперь я не позволю требовать отъ меня отчетовъ.

— Отъ васъ никто и не требуетъ; я вамъ потому замѣтила на счетъ воспитанія Анюты, что вы стали мнѣ давать условія, какъ будто я способна на какія нибудь притѣсненія. Если я спрашивала васъ о наслѣдствѣ Анюты, такъ это доказываетъ вамъ, что я принимаю самое родственное участіе въ вашей дочери....

— Сестрица.... я не могу говорить о дѣлахъ послѣ такого удара судьбы, разслабленнымъ голосомъ прервалъ разгорячившуюся Абрютину Ларіонъ Петровичъ.

— Извольте; я о дѣлахъ перестану говорить съ вами, но все-таки возьму съ собой Анюту, а по пріѣздѣ въ Петербургъ пришлю повѣреннаго отъ себя.

Ларіонъ Петровичъ поблѣднѣлъ и торопливо замѣтилъ:

— Я ничего не боюсь; но позвольте замѣтить вамъ, сестрица, что неделикатно мѣшать въ семейныя дѣла постороннихъ лицъ (его голосъ сдѣлался мягкимъ), и мнѣ, какъ отцу, обидно, очень....

— Кто васъ обижаетъ, братецъ?... смягчивъ тоже тонъ, перебила его Абрютина. — Я слабая женщина, неопытная въ дѣлахъ, можетъ, и поспѣшила сказать неумѣстное свое мнѣніе....И не въ моихъ правилахъ придавать гласность семей-

нымъ дѣламъ. Изъ любви къ памяти моей милой сестры, я готова на всѣ жертвы.

— Благодарю, благодарю васъ, добрая сестрица! жалобно и ласкательно заговорилъ Ларіонъ Петровичъ и, съ чувствомъ поцаловавъ руку у Абрютиной, прибавилъ торопливо:—я буду присылать на воспитаніе Анюты всѣ доходы съ имѣнія. И онъ опять началъ прохаживаться по комнатѣ, откашливаясь и замѣтно готовясь къ чему-то; наконецъ остановился передъ Абрютиной и озабоченнымъ тономъ сказалъ:

— Сестрица, я хотѣлъ бы васъ просить....

— О деньгахъ? досказала фразу Абрютина.

Ларіонъ Петровичъ торопливо кивнулъ головой. Абрютина показала свою горничную и приказала подать небольшой ящикъ съ окна. Поставивъ его на столъ, она принялась считать деньги, какъ бы поддразнивая ими огорченнаго братца. Ларіонъ Петровичъ видимо старался не смотрѣть на пачки ассигнацій; но, противъ воли, глаза его не могли оторваться отъ денегъ.

— Сколько вамъ нужно? спросила Абрютина послѣ продолжительнаго пересчитыванія пачекъ, которыя она аккуратно разложила въ ящикѣ по порядку.

Ларіонъ Петровичъ дрожащею рукой указалъ на самую толстую пачку.

Абрютина отклонила руку его и твердымъ тономъ сказала:

— Сядьте, я хочу вамъ сказать нѣсколько словъ.

Ларіонъ Петровичъ сѣлъ съ досадой въ кресло.

— Вы согласны не вмѣшиваться въ воспитаніе вашей дочери?

— Согласенъ! торопливо отвѣтилъ Ларіонъ Петровичъ.

— Ни сценъ, ни шуму не будетъ при прощаньи?

— Согласенъ, согласенъ! раздражительно повторялъ вдовецъ.

Абрютина съ уничтожающимъ равнодушіемъ и медленностью подала ему пачку ассигнацій, говоря:

— Пересчитайте; тутъ тысяча рублей!

Ларіонъ Петровичъ схватилъ деньги, дико посмотрѣлъ на нихъ; какая-то нерѣшительность и смущеніе изобразились на его лицѣ; но вдругъ онъ торопливо и въ сердцахъ сунулъ деньги въ карманъ, и горькая улыбка искривила его губы.

Абрютина внимательно слѣдила за измѣненіемъ лица и движеніями своего братца и, когда онъ положилъ деньги въ карманъ, она замѣтно осталась довольна и любезно сказала:

— Извините, что не могу вамъ предложить болѣе.

— Благодарю! произнесъ Ларіонъ Петровичъ, холодно и язвительно улыбаясь и довольно сильно постукивая ногой объ полъ.

— Я очень устала, братецъ, и хочу лечь въ постель пораньше, замѣтила наконецъ Абрютина Ларіону Петровичу послѣ продолжительнаго молчанія, во время котораго глаза его безпрестанно обращались на окно, куда снова горничная поставила ящикъ съ деньгами.

При словахъ Абрютиной онъ торопливо отвелъ глаза отъ ящика и пристально устремилъ ихъ на генеральшу. Она мужественно встрѣтила взглядъ своего братца, нѣсколько минутъ они созерцали другъ друга, нельзя сказать, чтобъ дружелюбно. Наконецъ гостья соскучившись такимъ занятіемъ, нетерпѣливо спросила хозяина дома:

— Вы, можетъ, желаете мнѣ что нибудь сказать на прощаньи? Завтра я выѣду рано и, быть можетъ, не увижу васъ?

— И увезете Анюту?

— Да!

На лицѣ отца мелькнула грусть и онъ безъ эфекта произнесъ:

— Бѣдная моя Анюта!

Абрютина измѣнилась въ лицѣ и дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ сказала:

— Да, она должна бы жаловаться на свою судьбу, если бы понимала свое положеніе и знала бы...

— Что у нея отецъ—злодѣй! дико вскрикнулъ Ларіонъ Петровичъ, съ силою ударивъ кулакомъ объ столъ.

Въ дверяхъ появилась Агафья, а за ней торчала мужская голова.

Ларіонъ Петровичъ залился истерическимъ смѣхомъ и, указывая на нихъ пальцемъ, произнесъ презрительно:

— Тѣлохранители-то ваши! ха, ха, ха!

Трудно описать, какимъ ядомъ проникласъ каждая черта въ лицѣ Абрютиной; она повелительно указала хозяину дома на дверь въ залу и заносчиво-гордо сказала:

— Вы забываете, съ кѣмъ вы говорите! извольте идти отсюда!

— Нѣтъ-съ, я помню, очень хорошо помню, что я говорю съ генеральшей, которая такъ значительна въ столицѣ, что можетъ меня сослать даже въ Сибирь.... Но мнѣ жизнь противна, дѣлайте, что хотите, со мной!! трагически прокричалъ Ларіонъ Петровичъ и вышелъ изъ комнаты.

Абрютина приказала за нимъ запереть дверь на замокъ, осмотрѣть окна — высоко ли они отъ земли, потомъ отдала приказаніе рыжему, дюжему своему лакею лечь у дверей сосѣдней комнаты и стрѣлять изъ пистолета, не боясь ничего, если кто вздумаетъ идти къ ней ночью.

Послѣ этихъ страшныхъ приказаній, Абрютина велѣла своей горничной привести нѣмку изъ флигеля и въ ожиданіи ея нетерпѣливо поглядывала на дверь. Минутъ черезъ десять явилась въ комнату толстая, высокая, разрумяненная женщина

лѣтъ 30. Сильный запахъ гвоздичной помады въ одно мгновеніе наполнилъ комнату. Абрютина съ уничтожающимъ презрѣніемъ оглядывала нѣмку, стоявшую у дверей и отъ смущенія вертѣвшую свои толстые пальцы, не совсѣмъ чистые, но закованные въ разныя кольца; весь нарядъ этой женщины отличался пестротой и неряшествомъ.

— Поди сюда, грозно сказала Абрютина нѣмкѣ, которая, какъ ни старалась придать себѣ развязный видъ, но замѣтно оробѣла.

— Говори правду, продолжала Абрютина сурово. — Далъ тебѣ баринъ заемныя письма или какія нибудь вещи, когда ты поступила сюда въ домъ?

Нѣмка ломаннымъ языкомъ стала божиться, что у ней ничего нѣтъ барскаго.

— Хорошо, если ты осмѣлишься когда нибудь требовать денегъ по заемному письму, то я тебя черезъ полицію отсюда возьму и найду тебѣ мѣсто; мерзавка!

Нѣмка заревѣла, какъ будто ее рѣжутъ.

Абрютина велѣла увести ее, но нѣмка бросилась къ ней, прося пощады. Генеральша съ отвращеніемъ вскочила съ дивана и кричала какъ на какую нибудь гадину: «прочь, пошла прочь! Иванъ вытолкни ее вонъ!»

Лакей схватилъ нѣмку за плечо, зажалъ ей ротъ и вытащилъ изъ комнаты; за дверью только послышался стонъ.

— Скажи, чтобъ Иванъ былъ осторожнѣе, покойно замѣтила барыня своей горничной, та кинулась исполнить ея приказаніе.

Черезъ полчаса въ той самой комнатѣ, гдѣ происходили всѣ эти сцены, настала наконецъ тишина. Ея превосходительство съ большимъ чувствомъ молилась Богу и послѣ этого очень скоро заснула — тихо, спокойно, какъ говорятъ, сномъ праведницы.

ГЛАВА III.

Вдовствующая генеральша Абрютина пользовалась большимъ уваженіемъ въ петербургскомъ средне-свѣтскомъ обществѣ. Многія нравственныя матери семействъ цаловали у ней руки, а это много значитъ! Эти дамы такъ были строги къ другимъ женщинамъ, что одна изъ нихъ не пускала даже своихъ маленькихъ дѣтей въ знакомый домъ играть съ дѣтьми, потому что у тѣхъ была бабушка, имѣвшая когда-то исторію. Давно, въ годы ранней молодости она имѣла несчастье влюбиться въ какого-то офицера, который на столько былъ низокъ, что читалъ ея письма своимъ пріятелямъ, а пріятели пересказывали своимъ пріятельницамъ и непріятельницамъ, такъ что изъ этого вышла очень печальная исторія: родственники мужа вооружили его противъ жены и тотъ разошелся съ ней со скандаломъ. Нравственныя дамы до конца жизни не могли простить ей этого....

Судя по такимъ примѣрамъ, нужно бы заключить, что если ужь такія строгія дамы бываютъ у Абрютиной и цалуютъ у ней руки, то, значитъ, она вполнѣ безукоризненна въ своихъ добродѣтеляхъ. Но, къ удивленію читателя, мы должны сказать, что весь Петербургъ и всѣ знакомые Абрютиной знэли за ней исторіи ни чуть не хуже похожденій съ письмами имморальной бабушки. Всѣмъ извѣстно было, что Абрютина лѣтъ тридцать уже въ связи съ одной очень важной особой, и что она, во имя своей дружбы съ этимъ всесильнымъ лицомъ, брала страшныя взятки со всѣхъ, кто нуждался въ его покровительствѣ. Мало этого,—всѣ знакомые Абрютиной знали, что она занимается продажей контрабанды, и не разъ укрывала и защищала въ своемъ домѣ жидовъ, которые хорошо платили ей за это и уступали очень дешево свой товаръ. Товаръ этотъ генеральша роспродавала у себя въ гостиной подъ разными человѣколюбивыми предлогами. И это ни въ комъ не возбуждало негодованія. Напротивъ, всѣ нравственные отцы и матери семействъ, благоговѣйно вставали при появленіи важной особы въ гостиной Абрютиной и, постоявъ навытяжку, спѣшили уйти домой, чтобы не мѣшать нѣжнымъ изліяніямъ двухъ старцевъ, изношенныхъ, но еще не остывшихъ сердцами....

Вѣроятно, найдутся простодушные люди, которые спросятъ: за что же нравственныя дамы и

ихъ мужья такъ презирали бабушку, бывшую когда-то влюбленною въ недостойнаго господина? А за то, что у бѣдной старухи не было гроша за душой, между тѣмъ какъ у Абрютиной въ секретныхъ ящикахъ бюро лежало множество ломбардныхъ билетовъ и комоды ломились отъ драгоцѣнныхъ вещей. Эти-то скрытные талисманы, да титулъ любовницы важной особы въ городѣ, и заставляли всѣхъ нравственныхъ свѣтскихъ людей уважать такую старуху. У бѣдной бабушки дочь умерла въ старыхъ дѣвушкахъ, а у Абрютиной двухъ дочерей разобрали нарасхватъ, и женихи хорошіе, изъ старинныхъ дворянскихъ фамилій. Они очень хорошо знали, что ихъ невѣсты родились послѣ того, какъ мужъ Абрютиной бросилъ ее; знали, что онъ не признавалъ ея дочерей своими; но даже дворянскій предразсудокъ былъ въ этомъ случаѣ безсиленъ. Впрочемъ дочери носили фамилію своего отца, пользовались въ обществѣ всѣми правами богатыхъ невѣстъ и особеннымъ вниманіемъ у свѣтскихъ франтовъ, продающихъ себя за хорошее приданое. Абрютина вполнѣ опровергала собою мудрое правило прописей: порокъ наказывается, а добродѣтель торжествуетъ. Старость ея была самая пріятная. Она была окружена всеобщимъ уваженіемъ, пользовалась рѣдкою преданностью вельможнаго любовника, располагала громаднымъ богатствомъ, глубоко была почитаема дѣтьми и боготворима внучатами, ко-

торымъ родители успѣли уже растолковать значеніе бабушкиныхъ секретныхъ талисмановъ. И въ довершеніе всего — она была невозмутимо спокойна въ своей совѣсти. Какъ умилительно-набожно молилась она, какъ терпѣливо лежала распростертая на полу въ продолженіе всей всенощной, которыя у ней всегда бывали въ комнатѣ наканунѣ праздниковъ! За нѣсколько часовъ предъ тѣмъ, въ этой же самой комнатѣ она совершала торги на денежныя или блестящія мѣста, или брала взятки за неправые процессы и подряды; но подобныя житейскія воспоминанія ни на одинъ мигъ, повидимому, не возмущали ея набожнаго настроенія, и на нее постоянно указывали, какъ на образецъ современнаго благочестія.

Многіе удивлялись, какъ могла Абрютина постоянно сохранять расположеніе своего любовника, прогнившаго до костей отъ разврата. Но дѣло объяснялось просто. Онъ, не смотря на свои семьдесять-пять лѣтъ, вовсе не отказывался отъ милыхъ шалостей и нерѣдко лазилъ по грязнымъ лѣстницамъ Петербурга къ разнымъ красавицамъ, воображая, что его султанша ничего не знаетъ. Но Абрютина все знала, и однако дѣлала видъ, что считаетъ своего любовника совершенно вѣрнымъ и преданнымъ. Она такъ умѣла льстить старику, что онъ дѣйствительно наслаждался бесѣдами съ главной своей султаншей. Кромѣ того Абрютина подъ старость умѣла принимать рѣши-

тельныя мѣры, если узнавала, что ея любовникъ гдѣ нибудь въ Коломнѣ засиживается слишкомъ долго. Тогда въ ея домѣ являлась молоденькая и хорошенькая разливательница чая или гостила какая нибудь провинціальная бѣдная барыня. Старикъ не могъ устоять противъ хорошенькаго личика и забывалъ Коломну. Абрютина не боялась такихъ соперницъ; она знала, что на развратнаго и пресыщеннаго старика не можетъ имѣть вліянія женщина, не искусившаяся до послѣдней степени въ нравственномъ развратѣ. Она знала, что у старика много незаконныхъ дѣтей, кромѣ ея дочерей, но это не возмущало ее, потому что онъ никого изъ тѣхъ не хотѣлъ знать, а ея дѣтямъ дѣлалъ значительные подарки.

Впрочемъ, что же распространяться объ Абрютиной и ея маститомъ обожателѣ? Развѣ они рѣдки, составляютъ исключенія въ нашемъ образованномъ обществѣ?

Займемся же лучше біографіей Ларіона Петровича.

Несчастье всей жизни Ларіона Петровича происходило отъ того, что онъ родился красавцемъ отъ богатой и глупой матери. Съ дѣтства онъ былъ идоломъ въ домѣ. Шести лѣтъ онъ вкусилъ уже глупаго тщеславія и требовалъ, чтобъ его всякій день катали по Невскому въ блестящемъ экипажѣ и на тысячныхъ рысакахъ. Онъ заставлялъ мать и сестеръ своихъ дожидаться по часу,

пока онъ сдѣлаетъ свой туалетъ и, если лошади въ колискѣ были не той масти, которой ему хотѣлось, онъ приказывалъ перекладывать. Гувернеры мѣнялись почти каждую недѣлю у избалованнаго и изнѣженнаго красавчика. Отецъ не смѣлъ пикнуть передъ своей женой, которая, принеся ему большое богатство, требовала отъ бѣдняка капитана полнаго повиновенія своимъ прихотямъ, впрочемъ онъ скоро и умеръ отъ кутежей. Съ пятнадцати лѣтъ Ларіонъ Пертовичъ зажилъ праздным молодымъ человѣкомъ.... Завитый, раздушенный, въ бриліантовыхъ булавкахъ и кольцахъ, съ огромными цѣпями у часовъ, съ дорогимъ лорнетомъ, онъ цѣлое утро рыскалъ по Невскому на своихъ рысакахъ, обѣдалъ въ лучшихъ ресторанахъ; а вечеромъ сидѣлъ въ театрѣ въ первомъ ряду креселъ, съ гувернеромъ своимъ, сѣдымъ французомъ съ орденской ленточкой, который для своего воспистанника замѣнялъ отчасти лакея. Послѣ спектакля, эта парочка отправлялась въ салонъ къ какой нибудь красавицѣ и тамъ часто красавчикъ оставлялъ всѣ свои цѣпи и брилліанты. У красавчика не замедлили явиться долги; они значительно увеличились, когда онъ поступилъ юнкеромъ въ полкъ, и немедленно проигралъ значительную сумму денегъ и надавалъ векселей почти вдвое. Нѣжная мать унивалась своимъ блестящимъ и свѣтскимъ сыномъ, запутывала дѣла, занимала для него деньги и не

обращала вниманія на то, что долги возрастаютъ необычайно быстро. Въ продолженіе десяти лѣтъ Ларіонъ Петровичъ вмѣстѣ съ своей мамашей ухлопали все свое состояніе и остались нищими. Мать съ дочерьми должна была просить, какъ милостыни, чтобы родственники ея мужа взяли ихъ къ себѣ въ домъ. Ларіонъ Петровичъ въ первое время хотѣлъ застрѣлиться, даже купилъ пистолетъ, но вѣроятно пораздумалъ, что такому красавцу, какъ онъ, еще можно найти средство къ жизни. И точно, вскорѣ у него снова завелись рысаки, деньги, его квартира сдѣлалась центромъ кутежей. Но, къ своему несчастью, Ларіонъ Петровичъ не умѣлъ хорошо разсчитывать и взвѣшивать всѣ выгоды и невыгоды своего положенія; вслѣдствіе того его жизнь очень часто стала измѣняться: то онъ жилъ слишкомъ пышно, то очень бѣдно. То онъ содержалъ цыганку и нѣмку, то прятался у своихъ товарищей даже отъ мелочныхъ кредиторовъ. Наконецъ красота его стала увядать, лѣта и разгульная жизнь придали его наружности что-то непріятное. Какое-то ухарство проявилось въ его манерахъ. Впрочемъ, это пріобрѣлъ онъ вѣроятно въ частыхъ посѣщеніяхъ ярмарокъ, въ качествѣ ремонтера. Истощивъ всѣ средства добыть деньги, Ларіонъ Петровичъ сталъ подумывать о богатой невѣстѣ, хотя не могъ безъ отвращенія подумать о супружеской жизни. Но что было дѣлать? это былъ послѣдній

рессурсъ увядшаго красавца. Въ Петербургѣ его слишкомъ хорошо знали; потому онъ поѣхалъ за невѣстой въ Москву. Въ это время ему никто уже не давалъ въ займы денегъ, но онъ извернулся. набралъ на вексель залежалыхъ модныхъ дамскихъ платьевъ и распродалъ ихъ за четверть цѣны; на вырученныя деньги явился въ Москву и черезъ свахъ сталъ отыскивать себѣ невѣсту. Выборъ его палъ на пожилую, больную, но очень богатую невѣсту. Это была родная сестра Абрютиной, еще грудным ребенкомъ отданная матерью, по случаю скораго отъѣзда ея, на воспитаніе теткѣ, богатой дѣвушкѣ. Съ тѣхъ поръ она и жила у тетушки въ домѣ, какъ дочь, и все богатство старой дѣвы должно было перейти къ ней. Безсмысленное, изнѣженное воспитаніе съ дѣтства развило въ супругѣ Ларіона Петровича сантиментальность: она постоянно лѣчилась и залѣчила себя. Женихи были у ней и прежде, но она не хотѣла выходить замужъ, изъ страха имѣть дѣтей: она узнала, что ея горничная умерла отъ родовъ! Но Ларіонъ Петровичъ такъ плѣнилъ ея сердце, что она, забывъ весь страхъ, вышла за него замужъ, даже противъ воли своей тетки. Этимъ она оказала впрочемъ не особенно большую услугу Ларіону Петровичу: тетка лишила ее большей части своего наслѣдства и дала ей только то, что уже было на нее положено еще въ ея дѣтствѣ. Такимъ образомъ Ларіонъ Петровичъ

вмѣсто большихъ денегъ получилъ только хорошее состояніе. Семейные раздоры не замедлили, конечно, поселиться между супругами. Ларіонъ Петровичъ долженъ былъ поселиться въ деревнѣ, и пустился въ разгулъ. Охота, волокитство, пиры были ему необходимы, какъ рыбѣ вода. А между тѣмъ супруга его не могла выносить, чтобъ когда нибудь, даже среди самаго жаркаго лѣта, было открыто окно въ ея комнатѣ.... Родивши дочь, она уже не вставала съ кровати, увѣряя, что у ней ноги ослабѣли. Такъ пролежала она шестнадцать лѣтъ, не вставая, и была увѣрена, что не можетъ встать и ходить. Разъ только, когда вбѣжала въ комнату собака ея супруга (а она не любила никакихъ животныхъ), больная, страшно разозлившись, вскочила съ постели, и не только прогнала собаку изъ своей комнаты, но бѣжала за ней по корридору, потомъ вернулась и легла въ кровать. Но этотъ случай не вразумилъ ее, что она можетъ ходить и даже бѣгать; и послѣ этого она осталась въ прежней увѣренности.

Но что болѣе всего отравляло супружескую жизнь Ларіона Петровича, такъ это ревность больной супруги. Она имѣла своихъ шпіоновъ, и вся прислуга въ домѣ раздѣлилась на два враждебныхъ лагеря. Много погибло горничныхъ и лакеевъ изъ-за барскихъ споровъ. Ларіонъ Петровичъ все сильнѣе и сильнѣе ударялся въ пьянство и игру; разумѣется, состояніе разстрои-

валось, но ни мужъ, ни жена ни хотѣли обратить на это вниманія, да еслибъ и обратили, то не съумѣли бы пособить. Единственнаго своего ребенка барыня не любила: въ продолженіе всей своей беременности она слишкомъ боялась за свою жизнь, чтобъ дать мѣсто материнскимъ чувствамъ. Впрочемъ она и по натурѣ-то была всегда эгоисткою, а воспитаніе совершенно доканало ее. Дочь свою она между прочимъ ревновала къ отцу, который любилъ играть съ ней. А когда ребенокъ прибѣгалъ къ ней и начиналъ болтать, она разстроивалась нервами, и наконецъ стала совсѣмъ удалять отъ себя дѣвочку, потому что она ее безпокоила. Гувернантки въ домѣ тоже не мало дѣлали ссоръ между супругами, и не разъ мать упрекала свою, уже подраставшую дочь, зачѣмъ она родилась на свѣтъ: безъ нея у бѣдной супруги не было бы соперницъ.

Анюта была посвящена во всѣ раздоры отца съ матерью, потому что ни родители, ни гувернантки, ни прислуга не стѣснялись присутствіемъ ребенка, и выражали свой гнѣвъ открыто. Любить такую мать было трудно Анютѣ: отца она тоже не могла любить, потому что знала, какъ онъ проигрываетъ всѣ деньги въ карты, какъ онъ страшно дерется, когда много выпьетъ. Ее оскорбляло и то, что проживающая тайно отъ матери во флигелѣ, бывшая ея гувернантка, не умѣющая ни читать ни писать, выписывала себѣ изъ

Москвы шляпки и салопы, а она ходила часто въ разорванномъ ситцевомъ платьѣ. Анюта знала также, что Дуняшка не чужая отцу; и много, много знала бѣдная дѣвушка, чего никогда не слѣдовало бы ей знать, не только о своемъ отцѣ, но даже и о постороннихъ людяхъ.

Послѣ свиданія съ теткой, Анюта прибѣжала къ себѣ въ комнату и съ какимъ-то тоскливымъ чувствомъ осматривалась кругомъ и какъ бы спрашивала себя: неужели я должна оставить эту комнату, всѣ мои вещи и всѣхъ лицъ, къ кому я съ дѣтства такъ привыкла? Разныя размышленія о предстоящей перемѣнѣ охватили ее, и она не замѣчала, что сидѣла уже цѣлый часъ спокойно на стулѣ, чего съ ней никогда не бывало.

Если бы не вошелъ въ комнату бѣлокурый молодой человѣкъ, то вѣроятно она и еще съ часъ просидѣла бы такъ же смирно. Наружность молодаго человѣка была скорѣе пріятна и выразительна, чѣмъ красива, онъ кашлянулъ, чтобы обратить на себя вниманіе барышни, сидѣвшей къ нему спиной у фортепіанъ; Анюта вздрогнула, но съ улыбкой произнесла:

— А.... Дмитрій Степанычъ!

— Пріѣхала? спросилъ молодой человѣкъ.

— Куча новостей! продолжала барышня. — Если бы вы знали, какъ всѣ перепугались въ домѣ, когда заслышали колокольчикъ....

— А вы обрадовались, что наконецъ-то поѣде-

те въ Петербургъ? съ упрекомъ замѣтилъ молодой человѣкъ.

Анюта тяжело вздохнула и нерѣшительно отвѣчала:

— Прежде мнѣ такъ хотѣлось ѣхать въ Петербургъ, а теперь, что-то страшно,...я....

Барышня не докончила своей мысли и стала прислушиваться: кто-то плакалъ за дверью. Черезъ минуту Дуняшка, горько рыдая, вошла в комнату.

— Это что за слезы? вѣрно опять тебя Палагея поймала въ чемъ нибудь? спросила барышня свою горничную, которая при этихъ словахъ еще сильнѣе зарыдала.

Анюта разсердилась и сказала;

— Говори, кто тебя обидѣлъ?

— Меня никто не обижалъ, выговорила Дуняшка.

— Такъ о чемъ же ты плачешь? почти въ одинъ голосъ спросили барышня и молодой человѣкъ

— Да какъ же не плакать мнѣ, Дмитрій Степанычъ, заливаясь обильными слезами, отвѣчала Дуняшка: — вѣдь насъ не берутъ съ барышней! Вонъ Палагея Тихоновна въ сѣняхъ такъ и воетъ!..

Горе дѣвочки было такъ искренне, что опечалило барышню и она раздражительно заговорила:

— Однако, если не возьмутъ со мной няню и

ее, я не поѣду! Не плачь, вы поѣдете со мной! прибавила она, обращаясь къ Дуняшкѣ, которая въ отчаяніи твердила: — нѣтъ, насъ не возьмутъ!

— Я тебѣ говорю, что поѣдешь! топнувъ ногой крикнула барышня.

— Ну, а если тетушка не захочетъ ихъ взять? спросилъ молодой человѣкъ Анюту. Она видимо была озадачена этимъ неожиданнымъ предположеніемъ.

Дуняшка съ дѣтскимъ испугомъ бросилась къ рукѣ барышни, сжимая и цалуя ее, умоляющимъ голосомъ проговорила сквозь слезы:

— Ахъ барышня! не ѣздите однѣ; голубушка, останьтесь дома!

— Перестань, Дуняшка, въ волненіи проговорила барышня, и съ принужденною веселостью прибавила: — чего мнѣ бояться! я не маленькая: захочу, такъ тотчасъ же назадъ пріѣду.

— Ахъ, барышня, вы не знаете, какая она злая, вытирая слезы, заболтала Дуняшка! — что она сдѣлала съ Амаліей Карловной!

Любопытство изобразилось на лицахъ молодыхъ людей, и они потребовали, чтобы Дуняшка разсказала все, что знаетъ, Приказаніе впрочемъ было ненужно: болтливая дѣвочка и безъ него бы трагически разсказала о томъ, какъ Палагея Тихоновна пришла отъ тетушки въ слезахъ и, упавъ на крыльцѣ въ сѣняхъ, до сихъ поръ еще плачетъ. Еще трагичнѣе описала она, какъ блѣдная,

безъ языка почти, вбѣжала въ дѣвичью Амалія Карловна, долго плакала и ломала себѣ руки, и все болтала что-то по-нѣмецки; какъ баринъ долго сидѣлъ съ тетушкой, заперевъ дверь, и вдругъ закричалъ, потомъ вышелъ отъ нея страшный такой, ударилъ въ грудь казачка, проходя мимо, такъ что тотъ все еще стонетъ отъ боли, и какъ баринъ послалъ нарочнаго въ городъ за виномъ и гостями. Дуняшка такъ много насказала происшествій, что барышня замѣтила ей:

— Ужь не выдумала ли ты все это? Вѣдь ты славно умѣешь сочинять. Помнишь, какъ ты наврала всѣмъ, что видѣла въ саду какого-то мужчину, а это былъ черный теленокъ.

И барышня засмѣялась

— Смѣйтесь, смѣйтесь, барышня! обиженно возразила Дуняшка. — Если бы она была добрая, то не выходили бы всѣ отъ нея въ слезахъ и незачѣмъ было бы ей подсылать свою горничную распрашивать въ дѣвичьей про васъ. Все ей разскажи: кто такой Дмитрій Степанычъ, что вы дѣлаете? Ужь нечего сказать — хороша должна быть барыня!

Барышня смутилась и посмотрѣла на молодаго человѣка, который сказалъ ей:

— Однако, Анна Ларіоновна, что же все это значитъ?

— Ей-Богу, не понимаю!

— Понравилась ли она вамъ?

— Мнѣ... Нѣтъ!... рѣшительно произнесла Анюта.

— Барышня, вѣдь у ней глаза-то зеленые, какъ у кошки, замѣтила Дуняшка, и сама разсмѣялась, когда молодые люди захохотали отъ такого замѣчанія.

— Я не поѣду съ ней! пусть тамъ она жалуется папашѣ: а я все-таки не поѣду! я скажу, что я больна. Да, я просто скажу папашѣ, что я жить не хочу у ней!...

Барышня была прервана неожиданнымъ приходомъ камердинера Ларіона Петровича. Всѣ присутствующіе въ комнатѣ оробѣли, потому что появленіе камердинера барина на женской половинѣ всегда сопровождалось какими нибудь очень важными приказаніями.

— Баринъ приказалъ вамъ, барышня, собирать ваши вещи, чтобы завтра рано ѣхать съ тетушкой, объявилъ камердинеръ.

— А Палагея, Дуняшка? торопливо спросила барышня.

— Приказано вамъ однѣмъ собираться.

— Скажи папашѣ, что я сейчасъ приду къ нему.

—Они-съ больны, легли въ постель.

Барышня поблѣднѣла и сѣла на стулъ, съ котораго невольно привстала было, услышавъ приказаніе отца.

Когда Ларіонъ Петровичъ объявлялъ въ домѣ,

что онъ нездоровъ и въ постели, то это значило очень плохо. Весь домъ страшился, чтобы баринъ не вздумалъ выйти изъ своей комнаты; всѣмъ доставалось, кто показывался ему на глаза, и безъ всякой вины была наказываема прислуга; даже Палагея Тихоновна не разъ была жестоко обругана за то, что прятала свою барышню въ чуланъ, во избѣжаніе ея встрѣчи съ разсвирѣпѣвшимъ отцомъ.

Камердинеръ давно ушелъ, а въ комнатѣ все еще была тишина; всѣ какъ бы окаменѣли отъ ужаса. За то слышнѣе стало въ комнатѣ, какъ на дворѣ бушевала непогода; дождь стучалъ въ окна, вѣтеръ, завывая, крутилъ кусты и прутьями билъ въ стекла, какъ бы досадуя, что нельзя ему ворваться въ комнату.

Дуняшку била лихорадка, и она въ страхѣ бросилась изъ комнаты, пробормотавъ:

— Я позову Палагею Тихоновну.

Анюта въ волненіи заметалась по комнатѣ, открывала ящики у комода, опять закрывала ихъ и, сѣвши на свою кровать въ какомъ-то изнеможеніи, рѣшительно произнесла:

— Развѣ меня выгонятъ изъ дома, если я не захочу поѣхать сама?

Молодой человѣкъ стоялъ у печки, какъ убитый, не обращая вниманія, что раскаленная печь почти жгла его плечо и бокъ.

Палагея робко вошла въ комнату, въ сопровож-

деніи Дуняшки; барышня спросила ее голосомъ, въ которомъ слышались слезы:

— Знаешь ли, няня, что мнѣ папаша приказалъ оставить его домъ?

— Что это, Господи! Анна Ларіоновна, можно ли такія вещи говорить! съ ужасомъ воскликнула старуха.

— Ну, ужь пожалуйста не дурачь меня, хоть теперь-то! Небось ты будешь увѣрять, что и не плакала, какъ сошла сверху?

— Я.... я? я не плакала! торопливо отвѣтила Палагея.

Дуняшка въ одну секунду схватила свѣчу съ фортепьяно и, поднеся къ лицу старухи, торжествующимъ голосомъ воскликнула:

— Ай, Палагея Тихановна, какъ же это вы такъ врете?

Старуха въ сердцахъ оттолкнула проворную дѣвочку и заплакала прегорько.

— Что тебѣ сказала тетушка, когда ты просилась со мной? спросила барышня.

— Мѣста нѣтъ! рыдая отвѣчала нянька.

— Да мы, барышня, и на телѣгѣ бы поѣхали, пѣшкомъ бы пошли, жалобно пропищала Дуняшка.

— Что же дѣлать, матушка Анна Ларіоновна! удерживая слезы, сказала старуха.—Можетъ, баринъ насъ пошлетъ потомъ, когда у него будутъ деньги.

— Деньги у него есть, коли за гостями да за виномъ посылаетъ, гнѣвно и плача замѣтила Дуняшка.

— Ахъ ты пострѣлъ! грозя ей, крикнула Палагея.

— Ну, да; пострѣлъ вездѣ поспѣлъ, отвѣтила рѣзко Дуняшка и, обратясь къ барышнѣ, прибавила: — барышня, попросите барина, чтобы насъ взяли съ вами.

— Папаша даже не хотѣлъ самъ сказать мнѣ, чтобы я ѣхала завтра! въ раздумьи, съ упрекомъ сказала барышня.

— Что грѣшить-то, Анна Ларіоновна; баринъ, можетъ, думалъ, что вы ужь и въ постелькѣ, замѣтила няня и, прибодрясь, продолжала дрожащимъ голосомъ:

— Вѣдь ты, голубушка, сама мамашѣ дала слово, что будешь съ тетушкой жить.... забыла, что ли?

— Какая ты, ей-богу! Дашь слово на что угодно, какъ всѣ плачутъ и велятъ тебѣ говорить все, что ни скажетъ мамаша, передъ образомъ.

Барышня адресовалась съ этими словами къ молодому человѣку, который отвѣтилъ только тяжелымъ вздохомъ.

— Ну, что тутъ разсказывать-то! съ неудовольствіемъ подхватила Палагея и прибавила рѣшительнымъ тономъ: — вѣдь не станешь же срамить себя предъ теткой. Шутка ли! этакую даль

ѣхала. Ну, сама разсуди, если бы она не любила твою мамашу, для чего же было ей ѣхать сюда къ тебѣ?... И какъ она ласкала-то тебя, сидя на диванѣ, ну просто, какъ родная мать.

— Зачѣмъ же ты плачешь сама-то? спросила барышня.

— Кто? я-то? да развѣ я плакала? сдерживая судорожными гримасами свои слезы, спросила Палагея.

Всѣ засмѣялись; такъ смѣшна была старуха, въ своемъ наивномъ упрямствѣ.

— Такъ вамъ весело, что наша барышня ѣдетъ? подхватила Дуняшка.

— Конечно, весело; она тамъ будетъ, какъ царица жить; домъ у тетушки богатый....

— Такъ давайте веселиться! пропищала Дуняшка и, подбоченясь, засѣменила ногами около старухи.

Въ ранней молодости, переходы отъ горя къ веселью бываютъ очень быстры. Такъ случилось и теперь: молодые люди, за минуту сидѣвшіе въ грустномъ раздумьи, хохотали отъ души, смотря, какъ потерявшаяся и сконфуженная старуха няня кривила ротъ, чтобы вызвать улыбку на свои дрожащія губы, а слезы, наперекоръ ей, такъ и лились рѣкой.... Она кротко отталкивала Дуняшку, которая юлила передъ ней и искусно выдѣлывала мельчайшія па ногами, обутыми въ стоптанные огромные башмаки.

— Я хочу, чтобы всѣ были веселы наканунѣ моего отъѣзда, сказала барышня и сѣла за фортепьяно; но нянька кинулась къ ней и умоляющимъ голосомъ воскликнула:

— Ради Христа, не играй! вѣдь она можетъ услышать.

— Экая важность!

— Нѣтъ, родная, ей-богу не хорошо! ну, послушайся меня хоть въ послѣдній разъ.

— Ну, хорошо, я тебя послушаюсь; за это и ты меня слушайся, что я ни прикажу.

И барышня затормошила старуху, приказала принести ей ужинъ, варенья лучшаго и даже наливки.

Дуняшка, пользуясь тѣмъ, что господа заговорились за ужиномъ, ѣла съ жадностію барское кушанье.

— Я пріѣду въ Петербургъ, ужь вы увидите, говорилъ молодой человѣкъ.

— Ну, хорошо; я буду васъ ждать, но только вы обманете, замѣтила ему лукаво барышня.

— Клянусь! торжественно произнесъ молодой человѣкъ.

Приходъ Палагеи съ наливкой прекратилъ разговоръ молодыхъ людей; впрочемъ еще въ первый разъ, съ тѣхъ поръ, какъ они знакомы, случилось съ ними, что имъ вдругъ сдѣлалось неловко говорить въ присутствіи няньки. Знакомство ихъ началось съ дѣтства. Митя былъ сирота, воспи-

тывался у дѣдушки, который былъ благочиннымъ и жилъ въ двухъ верстахъ отъ деревни. Анюта, не имѣя подругъ, любила играть съ Митей, котораго оставляли гостить въ барскомъ домѣ по цѣлымъ недѣлямъ. Когда Митя выросъ и пріѣзжалъ на каникулы къ дѣдушкѣ, то почти неразлучно былъ съ барышней. Ларіонъ Петровичъ и его супруга смотрѣли очень равнодушно на эти отношенія, даже когда Митя сдѣлался молодымъ человѣкомъ; впрочемъ, они не заботились ни о чемъ, что касалось до Анюты.

Странно было бы, если бъ молодой человѣкъ не влюбился въ Анюту, живую и очень хорошенькую, которая обходилась съ нимъ слишкомъ дружески. При немъ ей чесали волосы, какъ будто она была маленькая дѣвочка. А когда она разрѣзвится, то какъ дитя, бывало, шалитъ съ молодымъ человѣкомъ и всячески старается злить его. Но дѣвушка оставалась вполнѣ равнодушна ко всѣмъ угожденіямъ молодаго человѣка, можетъ, потому, что слишкомъ часто слышала о необычайномъ неравенствѣ ея съ священническимъ сыномъ. А по милости матери и прислуги, Анюта уже питала высокое мнѣніе о своемъ барскомъ достоинствѣ.

Въ первый разъ на прощальномъ ужинѣ барышня посмотрѣла на своего собесѣдника не подворянски, и только тутъ замѣтила, что онъ очень пріятной наружности и что какъ будто влюбленъ въ нее.

Читая романы, которыхъ много было у матери, да не мало книгъ и Дмитрій Степанычъ привозилъ съ собой лѣтомъ и на праздники, когда былъ уже въ университетѣ, Анюта имѣла понятіе, что такое влюбленный юноша, но это не мѣшало ей быть не кокеткой и не думать о побѣдахъ надъ мужчинами. Она не знала и не искала узнать, зачѣмъ съ мужчинами надо совершенно иначе говорить и совсѣмъ иначе глядѣть на нихъ, нежели какъ обыкновенно. Ничто въ нихъ не привлекало ее, и она сама не старалась привлекать. Разъ ей очень понравился было офицеръ, котораго отецъ привезъ къ себѣ гостить изъ города и съ которымъ все игралъ въ карты. Но Дуняша своими разсказами, какъ Палагея Тихоновна выгнала гостя изъ дѣвичьей, за то, что онъ поцаловалъ Матрену, разочаровала барышню, и она очень равнодушно смотрѣла потомъ на ухаживанье офицера.

Было очень поздно; въ домѣ всѣ уже спали; Палагея сидѣла въ дѣвичьей, тихо плакала, и съ участіемъ посматривала на Дуняшу, свернувшуюся клубкомъ почти на голомъ полу въ углу, за лежанкой. Слезы на здоровыхъ дѣтей дѣйствуютъ наркотически и дѣвочка какъ-то особенно сладко спала, видно вовсе не предчувствуя, что ее ожидала горькая участь послѣ отъѣзда барышни. Дворня не любила вострую и живую дѣвочку, за то, что она одна изъ прочихъ ей подоб-

ныхъ дворовыхъ дѣтей была взята въ барскіе комнаты и получала обновки отъ барышни. Дворовые прозвали ее ублюдкомъ; это оскорбляло Дуняшу, и она мстила имъ за то переносами на нихъ барину, Палагеѣ Тихоновнѣ и барышнѣ. Дуняша знала, кто ея отецъ; но рабскій страхъ къ барину и ко всему барскому былъ въ ней такъ силенъ, что она никогда даже не подумала: почему же это я сплю на полу, хожу оборванная, меня всѣ бьютъ, — тогда какъ я сестра барышни? почему я должна прислуживать барышнѣ, когда у насъ одинъ и тотъ же отецъ? Впрочемъ это еще было счастье для Дуняши, что она не смѣла задавать себѣ такихъ вопросовъ; а то ей пришлось бы терпѣть еще болѣе побоевъ и всякихъ оскорбленій. Впрочемъ, съ отъѣздомъ барышни побои и оскорбленія должны были непремѣнно увеличиться. Палагея хотя и была груба съ Дуняшей, однако же всегда являлась ея защитницей; но ея власть совершенно уничтожится, какъ только барышня уѣдетъ. Амалія Ивановна сдѣлается главнымъ лицомъ въ домѣ, и тогда Палагея не только не въ состояніи будетъ защищать другихъ, а и сама-то будетъ нуждаться въ защитѣ. Но, слава Богу, Дуняша ни о чемъ этомъ не думала и спала крѣпко; Палагея одна горевала за ея будущность и за свою. А старухѣ было, въ самомъ дѣлѣ, о чемъ погоревать; положеніе ея точно было очень тяжело. Всѣ силы ея души пошли на воз-

лелѣяніе въ ней одной рабской преданности, въ замѣнъ всѣхъ способностей и добродѣтелей. Палагея не жалѣла, что барыня, умирая, не отпустила ее на волю и не избавила старуху отъ капризовъ барскихъ временьщицъ. Гдѣ же было барынѣ думать, умирая, о Палагеѣ? Развѣ мало было у ней другихъ заботъ поважнѣе этой глупой старухи, которая по цѣлымъ мѣсяцамъ не смыкала глазъ ночью на барской службѣ, которая выкормила, выняньчила господскую дочь, берегла всѣ барскія тряпочки, какъ святыню. И на что воля старухѣ? Развѣ только затѣмъ, чтобы имѣть возможность уйти за барышней въ Петербургъ, прося по дорогѣ милостыню, и питаясь сладкой надеждой хотя въ окошечко иногда видѣть выкормленное ею барское дитя!...

Да, съ этимъ ребенкомъ связано было много святыхъ и дорогихъ воспоминаній у Палагеи. Чтобы выкормить Анюту, у ней взяли ея собственнаго ребенка; разлучили ее съ мужемъ. Какъ цѣпная собака, привязанная къ своей конурѣ, Палагея была неотлучна при дѣтской; даже когда ея мужъ умеръ, и тогда барыня не отпустила Палагею отъ барышни и даже запретила ей плакать, потому что это могло вредно подѣйствовать на молоко кормилицы. Палагея все время носила свое горе внутри себя, подавляя его мыслью, что вся ея жизнь, до послѣдняго дыха-

нія, принадлежитъ господамъ и что ей невозможно жить безъ барышни, а барышнѣ безъ нея. Но теперь, когда она увидѣла, что у ней отнимаютъ и ту радость, которую она сама себѣ взлелѣяла изъ своего горя, отнимаютъ барское дитя, на которомъ сосредоточились ея чувства, теперь, и только теперь въ первый разъ, горе всей жизни поднялось со дна ея истерзаннаго сердца, быстро стало приливать къ головѣ, охватило весь ея разсудокъ и дошло до степени ропота. Вся полувѣковая привычка къ безотвѣтной покорности чужой волѣ, распоряжавшейся ея радостями и горемъ, все ея благоговѣніе ко всему барскому не въ силахъ были удержать въ ней невольнаго, горькаго порыва оглянуться на свою прошедшую жизнь и послать ей тяжелый, отчаянный, хотя, правда, и немножко поздній укоръ.

Палагея съ ужасомъ схватилась за голову, думая, что она мѣшается. Но нѣтъ! передъ ней послѣдовательно развертывается все ея прошедшее—шагъ за шагомъ. Вотъ душная изба; плачъ и вой въ ней, отца отдали въ солдаты по ненависти къ нему управляющаго. Вотъ она сирота; мать лежитъ на столѣ; но ужаснѣе всего та минута, когда ее тащитъ бабушка, по приказанію управляющаго, на барскій дворъ. Палагея кричитъ, бьется; но сѣдая бабушка, почти полоумная отъ горя, съ какимъ-то ожесточеніемъ тащитъ свою внучку, зажавъ ей ротъ дрожащей

своей рукой. Бабушка протаскиваетъ послѣднюю свою отраду черезъ господскій дворъ и, бросивъ ее въ застольной, бѣжитъ бѣгомъ, но ноги отказываются служить ей, и она падаетъ навзничь у порога... Вотъ Палагея—дворовая дѣвчонка, босая, въ лохмотьяхъ; всѣ помыкаютъ ею, всѣ бьютъ ее, пока не выросла и не удостоилась засѣдать въ дѣвичьей. Но эта честь слишкомъ тяжка и страшна, потому что гнѣвъ суровой барыни грозитъ ей всякую минуту, и если обрушится на нее, то она должна будетъ испытать позорное наказаніе розгами и ссылку на тяжелыя работы. Палагея до глубокой старости не могла вспомнить безъ страха о старой барынѣ и о своей молодости, заглохшей въ безсмысленномъ плетеніи кружевъ въ дѣвичьей и въ паническомъ страхѣ при одномъ имени барыни. Но вотъ какъ будто и отдыхаетъ она; безъ вины и безъ вѣдома ея, просто за излишествомъ дѣвушекъ, ее выдаютъ замужъ за крестьянина, котораго она совсѣмъ не знала. Не скоро бы Палагея свыклась съ своей новой судьбой, но къ счастью попала въ добрую семью, и мужъ полюбилъ ее горячо. Палагея мирится съ тяжкой крестьянской работой и съ незнакомымъ ей мужемъ и начинаетъ успокоиваться. Но барыня и тутъ не дала ей отдохнуть: самая смерть старухи тяжело отозвалась на жизни Палагеи. Умерла она, и дочери стали дѣлить крестьянъ. Когда окончился раздѣлъ въ деревнѣ,

многія семейства принадлежали разнымъ барынямъ и съ трепетомъ сердца ждали, какимъ еще горемъ покажутъ свою власть новые господа. Горе не замедлило явиться. Собрали множество только что родившихъ бабъ,—въ это число попала и Палагея; всѣхъ повезли къ новой барынѣ за нѣсколько сотъ верстъ, чтобы она изволила выбирать по своему барскому вкусу, которая понравится ей и которую она удостоитъ чести назначить кормилицей будущаго барскаго дитяти. Палагея, какъ уже бывшая во дворѣ, была обречена новой барыней на разлуку съ своимъ роднымъ первенцомъ, съ мужемъ и родиной. Сколько слезъ было ею пролито при прощаньи съ сыномъ. А какъ страшно ей было смотрѣть на обезумѣвшаго мужа, когда ему дали приказъ ѣхать безъ жены домой. Какъ плакала свекровь, какъ горевалъ деверь за своего бѣднаго брата! Но всѣ безъ ропота, съ однимъ безпредѣльнымъ отчаяніемъ, оставили Палагею въ новомъ барскомъ дворѣ.

Какъ горевала Палагея тайкомъ, потому что ей строго запрещено было плакать, чтобы не испортилось молоко; какъ нетерпѣливо ждала она дня своего освобожденія! Но вотъ онъ приходитъ; Палагея съ замираніемъ развѣдываетъ, когда ее отпустятъ; но съ ужасомъ узнаетъ, что больная барыня такъ довольна ея усердной службой, что оставляетъ ее еще на годъ при барышнѣ. Пала-

гея плачетъ, молитъ, чтобъ ее отпустили домой посмотрѣть на своего сынка и мужа, и тутъ только узнаетъ, что сынка она лишилась давнымъ давно, а мужъ умеръ съ мѣсяцъ тому назадъ. Палагея одного не могла и теперь понять, какъ она тогда съ горя не умерла? Но за то изъ красивой и еще свѣжей женщины она превратилась тогда въ пожилую. Притомъ болѣзнь выкормленной ею барышни столько поглотила ея заботъ, что она, исполняя барскія приказанія, должна была неотлучно находиться въ дѣтской и строго соблюдать часы, въ которые давали лѣкарство. Въ это-то время несчастная женщина всѣ свои материнскія чувства перенесла на барское, вскормленное ею дитя и такъ привязалась къ нему, что все свое тягостное одинокое существованіе поддерживала своею любовью и заботами о барышнѣ.

Тягостныя воспоминанія прошлаго навели на Палагею какой-то ужасъ, и она въ испугѣ упала на колѣни предъ образами и начала скоро, скоро читать молитву, какъ бы желая отогнать отъ себя все прошлое. Но по ея отчаянному лицу было видно, что молитва была лишь на губахъ, а сердце бѣдной женщины болѣзненно изнывало отъ правдиваго ропота, который, во всю свою безотрадную жизнь, она геройски подавляла, не сознавая сама, что ея жизнь достойна удивленія, какъ подвигъ высокаго смиренія и самоотверженія. Без-

ропотно несла она всѣ пытки судьбы, и еще сохранила въ себѣ на столько кротости и любви, что могла со всею искренностью души отдать остатки своихъ дней для пользы самихъ же виновниковъ ея горя. Только теперь переполнилось горечью ея сердце, и она не выдержала.

— Господи! воскликнула она, съ дикимъ отчаяніемъ припавъ къ землѣ, и замерла.

Въ ея восклицаніи столько было сосредоточено потрясающаго горя, что она сама, казалось, онѣмѣла отъ ужаса. Привставъ, она осмотрѣлась кругомъ и дико уставила свои глаза на зеленоватомѣдные образки, висѣвшіе въ дѣвичей. Она какъ бы пыталась разглядѣть на одномъ изъ нихъ полустершееся изображеніе и въ то же время, быстро и машинально, крестилась дрожащей рукой. Мѣдный образокъ былъ благословеніе ея матери и переходилъ въ ихъ родѣ чуть ли не болѣе столѣтія. Это была едва ли не единственная собственность, которую могла получить Палагея въ наслѣдство отъ своихъ родителей. Ей, какъ дворовой, нельзя, да и не нужно было имѣть и той скудной полу-собственности, которую оставляетъ своимъ дѣтямъ крестьянинъ. Вѣдь она жила въ барскомъ домѣ, обута, одѣта, накормлена на барскій счетъ.... Какъ бы ни накормлена, какъ бы ни одѣта, а все-таки не голая ходитъ и съ голоду до сихъ поръ не умерла. На что же еще, спрашивается, для нея какая нибудь собственность?

Да и что бы она съ нею сдѣлала, не смѣя ни шагу сдѣлать безъ барскаго приказа, не имѣя права выбрать себѣ мѣста и занятія, не зная сегодня, гдѣ она будетъ завтра. Если что ей было нужно, такъ это именно только образокъ: молиться Богу, слезно припадать къ нему, въ немъ искать успокоенія и отрады,—для развитія этихъ благочестивыхъ стремленій было много поводовъ въ барскомъ домѣ....

Палагея старалась заглушить свой ропотъ нелѣпо-утѣшительной мыслью, что вѣдь не одна она несчастна. И стала молиться, приговаривая съ раскаяніемъ. «Господи, прости меня грѣшную!» И чтобы совершенно отвлечь свои мысли отъ прошлаго, она съ жаромъ начала молиться за свою барышню и мысленно стала дѣлать обѣщанія идти пѣшкомъ въ Кіевъ, не ѣсть мяснаго до конца своей жизни, и много-много надавала искреннихъ обѣщаній. Но лишь только она окончила молитву, какъ снова отчаянный ропотъ поднялся въ ея душѣ, и ей казалось, что ея горю нѣтъ предѣловъ, что ее душитъ оно, что такой мракъ кругомъ, какъ будто она ночью въ лѣсу.... Палагея болѣзненно проговорила, щупая свою голову: «что это со мной дѣлается?» И она сѣла на сундукъ и, подперши рукой голову, съ жалостью глядѣла на спящую Дуняшу и шопотомъ говорила ей, обливаясь слезами:

— Что-то съ тобой будетъ, какъ ты подро-

стешь?... Погибнешь ты такъ же, какъ гибли здѣсь многія. И некому-то тебя будетъ защитить, когда тебя смѣнитъ другая. Ахъ мы несчастныя, зачѣмъ это намъ было на свѣтъ родиться? будто безъ насъ некому плакать.

Дуняша какъ бы проснулась отъ страшнаго пророчества Палагеи, что-то промычала съ тяжелымъ вздохомъ, стукнулась довольно звонко головою о печку, привстала было, но въ ту же минуту опять легла.

— Встань, молись! молись хоть за свою.... сес.... барышню! кэкимъ-то страшнымъ голосомъ произнесла Палагея. — Намъ что! мы не на радость родились!... а вотъ она-то бѣдная должна идти въ чужой домъ! И вѣдь все добро-то — ея, все, до нитки, а ее самоё гонятъ изъ дому! Ахъ, бѣдная, бѣдная ты сирота!

И Палагея упала на сундукъ, горько рыдая.

ГЛАВА IV.

Въ то самое время, какъ Палагея такъ убивалась за свою барышню, та и забыла, что ее ожидаетъ разлука съ родиной и со всѣми, кто былъ ей преданъ и любилъ ее. Впрочемъ ей было извинительно выказывать такое равнодушіе въ послѣднія минуты передъ разлукой съ окружающими: все ея вниманіе было поглощено разсказомъ о

семейныхъ тайнахъ ея родственниковъ, происхожденіемъ которыхъ ее постоянно заставляли гордиться. Она сама привыкла думать, что ихъ дворянскій родъ важнѣе другихъ, — невинная затѣя воображенія, свойственная почти всѣмъ русскимъ помѣщикамъ. Анна Ларіоновна, разбирая бумаги покойницы матери, чтобы уложить ихъ передъ своимъ отъѣздомъ, нашла въ нихъ небольшую тетрадь, исписанную женскою рукою. Съ первыхъ же словъ, прочтенныхъ ею, оказалось, что это было нѣчто въ родѣ исповѣди ея таинственной тётки, о которой она слышала отъ прислуги еще въ дѣтствѣ своемъ столько нелѣпаго, а потомъ такъ много загадочнаго. Мать ея никогда не упоминала при ней о своей сестрѣ, и никто не смѣлъ напомнить о ней барынѣ, кромѣ Ларіона Петровича, и то лишь тогда, когда онъ приходилъ въ ярость на свою жену, изъявлявшую иногда минутное желаніе воспротивиться дальнѣйшему разоренію ея имѣнія. Въ такія минуты Ларіонъ Петровичъ выходилъ изъ себя, и всегда достигалъ, чего хотѣлъ, постоянно прибѣгая къ одной и той же эффектной сценѣ: онъ бралъ пистолетъ, прощался съ дочерью и шелъ къ себѣ въ кабинетъ покончить свою жизнь, и всякій разъ его супруга дико вскрикивала, давала на все согласіе и падала въ обморокъ. Если бы не испугъ матери и не дикій гнѣвъ отца передъ такими сценами, то Анна Ларіоновна смотрѣла бы на

покушеніе его къ самоубійству, какъ на вещь очень обыкновенную:—такъ это часто повторялось въ домѣ.

Но обратимъ и наше вниманіе на тетрадь, найденную Анной Ларіоновной. Она заставила прочесть ее вслухъ Дмитрія Степаныча и слушала чтеніе въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи.

«Я помню себя очень маленькой, можетъ потому, что на мою дѣтскую память сдѣлали слишкомъ сильное впечатлѣніе семейныя сцены. Я часто была свидѣтельницею споровъ моего отца съ матерью. Кто изъ нихъ былъ правъ, я не могла рѣшить тогда; но мнѣ всегда было жаль моего отца, вѣроятно потому, что онъ очень ласкалъ меня, а мать выказывала ко мнѣ полное равнодушіе. Потомъ, на дѣтей всегда дѣйствуютъ слезы, а въ семейныхъ сценахъ отецъ плакалъ иногда, а мать оставалась постоянно улыбающеюся, что̀ даже на меня, ребенка, непріятно дѣйствовало. Въ одной изъ семейныхъ сценъ я невольно была участницей.

«Я играла въ куклы на полу противъ большаго зеркала, въ которое я видѣла свою мать и гостя, сидящаго на диванѣ. Вѣроятно, мое дѣтское любопытство не было бы возбуждено, если бы гость не сказалъ моей матери про меня, зачѣмъ я

тутъ, а мать отвѣтила, что это необходимо. Тогда я оставила свои куклы и все поглядывала въ зеркало; въ немъ я видѣла, что моя мать поцаловала гостя въ лобъ. И это бы навѣрно стушевалось въ моей памяти, если бы горничная не вбѣжала въ комнату и не крикнула: баринъ пришолъ! Гость вскочилъ и пошелъ изъ комнаты. Вскорѣ пришелъ отецъ, блѣдный, и сталъ горячо говорить съ матерью; но она, не обращая вниманія на его слова, сѣла за фортепьяно и стала наигрывать что то веселое. Отецъ скорыми шагами ходилъ по комнатѣ въ какомъ-то отчаяніи и вдругъ, схвативъ меня на руки, бросился на колѣни передъ матерью и сталъ просить у ней прощенія; но мать отворачивалась. Тогда я безсознательно замѣтила матери: «мама, поцалуй папу, какъ ты сейчасъ цаловала гостя». Отецъ вскрикнулъ дико, почти бросилъ меня на полъ и убѣжалъ изъ комнаты, а мать схватила меня за руку своей холодной рукой и такъ сжала мою руку, что она захрустѣла. Я испугалась сердитаго и блѣднаго лица матери и стала кричать отца: тогда мать зажала мнѣ ротъ и шептала мнѣ на ухо: я тебя задушу, если ты пикнешь! Я такъ испугалась, что право не помню, какъ очутилась въ дѣтской, въ своей кровати; няня сидѣла надо мною и горько плакала. Мнѣ было больно пошевельнуться, я вся была въ рубцахъ и припоминала смутно, что меня мать наказывала розгой. Но я была поражена не столько

наказаніемъ, сколько ужаснымъ выраженіемъ лица матери, когда она схватила меня за руку. Послѣ того, при видѣ матери я каждый разъ чувствовала такой страхъ, что ноги у меня дрожали, сердце замирало, а въ глазахъ темнѣло. Страхъ этотъ остался во мнѣ навсегда. Съ того времени я болѣе сидѣла въ дѣтской, куда отецъ часто приходилъ играть со мной; онъ былъ очень грустенъ и отъ моихъ ласкъ плакалъ иногда. Жили ли въ ладу отецъ съ матерью — не знаю; но когда родилась у меня сестра Лиза, то отецъ не ласкалъ ее и хмурился, когда я съ дѣтскимъ восторгомъ описывала красоту своей малютки сестры. Мать была внимательнѣе къ Лизѣ, ласкала ее; всѣ увѣряли, что она двѣ капли воды похожа на мать.

«Мнѣ было семь лѣтъ, когда въ одну зимнюю ночь я проснулась отъ суеты въ дѣтской; меня и Лизу на скоро одѣли и повезли къ одной знакомой дамѣ. Изъ разговоровъ кормилицы съ нянькой, я сообразила, что отецъ поссорился съ матерью и хотѣлъ меня взять отъ нея... Черезъ недѣлю мы опять вернулись домой, отца не было, а мать уѣхала въ деревню, получивъ извѣстіе, что отецъ опасно занемогъ. Она вернулась очень нескоро и въ траурѣ, и привезла намъ новую маленькую сестру.

«Мнѣ мать строго запретила плакать объ отцѣ, но сама проливала много слезъ, говоря о немъ

при гостяхъ, и при этомъ очень нѣжничала со мной, за то безъ гостей оказывала мнѣ явное нерасположеніе. Лиза была ея любимица и я была вся въ ея распоряженіи. Я должна была цѣлый день забавлять балованное дитя. Въ домѣ съ каждымъ годомъ у насъ становилось мрачнѣе. Мать совершенно измѣнилась, перестала выѣзжать и все занималась процессомъ, завязавшимся послѣ смерти отца съ его сестрой. Въ одну изъ поѣздокъ своихъ въ деревню мать отвезла маленькую сестру мою Анюту къ теткѣ въ Москву и оставила тамъ неизвѣстно почему. Я не знала, зачѣмъ она уступила ее теткѣ, но прислуга болтала, что барыня сдѣлала это изъ разсчета, чтобы больше досталось денегъ ея любимицѣ Лизѣ, потому что тетка обѣщала Анюту воспитать и сдѣлать своею наслѣдницею. Когда мнѣ было лѣтъ 13, въ домѣ появилось новое лицо, въ родѣ секретаря при матери, а чрезъ нѣсколько времени онъ сдѣлался полнымъ властителемъ въ домѣ и въ имѣніи. Я съ перваго взгляда возненавидѣла его. Да и не возможно было, чтобы наружность его кому нибудь могла понравиться. Ростомъ онъ былъ малъ, но коренастъ; лицо было желто-одутловатое, съ крючковатымъ носомъ, похожимъ на клювъ хищной птицы: глаза сѣрые съ желтыми бѣлками и съ презлымъ выраженіемъ: волосы бурые щетинистые, и такъ коротко острижены, что свѣтилась кожа на головѣ, и эта кожа, вмѣстѣ съ

щетиною волосъ поминутно передергивалась съ низу на верхъ и на оборотъ, точно на немъ былъ надѣтъ парикъ; ротъ его напоминалъ пасть звѣря, такъ онъ былъ великъ и съ такими большими зубами. Манеры его были медленны, точно онъ все выжидалъ и былъ на сторожѣ; это предположеніе подтверждалось и тѣмъ, что его два большихъ, торчащихъ уха шевелились безпрестанно. Говорилъ онъ медленно, но его шипѣніе было хуже всякаго крика. Ходилъ онъ тихо, тихо, точно крадущійся воръ. Одѣтъ былъ всегда въ синемъ фракѣ съ мѣдными пуговицами, и въ бѣломъ галстукѣ, который толсто былъ намотанъ на его и безъ того бычачьемъ горлѣ.

«Въ короткое время онъ навелъ ужасъ на всѣхъ крестьянъ, прислуга въ домѣ трепетала при одномъ его имени. Одна мать моя съ каждымъ днемъ оказывала Гаврилѣ Антонычу все больше и больше вниманія, и при всей своей гордости съ низшими, — а онъ былъ изъ приказаныхъ, — допускала его къ своему столу и безъ его совѣтовъ ничего не дѣлала. Тиранство Гаврилы Антоныча должно быть было ужь слишкомъ ужасно, такъ что одинъ изъ лучшихъ стариковъ въ деревнѣ рѣшился ударить его топоромъ по головѣ. Но какъ и слѣдовало ожидать, дрогнула рука честнаго человѣка, посягнувшаго на непривычное дѣло, и Гаврила Антонычъ остался цѣлъ. Вслѣдствіе этой исторіи въ деревнѣ долгое время стонъ

стоялъ. . Гаврила Антонычъ всласть утолилъ свою ненасытную злобу и чуть не всю деревню пересѣкъ, а многихъ крестьянъ сослалъ въ Сибирь. Это было лѣтомъ; мы жили въ деревнѣ. Бабы бросались ко мнѣ въ ноги, прося защиты: ихъ слезы и рыданія довели меня до того, что я, забывъ весь свой страхъ передъ матерью, бросилась къ ней въ кабинетъ, упала на колѣни и просила пощадить несчастныхъ крестьянъ. Разумѣется, меня за это жестоко наказали и, даже не смотря на то, что мнѣ было лѣтъ 14, мать хотѣла было меня высѣчь. Я спасена была только тѣмъ, что когда меня повели на гнусное наказаніе, я упала въ обморокъ и тѣмъ, говорятъ, очень напугала мать. Впрочемъ, испугъ ея вытекалъ вовсе не изъ нѣжности материнскаго сердца, а изъ самыхъ корыстолюбивыхъ цѣлей. Въ это время, какъ я узнала впослѣдствіи, процессъ ея принялъ очень дурное направленіе, а въ этомъ процессѣ я играла первую роль.

«Гаврила Антонычъ, узнавъ, что я въ отчаянную минуту назвала его злодѣемъ, началъ дѣлать мнѣ всевозможныя непріятности и оскорбленія. Собаку, которую я очень любила, онъ повѣсилъ, подъ предлогомъ, что она взбѣсилась; любимую горничную сослали на скотный дворъ; цвѣты въ саду всѣ уничтожили только потому, что я ими любила заниматься. Читать мнѣ запретили, даже играть на фортепьянахъ мнѣ было велѣно только

часъ, а это было мое единственное развлеченіе. Будучи уже большою, я вела жизнь маленькаго ребенка, наравнѣ съ Лизой. Мать рѣшительно никуда меня не вывозила въ городѣ, кромѣ какъ въ праздники, съ поздравленіями къ родственникамъ моего отца.

«Мнѣ было семнадцать лѣтъ; какъ обыкновенно, въ новый годъ мать собралась везти меня съ поздравленіями къ роднымъ, разумѣется только къ богатымъ: къ бѣднымъ она чувствовала безконечное презрѣніе. Мы садились въ карету; нищая съ ребенкомъ на рукахъ подошла въ эту минуту къ матери, лакей нашъ, зная, что барыня его не любитъ нищихъ, толкнулъ бѣдную женщину съ такою силою, что она упала и чуть не подъ лошадь. Я вскрикнула, схватила изъ рукъ нищей ребенка и подала руку испуганной женщинѣ, чтобы она скорѣе встала. Мать моя, усѣвшись въ карету, увидала меня съ ребенкомъ, укутаннымъ въ лохмотья; она приказала мнѣ тотчасъ же его отдать нищей и, сдѣлавши мнѣ прегрубый выговоръ, велѣла вернуться въ свою комнату. Я была очень сконфужена, что моя мать такъ выбранила меня при свидѣтеляхъ; со слезами на глазахъ я пошла было назадъ въ дверь: но ребенокъ уцѣпился за мое плечо и тянулся ко мнѣ, я невольно поцаловала его въ грязныя щечки. Въ эту только минуту я обратила вниманіе на стоявшаго вблизи, бѣлокураго молодаго человѣка,

который очень ласково и дружелюбно смотрѣлъ на меня. Не знаю, почему, но я вспыхнула и убѣжала. Право не могу и теперь объяснить себѣ, отчего мнѣ сдѣлалось весело, не смотря на предстоящій еще грозный выговоръ отъ матери, послѣ ея возвращенія. Что-то странное произошло во мнѣ. Я не могла забыть голубыхъ, ясныхъ глазъ молодаго человѣка, ласково смотрѣвшихъ въ мои. Мнѣ казалось, что въ этомъ взглядѣ было какое-то сочувствіе къ моей судьбѣ. Вѣроятно, я промечтала бы нѣсколько дней о своемъ незнакомцѣ и потомъ забыла бы о немъ, но на другое утро, когда я въ обыкновенный часъ гуляла съ Лизой и Каролиной Карловной, нашей гувернанткой, бывшей, впрочемъ, скорѣе нянькою Лизы, я опять его встрѣтила. Я его замѣтила издали. Сердце у меня застучало скоро, скоро, какъ бы отъ сильнаго испуга, и между тѣмъ мнѣ было хорошо. Приближаясь къ нему, я краснѣла все сильнѣе и сильнѣе, и никакъ не рѣшилась взглянуть ему въ лицо, когда мы поравнялись. Но, отойдя три шага, я повернула голову, — онъ тоже, и оба быстро опять отвернулись. Съ этого дня, каждый день я встрѣчала его на своихъ прогулкахъ, а въ праздники въ церкви. Его красивая, добрая и задумчивая наружность такъ мнѣ нравилась, и такое возбуждала довѣріе, что я ни разу не упрекнула себя въ вѣтренности. Я чувствовала, что въ моей однообразной жизни явилась какая-то, не-

бывалая прежде радость. Ложась спать, я весело ждала новаго дня, чтобы встрѣтить своего незнакомца на прогулкѣ и украдкой взглянуть на него. Я такъ была счастлива, что не думала спросить сама себя: чѣмъ же все это кончится? Весну встрѣтила я необычайно весело, потому что мы стали гулять два раза въ день, и я лишній разъ могла его видѣть; встрѣчаясь съ нимъ, я уже не боялась смотрѣть ему въ глаза. Мы не говорили другъ съ другомъ ни одного слова, но мнѣ казалось, что я уже давно съ нимъ знакома. Первыя приготовленія къ отъѣзду на лѣто въ деревню, что дѣлалось каждый годъ, меня испугали и поразили, какъ будто какая неожиданность, и тутъ только я очнулась отъ счастливаго забытья, въ которомъ была всю зиму. Я плакала цѣлую ночь, и на другое утро, когда мы встрѣтились, я со слезами глядѣла на него; онъ замѣтилъ мою грусть, и самъ, казалось, былъ ею взволнованъ: онъ лишній разъ встрѣтился съ нами и смотрѣлъ на меня тревожно-вопрощающимъ взглядомъ. Я живо представила тогда мучительное состояніе нѣмыхъ: намъ такъ хотѣлось говорить, а мы не смѣли. Хорошо еще, что Каролина Карловна была такъ простодушна, что наши постоянныя встрѣчи съ нимъ приписывала одному близкому сосѣдству. Наконецъ, настала минута отъѣзда и мы, вмѣсто обычной нашей прогулки, сѣли съ матерью въ дорожный экипажъ. Я была совершенно убита;

слезы такъ и навертывались у меня на глаза, и только присутствіе матери заставляло меня удерживать ихъ, а то бы они полились ручьями. Но вдругъ я увидѣла его, бѣгущаго въ попыхахъ; онъ былъ блѣденъ, и увидавъ меня въ дорожной каретѣ, остолбенѣлъ. Я забыла весь свой страхъ, высунулась изъ окна и бросила ему перчатку свою въ знакъ моего прощанья. Онъ едва успѣлъ поднять ее, какъ мы двинулись. Я долго смотрѣла на него; онъ стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ съ открытой головой: онъ снялъ шляпу, чтобы мнѣ поклониться.

«Съ минуты моего отъѣзда изъ Петербурга я погрузилась въ какую-то апатическую тоску, которую трудно разсказать. Мнѣ было рѣшительно все равно, что ни дѣлалось, что ни говорилось вокругъ меня. Я потеряла аппетитъ и сонъ, похудѣла такъ, что даже мать и Гаврила Антонычъ обратили на это вниманіе и призвали доктора. Докторъ совѣтовалъ мнѣ какъ можно болѣе движенія, свободы и развлеченія. Мнѣ предоставили свободу гулять, когда я хочу, по нашему саду и примыкавшей къ нему рощѣ. Мать какъ-то сдѣлалась со мной ласковѣе. Я, впрочемъ, ее мало видала, она цѣлые дни проводила въ своемъ кабинетѣ съ Гаврилой Атонычемъ, сочиняя какіе-то отвѣты на запросы по своему процессу, который отъ меня сохранялся въ величайшей тайнѣ.

«Впослѣдствіи уже открыли мнѣ мрачную

исторію этого процесса. Сестра моего отца обвиняла мою мать и Гаврилу Антоныча въ кражѣ духовнаго завѣщанія, сдѣланнаго въ пользу меня одной, потому что отецъ не признавалъ другихъ дѣтей своими и хотѣлъ меня отдать воспитываться къ своей сестрѣ.

«Болѣзнь и скорая смерть помѣшала ему исполнить свое намѣреніе на счетъ меня. Въ прислугѣ, бывшей при отцѣ въ деревнѣ, были толки, что какъ-то разъ, за нѣсколько дней передъ его смертью, слышали его крики о помощи. Но дверь въ кабинетъ была заперта и мать съ Гаврилой Антонычемъ была тамъ, они постоянно находились при умирающемъ и не допускали къ нему никого изъ людей. Докторъ и другія лица, бывшія свидѣтелями предсмертной болѣзни моего отца, оказались на сторонѣ матери и всячески старались тушить неблагопріятные толки, возникшіе въ губерніи на счетъ его смерти. Однако моя тетка начала процессъ съ матерью о подложной духовной, которая, разумѣется, была въ ея пользу. А главное, добрая женщина желала вырвать меня изъ рукъ мучителей моего отца; но это не удалось ей; она почти разорилась, ведя процессъ, и все напрасно.

«На лѣто для Лизы мать брала русскаго учителя изъ околодка, чтобы было подешевлѣ; но въ этотъ годъ была страшная неудача на учителей, такъ что мать почти рѣшилась оставить Лизу

на однихъ урокахъ нѣмецкаго языка, которымъ занималась съ нею Каролина. Мать питала ненависть къ образованнымъ гувернанткамъ и потому ко мнѣ и Лизѣ ходили постоянно учителя, которыхъ выбиралъ всегда Гаврила Антонычъ, и не могу сказать, чтобы выборъ былъ удаченъ....

«Въ одинъ большой праздникъ, по обыкновенію, мать и мы всѣ поѣхали къ обѣднѣ; половину службы я простояла, не обращая вниманія на клиросъ; но вдругъ я взглянула туда нечаянно, и у меня все помутилось въ глазахъ, я увидѣла *его*.... Я очнулась на паперти, около меня хлопотали Каролина Карловна и наша прислуга, явившаяся тоже въ церковь. Когда я очнулась, мнѣ показалось, что все это былъ бредъ моего разстроеннаго воображенія; ну, какимъ образомъ, думала я, можетъ онъ очутиться въ нашей деревнѣ? Но въ эту самую минуту я опять увидѣла его, онъ стоялъ вдали и тревожно смотрѣлъ на меня. Сердце у меня забилось часто, часто; и въ одну секунду все какъ будто переродилось для меня и приняло радужный цвѣтъ. Ноги мои дрожали отъ слабости, голова кружилась, но я чувствовала какую-то радостную легкость; мнѣ казалось, что я такъ же и полечу, съ птицами вмѣстѣ, и такъ же, какъ онѣ, буду кружиться въ воздухѣ. Когда я вернулась въ церковь и увидѣла его опять на клиросѣ, я почувствовала такое блаженство, что готова была перецаловать всѣхъ находившихся въ церк-

ви,—избытокъ счастья душилъ меня. При выходѣ изъ церкви, онъ съ минуту стоялъ возлѣ меня. Въ эту минуту мнѣ казалось какъ-то все кругомъ меня такъ хорошо, что мнѣ вдругъ вообразилось, что я не на землѣ. Но моя мать вывела меня изъ очарованія вопросомъ у Гаврилы Антоныча: кто такой стоитъ возлѣ меня? Гаврила Антонычъ не зналъ его, но обѣщалъ матери разузнать объ молодомъ человѣкѣ. Я было испугалась, но потомъ разсудила, что кто же можетъ узнать нашу тайну, когда я сама не знаю ни его имени, ни фамиліи, даже ни его голоса. За обѣдомъ мать снова вспомнила о молодомъ человѣкѣ и спросила Гаврилу Антоныча, что онъ узналъ. Я съ замираніемъ сердца слушала, какъ Гаврила Антонычъ объявилъ, что фамилія молодаго человѣка Реутовъ, что онъ не изъ дворянъ и только что окончилъ курсъ въ университетѣ, а пріѣхалъ сюда въ гости къ своему товарищу, сыну священника. Выслушавъ донесеніе своего секретаря, мать неожиданно вздумала: не предложить ли ему на лѣто заняться съ Лизой. Гаврила Антонычъ отвѣчалъ, что онъ исполнитъ ея приказаніе и тотчасъ же послѣ обѣда поѣдетъ къ священнику. Я едва могла пересилить свое волненіе; я задыхалась отъ одной мысли, что буду видѣть его всякій день, говорить съ нимъ.... Послѣ обѣда я бросилась въ садъ, бѣгала по аллеямъ, улыбалась какъ сумасшедшая.... Встрѣтивъ Лизу, я бросилась ее цаловать съ та-

кимъ жаромъ, что даже напугала Каролину Карловну; она отняла у меня сестру, увѣряя, что я задушу ее.

«Переговоры шли долго; онъ не хотѣлъ принимать на себя званіе учителя и брать деньги. Мать упорно настаивала и сама въ церкви подошла къ нему и стала просить его согласиться. Тогда онъ обѣщался заниматься съ Лизой, но безплатно, потому что не думалъ долго оставаться въ нашихъ мѣстахъ. Онъ сначала ходилъ къ намъ давать уроки, но мать настойчиво требовала, чтобы онъ переѣхалъ къ намъ. Я видѣлась съ нимъ, но не смѣла еще говорить; мы страшно боялись, чтобы не угадали нашей любви. Всякій день я ходила въ рощу на берегъ рѣки, зная, что онъ ходитъ на другомъ берегу, скрытый въ кустахъ. Мы такъ были пока довольны нашимъ положеніемъ, что не желали ничего больше. Мать постоянно присутствовала при урокахъ Лизы — чего никогда не дѣлала прежде — и оказывала Реутову такое вниманіе, какого никто изъ учителей еще не видывалъ отъ нея. Я радовалась, что онъ имѣлъ на мою мать такое магическое вліяніе. Лиза полюбила своего учителя, потому что онъ не имѣлъ въ себѣ ничего мрачнаго, и умѣлъ всегда такъ занять ее во время урока, что она сама упрашивала его посидѣть съ нею подольше. Признаюсь, какъ я ни была счастлива, но съ нетерпѣніемъ ждала предположеннаго отъѣзда матери съ Гаври-

лой Антонычемъ въ городъ. Я все боялась, чтобы они не прочитали на нашихъ лицахъ тѣхъ чувствъ, которыя мы старались скрыть отъ нихъ. Впрочемъ, почти всѣ въ домѣ всегда радовались отъѣзду матери съ ея секретаремъ. Какъ-то всѣ оживали, лица дѣлались веселѣе, голоса звучнѣе; въ деревнѣ слышались пѣсни, которыхъ мать не любила. Даже животныя, и тѣ какъ будто освобождались отъ страха. Собаки забѣгали на барскій дворъ, куры пробирались въ садъ.

«Наконецъ срокъ отъѣзда наступилъ. Разставанье наше съ матерью, какъ и всегда, было очень холодно; ни мы, ни она никогда не плакали. Но въ этотъ разъ мать поразила меня; на молебствіи она съ эффектомъ молилась, а прощаясь съ Лизой, расплакалась и упрашивала Реутова беречь ее и развлекать, а также принять въ свое завѣдыванье весь домъ и прислугу и крестьянъ на время отсутствія ея съ Гавріломъ Антонычемъ. Прежде мать при прощаньи всегда давала строгія приказанія Каролинѣ Карловнѣ и всѣмъ людямъ; а тутъ все обошлось кротко. Я и всѣ домашніе были поражены такою странностью въ матери. Но все-таки мы всѣ вздохнули свободнѣе, когда изъ нашихъ глазъ скрылась ея карета, за которой мы всѣ молча слѣдили съ крыльца. Лиза первая выразила свое удовольствіе, пренаивно сказавъ своему учителю:

«— Безъ мамаши намъ будетъ гораздо веселѣе, Алексѣй Сергѣичъ. Догоните-ка меня!

«И она побѣжала по двору. Мы оба кинулись догонять ее. Смѣхъ и визгъ огласили мрачный домъ; дворовые люди сначала пугливо смотрѣли на нашу игру, но потомъ сами приняли участіе въ ней, спасая Лизу отъ насъ. Каролина Карловна изъ страха, чтобы Лиза не измучилась, положила конецъ нашей бѣготнѣ, и мы пошли всѣ вмѣстѣ гулять, по деревнѣ, куда ходить намъ было строго запрещено при матери.

«Крестьяне выбѣгали къ намъ съ радостными привѣтствіями; Реутовъ съ каждымъ умѣлъ поговорить. Лиза не хотѣла было поцаловаться съ одной старухой, а протянула ей свою руку, какъ ей всегда приказывала мать. Реутовъ весь вспыхнулъ и сказалъ Лизѣ, что онъ не будетъ съ ней играть, если она будетъ совать свою руку крестьянамъ.

«Насъ всѣхъ удивило, почему это такъ ему не нравится, и онъ долго толковалъ намъ о томъ, какъ презрѣнна и отвратительна барская спѣсь съ крестьянами. Онъ такъ много и такъ хорошо говорилъ о бѣдныхъ мужичкахъ, которые насъ кормятъ, что я чуть не расплакалась, и мнѣ стало ихъ ужасно жалко.

«Впрочемъ это маленькое происшествіе нисколько не помѣшало намъ насладиться нашей прогулкой, мы пришли домой совершенно довольно-

ные. Разставаясь съ учителемъ своимъ, чтобы лечь спать, Лиза крѣпко обняла и поцаловала его. Онъ взялъ ее на руки и тоже ласкалъ; она спросила его.

«— Вы меня любите?

«— Очень! отвѣчалъ онъ, цалуя ее въ глазки.

«— А вы, Каролина Карловна, любите? и не дождавшись отвѣта своей гувернантки, она сдѣлала еще вопросъ ему: — а Машу вы любите?

«— Очень! тихо, но такъ искренно и выразительно отвѣтилъ Реутовъ, что я сгорѣла отъ счастья.

«— А ты, Маша, любишь его? обратясь ко мнѣ, спросила Лиза.

«Я ничего не отвѣчала, но мое лицо, сіявшее блаженствомъ, ясно говорило ему, что я его люблю всею силою моей души.

«Каролина Карловна, къ счастью, не обратила никакого вниманія на выходку Лизы и на выраженіе нашихъ лицъ.

«Каролина Карловна ушла укладывать Лизу спать, въ первый разъ я осталась одна съ Реутовымъ.

«Мы не повторяли болѣе, что любимъ другъ друга; намъ было бы дико увѣрять другъ друга въ такой очевидной для обоихъ насъ вещи. Мы тихо ходили по саду, смотрѣли другъ другу въ глаза и отъ полноты восторга рѣшительно не находили предмета для разговора. Природа вокругъ

насъ приняла такой величественный видъ, тишина такъ была торжественна, наше счастье такъ полно, что и говорить не хотѣлось, хотѣлось только наслаждаться сознаніемъ, что мы живемъ, любимъ, видимъ другъ друга. Разставшись съ нимъ, цѣлую ночь я просидѣла у раскрытаго окна въ какомъ-то упоительно-тихомъ настроеніи. Сколько новаго и прекраснаго я открыла теперь въ лѣтней ночи, въ восходѣ солнца, въ утреннихъ облакахъ, въ каждой встрепенувшейся птичкѣ, въ каждой каплѣ росы, блестящей отъ лучей солнца....

«Послѣ этого пошли для насъ дни, одинъ радостнѣе другаго. Съ каждымъ днемъ я, кромѣ любви къ нему, все болѣе и болѣе проникалась уваженіемъ и удивленіемъ къ нему, впрочемъ всѣ въ домѣ чувствовали къ нему то же самое. Его мягкое обхожденіе съ прислугой поражало всѣхъ въ домѣ, а крестьяне со слезами на глазахъ благодарили судьбу, что хоть на короткое время попались такому доброму человѣку. Лиза, уступая вліянію своего учителя, почти не била въ это время своихъ маленькихъ горничныхъ, не гнала отъ себя крестьянскихъ дѣтей, если они случайно подходили посмотрѣть на свою барышню. Онъ также отучилъ ее на это время находить удовольствіе бѣгать съ кнутомъ за дворовыми дѣтьми, которыхъ она изо всей мочи била, и которыя должны были терпѣливо сносить эти незаслуженные побои отъ барскаго дитяти.

«Развитіе Реутова было такъ высоко въ сравненіи съ нашимъ, что мы всѣ смотрѣли на него съ какимъ-то благоговѣніемъ. Все, что онъ ни говорилъ, все что ни дѣлалъ, было для насъ странной новизной, и между тѣмъ мы не могли въ глубинѣ души не сознавать справедливости его убѣжденій; онъ увѣрялъ, напримѣръ, что считаетъ большимъ несчастьемъ для человѣка — жить на чужой счетъ, воспитываться на трудовыя деньги сотенъ людей, имѣющихъ своихъ дѣтей, которымъ бы слѣдовали эти деньги. При всемъ моемъ уваженіи къ Реутову, я, признаюсь, сильно усомнилась тогда въ истинѣ его взгляда. Жить на чужой счетъ — да что же можетъ быть покойнѣе? Работать, доставать трудомъ насущный хлѣбъ — какая ужасная, безотрадная участь. Мнѣ всегда казалось, что это назначеніе слугъ и вообще людей низкаго происхожденія. Я усиливалась вообразить себя или свою мать за работой для снисканія пропитанія, но и воображеніе не хотѣло служить мнѣ въ этомъ случаѣ. И однако же въ глубинѣ, на самомъ днѣ души моей, я ощущала что-то, что оправдывало для меня слова Реутова....

«Почти мѣсяцъ не пріѣзжала мать моя, и все это время пролетѣло для меня необычайно скоро. Я такъ одурѣла отъ счастья, что даже перестала и думать о возвращеніи матери. Разъ мы собирались ѣхать съ обѣдомъ въ лѣсъ; это было въ первый разъ въ нашей жизни; мы нетерпѣливо жда-

ли минуты нашего отъѣзда. Линейка была уже подана; оставалось только надѣть салопъ на Лизу, чтобы ѣхать. Но она расшалилась и бѣгала отъ насъ; мы всѣ принялись ловить ее; бѣдная Каролина Карловна упала при этомъ, а мы хохотали надъ ней.... Вдругъ мы всѣ вдрогнули и окаменѣли: вдали слышался дорожный колокольчикъ.

«— Это maman! вскрикнула Лиза съ досадою и прибавила: — она намъ помѣшаетъ ѣхать въ лѣсъ.

«Каролина Карловна схватила Лизу за руку и кинулась бѣжать на встрѣчу къ матери, а мы остались на мѣстѣ, какъ вкопанные. Мнѣ внезапно представился съ страшною ясностью весь ужасъ нашего положенія; ноги у меня задрожали и я зарыдала горько. Онъ бросился ко мнѣ и, сжавъ мои руки, умоляющимъ голосомъ просилъ успокоиться и прибавилъ:

«— Намъ надо на время скрыть наше счастіе отъ всѣхъ. Я долженъ прежде всего думать о вашемъ спокойствіи. Приказывайте мнѣ, что хотите: я все исполню....

«Но что мнѣ было ему приказывать? Я въ лихорадочномъ страхѣ бросилась на зовъ Каролины Карловны. Моя встрѣча съ матерью, какъ всегда, была холодна; за то его она встрѣтила необыкновенно любезно; еще не видавъ его распоряженій, благодарила за все, и вообще была очень довольна. Я не могла объяснить, что все это значитъ...

«И вотъ опять потянулись мрачно однообразные дни въ нашемъ домѣ. Мать моя не давала ни минуты свободы Реутову; то она гуляла съ Лизой и съ нимъ, то присутствовала на урокахъ; то заставляла его читать ей вслухъ. Его лицо становилось съ каждымъ днемъ унылѣе и серьезнѣе, такъ что я была сильно поражена и опечалена. Во все это время мы только разъ видѣлись безъ свидѣтелей, и онъ мнѣ съ отчаяніемъ сказалъ:

«— Я, кажется, долженъ скоро оставить вашъ домъ.

«Я поблѣднѣла и чуть не зарыдала отъ ужаснаго извѣстія. Я спросила причину, онъ покраснѣлъ и отвѣчалъ съ замѣшательствомъ:

«— Я вамъ могъ бы сказать это только тогда, если бы вы были моей женой.

«Я вся вспыхнула, но не могла отвѣчать и должна была поспѣшно уйти изъ комнаты, потому что заслышала шаги матери, которая звала его разсерженнымъ голосомъ. Я затрепетала отъ тона этого голоса; онъ напоминалъ мнѣ много страшныхъ для меня сценъ. Я было хотѣла броситься ему на помощь, но вдругъ явился въ комнату Гаврила Антонычъ и съ такой возмутительной улыбкой взглянулъ на меня, что я ушла къ себѣ на верхъ, гдѣ отъ волненія не знала, что мнѣ дѣлать. Вдругъ вбѣжала ко мнѣ моя горничная и въ огорченіи сказала:

«— Барышня! учителя бырыня выгнала вонъ, и онъ, бѣдненькій, пошелъ пѣшкомъ.

«Это страшное извѣстіе такъ меня потрясло, что я думала, я помѣшаюсь. Я потерявъ всякую осторожность, стала плакать, ломать себѣ руки; напугала горничную, которая сама расплакалась, видя мое отчаяніе. Я бросилась на наше любимое мѣсто, въ надеждѣ увидѣть его и узнать, что намъ дѣлать. Но нашла только маленькую записку, воткнутую на кончикъ прута, торчащаго изъ земли.

«Онъ прощался со мной на неопредѣленное время и умолялъ не разузнавать причину его удаленія изъ нашего дома. Онъ просилъ писать ему, но никому не ввѣрять писемъ, а класть ихъ тамъ, гдѣ я нашла его записку.

«Я исполнила его желаніе, ничего не разузнавала, написала ему, что рѣшилась ждать объясненія этой тайны отъ него самаго и просила его увѣдомить меня: гдѣ онъ и что онъ хочетъ предпринять...

«Въ домѣ все насупилось; мать была грозно-мрачна; Гаврила Антонычъ еще болѣе exиденъ. Лиза страшно капризничала. На другое утро послѣ отъѣзда Реутова, мать потребовала меня къ себѣ въ кабинетъ. Я чувствовала, что тутъ есть что-то недоброе, и приготовилась къ объясненію: я рѣшилась вынести всѣ пытки, но сохранить нашу святую тайну. Но лишь только я переступила порогъ комнаты, какъ мать съ моимъ письмомъ въ

рукахъ бросилась на меня, схватила меня за руку и такъ рванула меня, что я, испуганная и ошеломленная открытіемъ нашей любви, не устояла на ногахъ и упала на колѣни; тогда она схватила меня за горло и стала душить, скрежеща зубами.

«—Подай мнѣ его письма, гдѣ они? кричала она.

«Я молчала и желала одного, чтобы скорѣе умереть; я невольно сложила крѣпко свои руки на груди, какъ бы защищая его письмо; это погубило меня. Мать, видно угадавъ причину моего движенія, стала вырывать у меня письмо; я защищалась; но мать осталась побѣдительницей. Когда я очнулась, то лежала на полу одна въ комнатѣ; руки и грудь моя были въ крови, платье изорвано.

«Долго меня держали, какъ преступницу, подъ замкомъ въ моей комнатѣ. Томимая безчеловѣчными поступками со мной матери, убитая неизвѣстностью о немъ, я захворала очень серьезно, и долго потомъ не могла оправиться отъ выдержанной мною нервной горячки. Выздоровѣвши, я замѣтила вокругъ себя что-то странное: прислуга глядѣла на меня какъ то особенно; мать, хотя и объявила мнѣ свое прощенье, но, казалось, сдѣлалась еще грознѣе и неумолимѣе. За то Гаврила Антонычъ сладко мнѣ улыбался. Наконецъ дѣло пришло къ развязкѣ. Въ одно утро мать сама пришла ко мнѣ на верхъ, что она сдѣлала въ первый

разъ въ своей жизни, и съ покойною, натянутокроткою улыбкой, но весьма рѣшительнымъ тономъ, сказала:

«— Я приготовила тебѣ жениха, и надѣюсь, что послѣ своего поведенія ты немедленно выйдешь за него. Я даю тебѣ нѣкоторое время на размышленіе. Если же ты заупрямишься, то клянусь тебѣ, что я тебя упрячу въ монастырь и всѣмъ роднымъ разскажу о позорѣ, который ты нанесла нашей фамиліи. Выкинь всю дурь изъ головы и загладь свой проступокъ послушаніемъ. Женихъ твой не молодъ, не богатъ и некрасивъ собой. Но дѣвушкѣ, которая имѣла переписку и вѣшалась на шею всякому, нельзя быть разборчивой.

«Не знаю, откуда у меня явилась бодрость духа, но я отвѣчала, что замужъ не пойду и предпочитаю монастырь. Мать дико засмѣялась и, уходя, сказала:

«— Какая примѣрная вѣрность! Ну, да увидимъ; я даю тебѣ срокъ еще на нѣсколько дней!

«Я было хотѣла въ этотъ день не выходить изъ своей комнаты, но мать приказала мнѣ явиться къ столу. Горничная моя, одѣвая меня, шепнула мнѣ въ ужасѣ:

«— Барышня, вы знаете, кто вашъ женихъ?

«— Я никогда не выйду ни за кого замужъ! отвѣчала я.

«— Ну, слава Тебѣ, Господи! А то мы свѣта

Божьяго не взвидѣли, какъ узнали, что васъ хотятъ выдать за Гаврилу Антоныча.

«Я даже вздрогнула отъ ея словъ и не повѣрила; мнѣ казалось, что это невозможно. Вѣдь все-таки его подозрѣвали въ ускореніи смерти моего отца, въ кражѣ, не говоря о другихъ гадостяхъ. А разница нашихъ лѣтъ? А фамильная гордость матери, наконецъ? Если она можетъ спокойно выдать меня за этого негодяя, тогда почему же она такъ возмутилась моей любовью къ бѣдному и благородному Реутову? Я рѣшилась противиться до послѣдняго издыханія такому замужству. Необыкновенный случай грустнымъ образомъ помогъ мнѣ.

«За столомъ сидѣли мы мрачно и молча. Только-что мы съѣли супъ, какъ быстро вошелъ лакей и съ какимъ-то страхомъ произнесъ:

«— Сударыня....» потомъ остановился.

«Мать грозно прикрикнула на него и лакей пугливо проговорилъ:

«— Г-жа Реутова васъ спрашиваетъ!»

«Гаврила Антонычъ и мать вскочили съ своихъ мѣстъ, какъ будто невидимая сила управляла ихъ движеніями. Они вопросительно смотрѣли другъ на друга, какъ бы спрашивая совѣта, что дѣлать. Я же въ эту секунду успѣла создать въ своемъ воображеніи самую радужную картину: Реутова пріѣхала сватать своего сына...

«— Уведите Лизу! сказала Каролинѣ Карловнѣ очнувшаяся мать.

«Потомъ она приказала мнѣ уйти къ себѣ на верхъ. Я повиновалась, но невольно обернулась, когда заслышала шумъ въ прихожей. Я увидѣла въ дверяхъ высокую, пожилую женщину въ глубокомъ траурѣ. Черно-серебристые волосы выбились изъ-подъ чернаго чепчика и падали на блѣдное, исхудалое лицо, исполненное дикаго отчаянія. Ее поддерживалъ старикъ лакей, тоже весь въ траурѣ. Съ минуту всѣ стояли въ покойно-торжественной тишинѣ. Реутова осматривала съ ногъ до головы мою мать, которая, увидѣвъ меня, крикнула въ ярости:

«— Вонъ отсюда!

«Гаврила Литонычъ бросился ко мнѣ, чтобы вывести меня; но я предупредила его. Сама не знаю, какъ это сдѣлалось, но я очутилась у ногъ Реутовой и просила ее защитить меня. Она положила свою дрожащую руку мнѣ на голову и тихо, но повелительно сказала:

«— Не смѣть трогать ее!

«Потомъ, поднявъ меня, она всмотрѣлась мнѣ въ глаза и прибавила кротко: «Нѣтъ, ты не виновата! это все она одна!»

«И Реутова съ уничтожающимъ отвращеніемъ указала мнѣ на мать и хотѣла что-то еще сказать, какъ моя мать въ бѣшенствѣ крикнула ей:

«—Прошу васъ оставить мою дочь! Иди вонъ

отсюда! грозно обращаясь ко мнѣ, прибавила она. — Прочь отсюда!

«— Да, дитя мое! да, не оставайся здѣсь ни минуты, вѣдь это убійцы! сказала Реутова, и съ отвращеніемъ отвернулась.

«Я крѣпко сжала ея руку: она какъ бы передала мнѣ все свое отвращеніе къ присутствующимъ.

«— Ты будешь меня слушаться! приступая ко мнѣ и задыхаясь отъ ярости, закричала мать.

«Но Реутова обняла меня и грозно произнесла:

«— Не тронь ее! И дальше отъ меня: отъ васъ пахнетъ кровью вашихъ жертвъ!

«— Она сумасшедшая! оробѣвъ проговорила мать.

«— Да, я сумасшедшая, потому что хочу вырвать изъ вашихъ рукъ еще новую жертву. Я безумная, потому что вступилась за несчастную дочь! Люди съ полнымъ разсудкомъ не сдѣлали этого, а сумасшедшая женщина исполнитъ обязанность ихъ и будетъ требовать наказанія злодѣямъ.»

«Мать моя стояла въ какомъ-то оцѣпенѣніи, какъ будто предъ нею явился грозный призракъ и требовалъ ее на страшный судъ. Гаврила Антонычъ тоже повидимому оробѣлъ. Они оба стояли молча и не двигаясь съ мѣста. Какъ видно, они не скоро пришли въ себя, и этому обязана я своимъ спасеніемъ. Реутова медленно пошла вонъ,

даже не перешагнувъ порога комнаты, гдѣ была моя мать. Я не выпускала ея руки и машинально, но съ довѣрчивостью слѣдовала за ней, потому что у ней въ лицѣ, въ голосѣ было необыкновенное сходство *съ нимъ*. Мы сѣли въ дорожный экипажъ и поѣхали къ лѣсу. Никто насъ не преслѣдовалъ.... Реутова, сѣвши въ экипажъ, закрыла свое лицо и впала въ какое-то онѣмѣніе. Я не шевелилась, боясь потревожить ее. Всѣ происшествія этого дня произвели на меня такое потрясающее впечатлѣніе, что въ моей головѣ былъ страшный хаосъ, и я ни о чемъ не могла думать, ничего даже не сознавала, кромѣ безотчетной, страшной тоски. Экипажъ остановился въ лѣсу. Реутова вдругъ встрепенулась и, съ несвойственною ея лѣтамъ быстротой, пошла въ глубь его. Я едва могла поспѣвать за ней, слабость въ тѣлѣ и одышка не разъ заставляли меня отставать. Наконецъ Реутова остановилась и припала съ воплемъ къ землѣ. Кучеръ и лакей, слѣдовавшіе за ними, тоже встали на колѣни и крестились. Я шла сзади и, увидя эту сцену, съ минуту ничего не могла понять; но взглянувъ на *его* мать, въ траурѣ, лежащую на землѣ, надъ небольшимъ возвышеніемъ съ крестомъ, я вдругъ какъ бы опомнилась и поняла все; ноги у меня подкосились, и я, едва добѣжавъ до могилы, упала безъ чувствъ....

«Я жила съ годъ у Реутовой, которая, при всемъ своемъ горѣ, еще утѣшала меня. Тутъ я

узнала тайну, почему ея сынъ ушелъ изъ нашего дома, и почему моя мать, узнавъ о нашей любви, пришла въ такое негодованіе. Могла ли я думать, что буду ея соперницей!! Перехвативъ мое письмо, они съ Гаврилой Антонычемъ вели съ нимъ отъ моего имени переписку; что они писали ему отъ меня, не знаю, потому что писемъ не оказалось: вѣроятно они успѣли похитить ихъ у него, какъ сдѣлали это со мной. Какъ они довели его до того, что онъ застрѣлился на нашемъ любимомъ мѣстѣ, — осталось тайной его и ихъ. Но должно быть, они придумали какую нибудь страшную вещь на меня, иначе нечѣмъ объяснить его самоубійство. А смерть его была имъ нужна: въ матери моей говорило мщеніе за отвергнутую страсть, а Гаврила Антонычъ, накопивъ достаточное количество уликъ на мою мать, задумалъ въ это время исполнить свое дерзкое желаніе — жениться на мнѣ.

«Не долго прожила я съ Реутовой, одной изъ прекраснѣйшихъ женщинъ на свѣтѣ. Она умерла въ памяти и такъ тихо, такъ радостно, что я немедлено послѣдовала бы за ней, если бы она не взяла съ меня слово не покушаться на самоубійство. Я ее похоронила возлѣ него: таково было ея желаніе. Возвратиться къ матери я не могла, зная, что это была за женщина. Общества людей я боялась, мнѣ все казалось, что всѣ они, такъ долго смотрѣвшіе равнодушно на мои страданія, въ за-

говорѣ съ моими тиранами. Я поселилась въ совершенномъ уединеніи, въ лѣсу, недалеко отъ милыхъ мнѣ могилъ. Я потому не пошла въ монастырь, что онъ въ разговорѣ со мною разъ замѣтилъ, что кто ищетъ полнаго уединенія, тотъ не долженъ идти въ монастырь Всѣ его книги и вещи я перенесла къ себѣ и перечитывала нѣкоторыя изъ нихъ по нѣскольку разъ. Я работала днемъ въ цвѣтникѣ, въ огородѣ, по своему хозяйству въ домѣ, а вечеромъ занималась музыкой и чтеніемъ. Средства къ моей жизни были самыя скудныя; маленькій капиталъ мнѣ оставила его мать; у своей же я не хотѣла просить ни гроша. Она не могла выносить, что я живу недалеко отъ ея деревни, и уѣхавши въ Петербургъ, разсказывала про меня ужасы и выдавала меня за помѣшанную. Очень можетъ быть, что моя печальная судьба, мое продолжительное уединеніе и дѣйствительно развили во мнѣ много странностей. Но еще не рѣшено мною, въ здравомъ ли умѣ тѣ люди, которые живутъ въ обществѣ, гдѣ такъ смѣло могутъ тиранить своего ближняго, даже своихъ кровныхъ дѣтей, и гдѣ никто не защититъ несчастныхъ? Если бы Реутова, узнавшая на мѣстѣ о всей жизни моей матери и о всѣхъ злодѣйствахъ Гаврилы Антоныча, не вырвала меня изъ ихъ рукъ, я навѣрно бы была еще новымъ ихъ преступленіемъ.»

Далѣе листы были оторваны, но и этого было достаточно, чтобы сильно потрясти молодыхъ людей. Имъ было такъ тяжело во время чтенія, что они невольно вздохнули свободнѣе, когда оно кончилось. У Анны Ларіоновны были заплаканы глаза, и она съ наивнымъ удивленіемъ воскликнула:

— Такъ чѣмъ же такъ гордилась моя мать и все мнѣ твердила: наша фамилія, нашъ родъ! Неужели теперь возможно то же сдѣлать съ дѣвушкой, что сдѣлали съ моей несчастной теткой?

— Почему же нельзя, отвѣчалъ съ тяжелымъ вздохомъ молодой человѣкъ: — вѣдь заставляютъ же васъ ѣхать въ Петербургъ.

— Какое же это сравненіе! съ горячностью замѣтила дѣвушка. — Я ѣду....

— По приказанію! добавилъ молодой человѣкъ. Анна Ларіоновна оторопѣла и вдругъ залилась слезами, что въ свою очередь ошеломило ея собесѣдника: у него самого показались слезы на глазахъ.

Анна Ларіоновна быстро отерла слезы и съ гордостью сказала:

— Я, во первыхъ, тотчасъ же вернусь сюда, какъ только моя тетка вздумаетъ слишкомъ много умничать надо мной. Потомъ, — меня ни за что не посмѣютъ такъ запугать, если я полюблю кого нибудь. Ужь я-то не выйду замужъ изъ угожденія кому бы то ни было.

— Какъ трудно сказать, что будетъ съ вами въ Петербургѣ! печально произнесъ молодой человѣкъ: — можетъ быть, вы сдѣлаетесь свѣтской дѣвушкой, и тогда вамъ ни за что нельзя поручиться.

— Очень благодарна за такое мнѣніе, обиженно отвѣчала дѣвушка и надулась,

— Вы не сердитесь на меня; право, я боюсь, что если я пріѣду къ вамъ въ Петербургъ, то вы постыдитесь говорить со мной. Я знаю, что мундиръ да щегольское платье какъ разъ сведутъ съ ума всякую барышню.

— Только не меня! Военныхъ я ненавижу!

— Да гдѣ вы ихъ видѣли?

— А мало ли къ папа пріѣзжало?

— То совершенно другіе!.. Ахъ, какъ мнѣ страшно за васъ: вы съ перваго раза влюбитесь въ нихъ до безумія.

Молодой человѣкъ старался придать шутливость своему дрожащему голосу.

Анна Ларіоновна разсмѣялась и, по врожденному женскому кокетству, сказала:

— Я, во первыхъ, никогда не влюблюсь первая; а вашимъ свѣтскимъ офицерамъ не придетъ въ голову влюбиться въ степнячку, какъ я.

— Полноте; вы очень хорошо знаете, что вы лучше всякой свѣтской барышни!

— Ну, а вы-то гдѣ видѣли свѣтскихъ барышенъ? спросила дѣвушка звонко и смѣло смѣясь.

Не успѣлъ молодой человѣкъ собраться съ духомъ, чтобы отвѣчать на эту насмѣшку, какъ явилась въ комнату Палагея. Знакомый и столько любезный ей смѣхъ, опять раздавшійся въ комнатѣ, вывелъ старуху изъ ея отчаяннаго самозабвенія.

— Матушка барышня, пора въ постельку! произнесла Палагея какимъ-то особенно роболѣпнымъ тономъ. Но барышня на это не отвѣчала ей ничего, а протянувъ руку молодому человѣку, съ волненіемъ сказала:

— Въ самомъ дѣлѣ, пора спать.... прощайте.

Молодой человѣкъ помертвѣлъ и, схвативъ руку дѣвушки, прильнулъ къ ней и замеръ.

Какъ ни убита была Палагея, но дворовое чувство шевельнулось въ ней, и она ворчливо сказала:

— Что это ты, батюшка! оставь руку-то. Знаешь,— слѣдуетъ поцаловать, расшаркаться, да и уйти. И про себя прибавила: — ишь ворона, залетѣла въ хоромы.

Барышня отвернулась, чтобы скрыть свое лицо, по которому катились слезы, и потому не замѣтила, что бѣдный молодой человѣкъ былъ глубоко оскорбленъ замѣчаніемъ старухи и съ двойною тяжестью и тоской оставилъ комнату, въ которой онъ былъ въ послѣдній разъ.

— Извольте же ложиться; вѣдь скоро и свѣ-

тать будетъ, сказала Палагея, постоявъ нѣкоторое время въ комнатѣ.

Послѣ ухода молодаго человѣка, барышня долго оставалась въ одномъ положеніи, стоя спиной къ нянькѣ, облокотившись на комодъ.

Палагея раздѣла совю барышню, уложила ее въ постель и съ особенною заботливостію укутала въ одѣяло.

— Прощай, няня: завтра тебѣ меня не укладывать! сказала дѣвушка не безъ тяжелаго и грустнаго вздоха.

Шестнадцать лѣтъ каждый день ложась и просыпаясь, она привыкла видѣть лицо своей кормилицы, и няньки. Палагея вздрогнула; весь ужасъ разлуки снова охватилъ ее, и онз стояла, не двигаясь.

— Что же ты нейдешь спать? спросила ее барышня.

Палагея робкимъ и дрожащимъ голосомъ сказала:

— Анна Ларіоновна, дай я тебя, мое дитятко, благословлю. Вѣдь ты мое сокровище, одна моя радость.

Старуха уже не плакала, а только стонала, мотая головой.

— Няня, да что съ тобой? приподнявшись на постели, съ испугомъ спросила барышня.

— Ахъ, мнѣ тошнехонько, моя родная! я, кажись, и дня не переживу безъ тебя здѣсь. Что

я тутъ буду дѣлать безъ моего дитятка, моей красавицы?....

И Палагея бросилась цалавать ноги у барышни.

— Ты благослови меня, полно плакать-то, торопливо проговорила дѣвушка.

Палагея выпрямилась, сняла съ себя мѣдный образокъ, перекрестилась, поцалавала его, потомъ благословила имъ голову барышни, дала ей его поцаловать и надѣла ей на шею, нашептывая надъ ней разныя молитвы и причитанья.

Барышня кинулась въ слезахъ на шею няньки, которая, обнявъ ее и прижавъ къ своей груди, какъ бы укачивая ее, запѣла дребезжащимъ голосомъ пѣсню, которую она пѣвала своей барышнѣ, укачивая ее ребенкомъ на рукахъ. Дѣвушка хотѣла засмѣяться отъ выходки своей няни, но мрачное и дикое выраженіе лица старухи остановило улыбку, и барышня, вырываясь изъ ея объятій, вскрикнула пугливо: «няня!» Старуха, какъ бы очнулась и, выпустивъ барышню изъ своихъ рукъ, стала приводить въ порядокъ снятое ею платье. Вдругъ она спросила ее:

— Ты, Анна Ларіоновна, зачѣмъ это ему давала свою ручку-то поцаловать?... Онъ тебѣ не женихъ, моя сударыня. Избави Боже — барынѣ родниться съ дьячками .... Ты не слушай его балясъ-то!... Пшь, туда же! къ барышнямъ подъѣзжать!... Изъ дѣвичьей тебѣ надо выбирать же-

ну-то. Ишь ты каковъ! Кабы не господа, я бы тебя отсюда вѣникомъ выгнала.

— Не ворчи! замѣтила ей барышня.

— Какъ же не ворчать: съ меня взыскиваютъ!... тебѣ тетенька сыщетъ хорошаго, богатаго жениха. Такую красавицу князь возьметъ съ радостью за себя.

— Иди спать, няня!

— Иду, иду! ворчала Палагея, переставляя стулья съ мѣста на мѣсто, безъ всякой надобности. — И я тогда заживу славно, буду гулять съ маленькимъ князькомъ. Въ домѣ-то всего будетъ — и денегъ.... и серебра.... и....

Старуха задула свѣчу и вышла, продолжая строить воздушные замки даже въ дѣвичьей, гдѣ горѣлъ на столѣ ночникъ въ помадной банкѣ, мутно освѣщая спящихъ дѣвушекъ, лежавшихъ на полу, безъ тюфяковъ, на чемъ Богъ привелъ. Да и сама старуха, впрочемъ, спала на большомъ сундукѣ, на которомъ постланъ былъ старый тюфякъ съ одной подушкой.

Палагея осматривала всѣхъ спящихъ и съ странной усмѣшкой шептала:

— Спите теперь, какъ свиньи; а вотъ погодите, барышня выйдетъ за князя, она вамъ купитъ тюфяки, подушки; не будете босикомъ ходить, не будете ѣсть больше пустыхъ щей. А ты? взглянувъ на Дуняшу и грозя ей пальцемъ, продолжала старуха: — ты смотри, стрекоза, помни все-

таки, что ты отъ холопки родилась! Ты должна это помнить и не задирать носъ передъ ней. Старуха замолкла и только дико поводила кругомъ глазами и шевелила губами; потомъ она заохала и упала ничкомъ на сундукъ и осталась такъ безъ всякаго движенія....

На другое утро барышня была пробуждена незнакомымъ голосомъ. Абрютина стояла у постели и ласково говорила своей племянницѣ: — Вставай и одѣвайся скорѣе!

Пробужденіе Анны Ларіоновны было непріятно; но тетушка не дала ей опомниться, и стала распоряжаться ея туалетомъ. Всѣ сбились съ ногъ отъ ея строгихъ приказаній. Палагея, блѣдная, съ какимъ-то тупымъ выраженіемъ въ лицѣ, больше всѣхъ суетилась около барышни, но молча, какъ будто у ней отнялся языкъ. Дуняша пропала и когда барышня спросила о ней, дѣвушки отвѣчали, что она забилась на чердакъ и тамъ плачетъ. Поминутно раздавался голосъ Абрютиной: «скорѣй, скорѣй»!... Когда Анюта была уже готова, съ шумомъ и нетвердымъ шагомъ вошелъ Ларіонъ Петровичъ. По его лицу ясно было видно, какъ онъ провелъ ночь.

Анюта вспыхнула; она въ первый разъ почувствовала стыдъ за отца. Абрютина съ упрекомъ смотрѣла на своего братца, а онъ, какъ бы оправдываясь, сказалъ:

— Я боленъ и едва всталъ съ постели, но пришелъ обнять свою дочь. Прощай, Анюта!

Анна Ларіоновна бросилась на шею къ отцу и горько заплакала. Но эти слезы означали скорѣе упрекъ отцу, чѣмъ сожалѣніе, что она его оставляетъ.

— Не разстроивайте себя и ее, братецъ, замѣтила Абрютина. — Вы можете очень скоро пріѣхать въ Петербургъ.

Ларіонъ Петровичъ выпустилъ изъ объятій дочь и, смотря на Абрютину, сказалъ:

— О, да; я скоро, скоро пріѣду къ ней.

— Такъ привезите съ собой няню и Дуняшу! радостно сказала дѣвушка.

— Разумѣется! отвѣчала за него Абрютина.

— Изволь, изволь, мой ангелъ, подхватилъ отецъ. И онъ взялъ въ руки голову дочери, сталъ цаловать ея глаза и говорилъ, обращаясь къ Абрютиной:

— Сестрица, не правда ли, она красавица? Вашъ Петербургъ будетъ съ ума сходить отъ нея.

— Вы, братецъ, лучше легли бы въ постель, холодно отвѣчала сестрица.

Ларіонъ Петровичъ засмѣялся очень громко и проговорилъ: — Да, я боленъ, боленъ! Анюта, прощай. Я пріѣду скоро, очень скоро! Сестрица меня приглашаетъ.

И онъ ловко расшаркался передъ Абрютиной, но вдругъ покачнулся, Анюта съ крикомъ бро-

силась къ отцу и поддержала его. Она вся дрожала и сама повела его изъ комнаты; а Ларіонъ Петровичъ, обнявъ ее одной рукой, говорилъ печально:

— Ты пиши мнѣ, Анюта; я все, все исполню, что ты хочешь. Я бы поѣхалъ провожать тебя, но боленъ, я цѣлую ночь не спалъ. Такого несчастья никогда не было. Все били!

Дочь проводила отца до его комнаты и простилась съ нимъ на-скоро, потому что въ его комнатѣ она увидѣла, какъ онъ провелъ ночь передъ разлукой съ ней. Недопитое вино осталось въ стаканахъ, пустыя бутылки валялись на полу, на столѣ была груда картъ. Въ одномъ углу двое гостей еще сидѣли за картами.

Абрютина всячески старалась ускорить прощанье. Она появилась въ дверяхъ кабинета и увела племянницу въ залу, гдѣ была Палагея съ салопомъ, капоромъ и узелками своей барышни.

Началось прощанье съ прислугой: всѣ подходили къ ручкѣ барышни и Абрютиной, которая очень торопила эту процессію. Анна Ларіоновна искала глазами своего друга дѣтства, но къ удивленію, не нашла его въ залѣ. Абрютина съумѣла такъ устроить, что его въ это время потребовали къ Ларіону Петровичу въ кабинетъ и тамъ задержали.

Прощанье Палагеи съ барышней было, къ удивленію всѣхъ, очень холодно. Старуха долго цало-

вала руку у барышни, но безъ слезъ, и все только шептала: «Богъ съ тобой, Богъ съ тобой!» такъ она дошла до крыльца, но вдругъ присѣла на лѣстницѣ и, склонивъ голову на грудь, стала шептать: «прощай, прощай!» Барышнѣ стало жаль своей няни; да ей хотѣлось также увидѣть и Дмитрія Степаныча. Она вернулась къ Палагеѣ и поцаловала ее вторично въ голову. Этотъ поцалуй вывелъ старуху изъ равнодушія; она хотѣла ухватиться за платье барышни, которая уже стала сходить съ лѣстницы, но покатилась безъ чувствъ. Сдѣлалась суматоха. Абрютина сердилась, что старуха замедлила отъѣздъ. Анюта бросилась было на помощь къ нянѣ, но Абрютина не допустила ее до этого и, усадивъ племянницу въ экипажъ, проворно сѣла сама и приказала ѣхать скорѣе. Когда карета поѣхала, Анюта выглянула изъ окна и увидѣла на прощанье печальную картину. Нянька ея лежала на землѣ, всѣми брошенная; толпа оборванныхъ дворовыхъ съ тупымъ любопытствомъ глазѣла на карету, а въ домѣ, у раскрытаго окна, въ рубашкѣ, съ открытымъ воротомъ, съ бокаломъ въ одной рукѣ, стоялъ ея отецъ и посылалъ ей поцалуи другой рукой; возлѣ него, изъ-за его плечъ, выглядывало блѣдное лицо друга ея дѣтства. Анюта заплакала. Но что же было бы съ ней, если бы она могла видѣть, что происходило позади ея кареты? Палагея отъ стука колесъ очнулась и бросилась было за каретой, но ее стали удержи-

вать; она билась какъ сумасшедшая и безъ платка на головѣ, который упалъ у ней во время борьбы, съ сѣдыми, распущенными по черному платью волосами, вырвавшись, бѣжала почти у самыхъ колесъ. У ней, бѣдной, не доставало силъ кричать, она только по временамъ слабо стонала. Праздная дворня не гналась за обезумѣвшей Палагеей; она мучила бѣдную Дуняшу, прибѣжавшую проститься съ барышней. Они ускали ее собаками и отъ души смѣялись надъ слезами и отчаянными криками дѣвочки....

Казалось бы, не горько оставить такой вертепъ. Стоило взглянуть только на одну наружность дома, чтобы почувствовать удивленіе, о чемъ Анюта могла плакать, разставаясь съ нимъ. Домъ стоялъ на плоскомъ, голомъ мѣстѣ; кругомъ весь лѣсъ былъ вырубленъ и только торчали пни, да мелкіе отпрыски зеленѣли около нихъ. Еще недостроенный домъ уже почти сгнилъ, многія окна въ немъ были заколочены досками, а другія были съ разбитами стеклами. Крыша, на половину деревянная, на половину желѣзная, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрыта была плѣсенью; оторванные вѣтромъ листы торчали кверху, пакля выбилась изъ бревенъ и колебалась на вѣтру изъ стороны въ сторону. Рѣшетка сада на половину лежала на землѣ, садъ почти не имѣлъ тѣни, только голые прутья отъ кустовъ торчали въ немъ. Службы были полуразрушены, а мелкія избы, сбившіяся тѣсно въ

кучку на голомъ полѣ и затопленныя грязью, такъ были жалки, такой вѣяло отъ нихъ нищетой, что духъ захватывало при одной мысли, что тутъ прозябало не одно поколѣніе людей... А между тѣмъ дѣвушка горько оплакивала разлуку съ своей печальной родиной.

Неужто будетъ ей хуже тамъ, куда везетъ ее любящая тетушка?

ГЛАВА V.

Петербургскій осенній день постоянно бываетъ съ самаго утра въ такомъ мрачномъ расположеніи духа, что полнаго разсвѣта жители не видятъ по цѣлымъ недѣлямъ. Въ это мрачное время городъ принимаетъ невыносимо тоскливый видъ — отъ улицъ, затопленныхъ грязью, отъ домовъ, съ отсырѣвшими стѣнами, а главное, отъ жалкаго и обиженнаго выраженія лицъ шлепающихъ по грязи жителей. Тогда мнѣ все кажется, что наконецъ у нихъ лопнетъ терпѣніе жить въ этомъ городѣ, гдѣ воетъ вѣтеръ такъ, что потрясаетъ всѣ крыши у домовъ, гдѣ свирѣпая рѣка грозитъ затопить всѣ улицы и льдомъ срѣзать дома, гдѣ такъ сыро, мрачно и холодно; и гдѣ нашли удобный пріютъ всѣ возможныя азіятскія и европейскія эпидеміи.

Впрочемъ, не подумайте, что я вообще противъ Петербурга и проповѣдую всеобщую эмиграцію изъ нашей Сѣверной Пальмиры. Нѣтъ, меня воз-

мущаетъ только то, что въ такомъ красивомъ городѣ, котораго грандіозныя прелести такъ хорошо воспѣлъ еще Пушкинъ, — смѣютъ появляться и безпокоить наши взоры эти грязныя, оборванныя, зеленоватыя личности, съ какими-то обиженными физіономіями, явно нерасположенными наслаждаться ни нашими великолѣпными храмами, ни чудными мостами, ни домами изящной архитектуры, ни даже блестящими вещицами въ окнахъ магазиновъ.... Зачѣмъ же они живутъ здѣсь, томительно спрашиваю я самъ себя, и, признаюсь, отъ души желаю всѣхъ ихъ спровадить куда нибудь подальше. Я думаю, что ихъ выселеніе много способствовало бы украшенію Петербурга, такъ точно, какъ пожаръ много содѣйствовалъ къ украшенію Москвы. Опустѣли бы, конечно, только тѣ дома, въ окна которыхъ нагло ломится вѣтеръ и смотрится мрачное петербургское небо, гдѣ живетъ грубый и тяжелый трудъ и гдѣ чахнутъ отъ наслѣдственной нищеты цѣлыя семейства, словомъ, тѣ непозволительные домишки, которыхъ не коснулось благодѣтельное вѣяніе цивилизаціи. Но, разумѣется, тѣ дома, окна которыхъ заботливо укутаны въ ватныя подушки и въ тройныя занавѣски, едва, едва пропускающія свѣтъ Божій въ свѣтскіе салоны и роскошные будуары, — эти дома будутъ по прежнему красоваться въ великолѣпной столицѣ. Владѣтелямъ и обитателямъ ихъ рѣшительно все равно, какого бы ни было цвѣта

небо надъ ними, какая бы ни была сырая и холодная погода, какъ бы ни было грязно на улицахъ.

Что̀ можетъ быть у нихъ общаго съ природой? Развѣ имъ нужно воздѣлывать ее? Или они нуждаются въ наслажденіи ея дешевыми, безмездными благами? Имъ необходимы воздухъ, деревья, птицы, свѣтъ и теплота солнца? Какой вздоръ! какія аркадскія идиллiи! Нѣтъ, они, обитатели этихъ удивительныхъ домовъ, выше всѣхъ подобныхъ пустяковъ, нужныхъ только для голодныхъ нищихъ. Искусство побѣдило природу, чудеса новѣйшей цивилизаціи дали человѣку полную возможность не знать ни перемѣнъ года, ни разности климатовъ. Что̀ для дѣтей цивилизаціи зима и сѣверъ? У нихъ есть такія шубы, кареты, вагоны, въ которыхъ ни холодъ, ни вѣтеръ не даетъ имъ себя почувствовать! На что дѣтямъ цивилизаціи хорошій климатъ и красоты мѣстоположенія? Имъ нужны фабрики бронзъ, бархату, шелку и кружевъ. На что имъ лѣса, луга, когда ихъ комнаты превращены въ сады, съ птицами въ золотыхъ клѣткахъ, съ заморскими рыбками въ искусственныхъ бассейнахъ. На что имъ солнце, когда они встаютъ въ два часа по полудни, да и то не знаютъ, какъ убить время, пока зажгутъ изобрѣтенныя для нихъ цивилизаціею карсели и лучезарныя лампы? И какое значеніе можетъ имѣть въ ихъ глазахъ производительность природы, когда на перекоръ ей они

зимой ѣдятъ фрукты и даже, безъ всякаго участія насѣдки, для ихъ стола выводятъ цыплятъ? Они презираютъ природу и не хотятъ знать ея законовъ, потому что легко могутъ покорить ее деньгами. Всякій богачъ своими деньгами не только порабощаетъ людей и людскіе законы, но даже болѣзни, не исключая эпидемическихъ. Въ самомъ дѣлѣ, всякая эпидемія какъ будто робѣетъ швейцаровъ съ булавой, стоящихъ у подъѣздовъ богачей, и рѣдко избираетъ себѣ жертву въ роскошныхъ домахъ, тогда какъ съ бѣдняками она обходится съ наглостью и десятками пожираетъ ихъ. За то полюбуйтесь, какая долговѣчность въ домахъ богачей! Тамъ старики и старухи, подобно попугаямъ, живутъ чуть не по сту лѣтъ, и остаются бодрыми и даже румяными. Если и отымутся ноги у какого нибудь старика, то развѣ отъ безмѣрнаго употребленія старыхъ венгерскихъ винъ. Вся ихъ жизнь — одинъ безконечный праздникъ съ роскошными обѣдами, танцами, болтовней и волокитствомъ.

Да и какъ же иначе? Таково требованіе, таковъ законъ историческаго развитія человѣчества. Посмотрите, какъ развились, въ теченіе вѣковъ, эти изящныя, милыя созданія, наслаждающіяся побѣдой надъ природой. Взгляните на нихъ: возможно ли имъ чѣмъ нибудь заняться, кромѣ веселыхъ развлеченій? Съ ихъ ли нѣжной и чувствительной кожей переносить палящій жаръ, трескучій мо-

розъ и какой нибудь трудъ? Не даромъ же на всемъ земномъ шарѣ, куда только проникли благодѣянія цивилизаціи, — вездѣ такъ устроены желѣзныя дороги, пароходы, даже кладбища, чтобы люди съ чувствительной кожей могли имѣть всѣ удобства, чтобы имъ было мягко сидѣть, лежать, чтобы на нихъ не пахнулъ вѣтерокъ, чтобы не безпокоило ихъ солнце. А для людей не цивилизованыхъ вездѣ устроенъ третій классъ, гдѣ на нихъ дуетъ со всѣхъ сторонъ вѣтеръ, печетъ ихъ солнце и прожигаютъ искры. Очевидно, — у этого разряда людей такая грубая кожа, что имъ все ни почемъ. Стоять ли цѣлый день въ холодной водѣ, строя ванну для изящнаго господина, подниматься ли на веревкѣ на крышу шестиэтажнаго дома, чтобы закрасить непріятный для глазъ слѣдъ сыраго климата, жариться ли съ утра до вечера передъ паровымъ котломъ на какой нибудь фабрикѣ, — имъ это все ничего.... даже пріятно, должно быть: все-таки занятіе. А необразованному человѣку безъ занятія куда же дѣваться? Со скуки пропадетъ....

А какова грубость натуры! Эти люди могутъ, напримѣръ, ѣсть круглый годъ мякинный хлѣбъ, жить всю жизнь въ маленькой избѣ цѣлымъ семействомъ, да еще если погоритъ сосѣдъ, то и его съ семействомъ впустить жить. Ну, можетъ ли человѣкъ съ чувствительной кожей стѣснять себя, впустить погорѣлое семейство въ свои огромныя

залы? Можетъ ли также, напримѣръ, свѣтская дама, съ розовыми ноготками и чувствительными нервами, выкормить грудью бѣдную сироту? Да она и собственнаго-то ребенка не въ силахъ выкормить и даже взять на руки, когда онъ не запеленанъ! А въ женщинѣ нецивилизованной грубость до того простирается, что она выкармливаетъ своего и чужаго ребенка, да еще ходитъ въ поле на тяжелую работу.... Сравните же теперь заботливость свѣтскихъ дамъ о своихъ дѣтяхъ съ поведеніемъ женщинъ грубыхъ понятій и жосткихъ материнскихъ чувствъ. Дѣти у свѣтскихъ дамъ окружены няньками и иностранными гувернантками; и матери ихъ танцуютъ съ спокойною совѣстью, зная, что ихъ дѣти на рукахъ нянекъ... А матери изъ простаго класса, идя на барщину, бросятъ своего ребенка на руки шестилѣтней своей дочери или слѣпой стэрухи, даже бросаютъ и однихъ, если у нихъ нѣтъ никого въ семействѣ. Ну, не возмутительно ли видѣть бѣднаго младенца, лежащаго въ лохмотьяхъ, облѣпленнаго мухами, голоднаго, неистово-кричащаго въ душной избѣ?и что можетъ быть ужаснѣе,какъ напримѣръ, когда мать вернется съ работы, а ея ребенка съѣла голодная свинья, забравшись въ избу? Вотъ до чего могутъ доходить люди, лишенные благъ цивилизаціи!...

Я прошу извиненія у свѣтскихъ дамъ, что осмѣлился сравнивать ихъ материнскую нѣжность

съ грубымъ, нѣтъ, вѣрнѣе—съ звѣрскимъ равнодушіемъ къ дѣтямъ въ женщинахъ, расхаживающихъ всю жизнь безъ перчатокъ и безъ корсетовъ. И чтобы загладить свою вину, я даю слово болѣе не дѣлать никакихъ сравненій въ этомъ родѣ, а только описывать жизнь дамъ съ розовыми ноготками на ихъ нѣжныхъ ручкахъ, почти всю жизнь скрытыхъ подъ перчатками. И потому я немедленно приступлю къ описанію дамы, сидящей въ кружевномъ будуарѣ за туалетомъ, на которомъ столько стояло разныхъ баночекъ, флаконовъ и инструментовъ, что право легче пересчитать звѣзды на небѣ въ темную ночь. Дама занималась чищеньемъ своихъ розовыхъ ногтей до того, что они превратились въ кровяные, и поглядывала въ зеркало, какъ ея горничная, не хуже любаго фокусника, вытаскивающаго изъ рукава часы, вплетала густыя косы въ ея жидкіе волосы. Дама эта, графиня Пыжницкая была уже пожилыхъ лѣтъ, но разумѣется, никакъ не хотѣла казаться такой и потому прибѣгала за туалетомъ ко всѣмъ возможнымъ косметическимъ изобрѣтеніямъ. Лицо ея, можетъ быть, нѣкогда и было красиво, но лѣта и жизнь оставили непривлекательную печать на немъ; за то оно имѣло выраженіе самое аристократическое: матовая до желтизны блѣдность, продолговатый овалъ лица, худощавость, хотя корпусъ былъ полный, и черные глаза слегка прищуренные, въ которыхъ

свѣтилось какое-то величавое презрѣніе ко всему на свѣтѣ. Впрочемъ, что̀ мнѣ долго описывать лицо графини, когда однѣ ея ручки ясно говорили, что она принадлежитъ къ самому высшему классу женщинъ. Вѣдь какъ породистую лошадь сейчасъ можно узнать по ногамъ, такъ точно и аристократическую даму можно сейчасъ отличить по ея ручкамъ, никогда не знавшимъ, что такое работа. И дѣйствительно, самое убранство комнатъ графини показывало, что она со дня своего рожденія была обречена на праздность, роскошь и полнѣйшее презрѣніе ко всѣму человѣчеству, исключая, разумѣется, людей своего круга. Кромѣ того, она очень уважала еще деньги. Впрочемъ, отчего же людямъ высшаго класса и не презирать людей средняго состоянія? Сами напрашиваются! Всѣ помѣшаны на томъ, чтобы подражать аристократамъ, хотя только откупщики и лоретки имѣютъ средства жить, какъ они. Неограниченная власть денегъ въ благоустроенномъ обществѣ уничтожаетъ иногда даже свѣтскіе предразсудки и допускаетъ въ свой кругъ денежныхъ аристократовъ, но и то съ нѣкоторыми условіями. Надо, чтобы домъ кандидата богача простоялъ лѣтъ 50 на Англійской Набережной, и уже внукъ, родившійся въ немъ, пріобрѣтаетъ чувствительную кожу и получаетъ право на то благоговѣніе и раболѣпство, которое расточаетъ средній классъ всякому члену высшаго круга. Разумѣется,

лестно такое положеніе, и я не сомнѣваюсь, что и мужики стали бы благоговѣйно подражать свѣтскимъ людямъ, если бы не были такъ грубы, имѣли бы хотя какое нибудь понятіе о высокомъ значеніи свѣтскаго общества въ человѣчествѣ. Но увы! пройдутъ вѣроятно тысячелѣтія прежде чѣмъ мужики возвысятся до такихъ тонкихъ понятій!... А вотъ посмотрите на даму, вошедшую въ будуаръ къ графинѣ; сейчасъ видно, что она понимаетъ разницу, что̀ значитъ жить на Божьемъ свѣтѣ или въ высшемъ свѣтѣ. Оттого она и выработала такое раболѣпно-льстивое выраженіе для своего стараго, набѣленаго лица. Всю свою жизнь эта дама стремилась только къ одной цѣли: — достигнуть чести быть хоть ублюдкомъ въ кругу людей аристократическаго рода. Генеральша Рудзевичъ (фамилія свѣтской дамы ублюдка) пользовалась во многихъ графскихъ и княжескихъ домахъ нѣкоторымъ значеніемъ въ закулисной ихъ жизни. Генеральша выполняла роль фактора, какіе бываютъ въ польскихъ гостинницахъ. Она поставляла въ графскіе дома гувернантокъ, нянекъ, гувернеровъ, кучеровъ, лакеевъ и горничныхъ. Она занимала для своихъ покровительницъ деньги, продавала ихъ старыя платья и мантильи, закладывала брилліанты и серебро; доставляла всѣ городскія и театральныя сплетни и составляла краску для волосъ, помаду для нѣжности кожи, а также искусно умѣла выщи-

пывать волосы у старыхъ важныхъ старухъ изъ бороды и усовъ: въ этомъ она имѣла большую практику на своемъ собственномъ лицѣ, которое имѣло отпечатокъ азіатскаго происхожденія; за то не было никакихъ слѣдовъ о ея происхожденіи на свѣтъ. Генеральша-факторша была взята сиротой въ домъ къ одной важной старухѣ, и ее воспитывали самымъ жалкимъ образомъ, хотя слухи ходили, что она приходится своей благотворительницѣ внучкой. Но это не имѣло никакого вліянія на участь сироты, такъ что бабушка и отецъ никогда не удостоивали ее своей лаской, а напротивъ, постоянно давали чувствовать, какая страшная бездна раздѣляетъ сироту-воспитанницу не только отъ нихъ, но и отъ всѣхъ людей ихъ круга. До тридцати лѣтъ генеральша-факторша жила дѣвицей съ бранчивой и жестокой старухой и прожила бы еще столько, если бы ея бабушка не умерла, а отецъ не выдалъ ее замужъ за своего бѣднаго чиновника, которому, вмѣсто приданаго, далъ казенное мѣсто съ хорошимъ окладомъ. Генеральша-факторша, съ дѣтства хорошо изучивъ дамъ высшаго полета, съумѣла, послѣ своего замужества, втереться въ ихъ спальни, дѣтскія и будуары; въ парадныя комнаты онѣ не допускали ублюдка. За то генеральша-факторша въ салонахъ средняго класса корчила преважную даму: она была тамъ неузнаваема, по недоступной своей важности, и съ

величайшимъ презрѣніемъ смотрѣла на все человѣчество, не принадлежащее къ высшему кругу. Видя ее въ салонахъ у откупщиковъ, никто бы не подумалъ, что это та самая особа, которая вмѣстѣ съ салономъ оставляетъ и свое величавое достоинство въ аристократическихъ передникъ. Для того, чтобы вползать въ графскіе дома, въ родѣ того, какъ съ виляніемъ хвоста вползаютъ дворовыя собаки въ комнату, для этого генеральша-факторша чего-чего не дѣлала въ своей жизни! Она своихъ взрослыхъ дочерей морила въ холодныхъ комнатахъ, на молочной кашѣ, обманывала лавочниковъ, обсчитывала бѣдныхъ своихъ слугъ, потому, что ей надо было имѣть карету и туалетъ, чтобы съ утра до ночи рыскать по городу. Впрочемъ, объ участи своихъ дочерей она заботилась: къ нимъ съ дѣтства были приставлены англичанка-пьяница и француженка-воровка, объ выгнанныя изъ важныхъ домовъ, а такъ какъ у ней нечего было красть, то она держала француженку, а буйный характеръ пьяной англичанки укрощала тѣмъ, что давала ей въ винѣ какой-то порошокъ, отъ чего та впадала въ безчувствіе и на нѣкоторое время питала отвращеніе къ вину. По нѣскольку разъ эти милыя наставницы отходили отъ генеральши-факторши, поступая въ другіе дома, но снова возвращались къ ней. Но это въ сущности ничего не значило для дочерей генеральши: онѣ прекрасно говорили на двухъ

языкахъ, и вслѣдствіе этого считались за хорошо-образованныхъ дѣвицъ, такъ что двѣ изъ нихъ помѣщены въ аристократическіе дома въ качествѣ компаніонокъ къ пожилымъ дѣвицамъ, но еще считающимся въ свѣтѣ за молодыхъ, потому что находятся постоянно въ обществѣ богатыхъ невѣстъ, которыя никогда не засиживаются въ родительскомъ домѣ.

О мужѣ генеральши-факторши я потому не сказалъ равно ничего, что это была плюгавая, чиновническая личность. Онъ въ семействѣ своемъ не имѣлъ никакого значенія и жилъ не дома, а въ нѣмецкомъ клубѣ; онъ обязанъ былъ отдавать своей супругѣ все жалованье, а самъ жилъ на побочные доходы и карты: впрочемъ, доходы не были велики, но генеральшѣ-факторшѣ до этого не было дѣла: она постоянно твердила ему, что если бы другой у ней былъ мужъ, то съ такой протекціей нажилъ бы себѣ громадное состояніе.

Генеральша—факторша, передавъ множество разнаго рода сплетенъ про полусвѣтскихъ дамъ и мужчинъ, про лоретокъ и про актрисъ, заключала такъ:

— А вы знаете, графиня, кто вчера произвелъ эффектъ во французскомъ театрѣ? Всѣ только и смотрѣли, что на ложу Абрютиной.

Графиня такъ взглянула на генеральшу, что та слегка смутилась отъ своего фамиліарнаго тона и

потому продолжала свой разсказъ не въ видѣ вопросовъ, а чистой сплетней.

— Абрютина въ первый разъ вывезла свою племянницу; она отыскала ее гдѣ-то въ глуши, въ провинціи: у этой дѣвочки нѣтъ матери, а отецъ страшный игрокъ, пьяница; ну, все, что хотите. Имѣніе разорено до крайности. Абрютина держала цѣлый годъ несчастную провинціалку гдѣ-то у себя на чердакѣ, кое-какъ выучила ее болтать по французски, танцовать и пѣть романсы, впрочемъ, очень предосудительные для молодой дѣвушки. И вчера, какъ рѣдкое какое нибудь растеніе, вывезла на показъ, одѣла ее по мѣщански: нитка бурмитскихъ зеренъ была на ней тысячь въ десять, а серьги въ три; только не доставало браслетъ и фермуара, чтобы это была невѣста изъ Лѣтняго Сада.

Графиня удостоила покровительной улыбкой генеральшу, которая продолжала еще съ большимъ одушевленіемъ.

— Но я увѣрена, что всѣ эти брилліанты—одна приманка для жениховъ. Эта женщина, своихъ-то дочерей выдавая замужъ, надула ихъ мужей; а я воображаю, станетъ она церемониться съ племянницей! Впрочемъ, она не будетъ разборчива на жениховъ: для нея чѣмъ скорѣе выдать ее, тѣмъ лучше, потому что замужняя женщина можетъ гораздо болѣе себѣ позволять въ обращеніи съ мужчинами, чѣмъ дѣвушка; а цѣль Арбюти-

ной, вѣроятно та, чтобы черезъ свою племянницу имѣть расположеніе значительныхъ лицъ въ Петербургѣ, чрезъ которыхъ она будетъ обдѣлывать свои спекуляціи.

Графиня, все время слушавшая свою гостью съ величайшимъ презрѣніемъ, наконецъ спросила съ замѣтной досадой:

— Да хороша ли она?

— Самая непрочная красота; у ней хорошіе волосы, ростъ, фигура, маленькія руки, зубы, ротъ хорошъ. . глаза... въ нихъ что-то есть странное.... Знаете, сейчасъ видно, что дикарка, и ея манеры тривіальны; впрочемъ, если Абрютина была ея руководительницей, то она должна походить на торговку. Я убѣждена, что племянница заранѣе знаетъ роль, какую ей готовитъ тетка, и съ большимъ успѣхомъ ее выполнитъ. Уже и вчера она очень неприлично держала себя. Ну, и вы знаете, мужчинъ привлекаютъ такія дамы къ себѣ. У нихъ въ ложѣ перебывало очень много; можетъ быть, ужь есть и женихъ; но только, что за охота порядочному человѣку дѣлать такую партію? Разумѣется, мужу будетъ протекція хорошая, если онъ будетъ смотрѣть сквозь пальцы на шалости своей супруги.

Графиня повидимому болѣе была занята тѣмъ, хорошо ли ея горничная подвила ей на затылкѣ маленькія букольки; по окончаніи этой операціи она встала съ своего мѣста; то же сдѣлала гене-

ральша-факторша и немедленно простилась съ хозяйкою дома.

Не болѣе, какъ черезъ часъ, изъ кружевнаго будуара графиня очутилась на мусорѣ, у постройки своего новаго дома — и въ сильномъ гнѣвѣ. Передъ ней стояла группа изъ блѣднаго, стараго отставнаго солдата и старухи нищей съ двумя босыми дѣтьми: ихъ всѣхъ била лихорадка, на ихъ лицахъ изображался ужасъ. У ногъ графини валялась корзина со щепками, красный и бородный десятникъ съ плутовской усмѣшкой, но въ почтительной позѣ, слушалъ внимательно, какъ графиня, довольно громко для такой важной дамы, говорила солдату:

— Я тебѣ запретила впускать сюда нищихъ!... какъ же ты смѣлъ не слушаться?

— Ваше.... сіятельство.... едва могъ выговорить солдатъ, дрожа, какъ осиновый листъ.

— Родная.... разинула-было ротъ старуха нищая; но десятникъ толкнулъ ее въ спину, чтобы она замолчала.

— Семенъ! обращаясь къ десятнику, сказала графиня: — ты проучи хорошенько ихъ, чтобы они не ходили воровать сюда.

И она грозно указала на нищихъ, а потомъ на солдата и прибавила съ сердцемъ:

— А его чтобы сегодня же не было здѣсь!

Старикъ помертвѣлъ, упалъ на колѣна, хотѣлъ что-то сказать, но слезы задушили его голосъ:

онъ только съ мольбой протянулъ свои дрожащія руки къ графинѣ, которая съ отвращеніемъ отвернулась отъ этихъ жалкихъ людей.

Точно, группа бѣдняковъ, дрожащихъ отъ страха и холода, потому что день былъ мрачный, осенній, а они были одѣты въ лохмотьяхъ, такъ что дѣтскія руки и лица были сини, вся эта группа нищихъ на мрачномъ фонѣ петербургскаго осенняго дня представляла непріятную картину; эта нищета, худоба, дрожь отъ холода — нарушали величавую гармонію богатства!..

Не успѣли очнуться нищіе отъ приговора графини, какъ явился изъ-за кирпичей молодой человѣкъ, съ розовыми щеками, съ масляными глазками, съ сладенькимъ выраженіемъ въ лицѣ и съ кокетливыми манерами. Его туалетъ былъ самый изящный и съ иголочки. Голосокъ былъ сладенькій-пресладенькій, онъ съ почтительной радостью бросился къ графинѣ поддержать ее подъ руку, чтобы ей пройти по мусору и на французскомъ діалектѣ освѣдомился о собравшейся группѣ. Лицо графини приняло очень благосклонное выраженіе при видѣ сладенькаго, розоваго господина, и она удалилась съ нимъ, разсказывая ему о возмутительномъ поступкѣ солдата, который допустилъ нищую старуху съ дѣтьми собирать графскія щепки, когда это было ею запрещено при самомъ началѣ постройки дома.

Но мы оставимъ пока графиню и сладенькаго

архитектора осматривать постройку и обратимся опять къ солдату, который встрепенулся и всталъ съ колѣнъ, когда десятникъ схватилъ одну изъ дѣвочекъ и сталъ ее драть за волосы, съ улыбкой приговаривая:

— Не воруй графскихъ щепокъ.... не воруй!

Старуха ловила руку десятника, съ плачемъ прося пощады ребенку, у котораго отъ страха и боли вылетали изъ груди сиплые крики.

— Оставь дѣвчонку, Семенъ! мрачно и дрожащимъ голосомъ сказалъ солдатъ, обчищая свои истертые панталоны на колѣняхъ, какъ бы желая скрыть свое сильное волненіе, а можетъ быть, и стыдъ, что онъ становился на колѣни и дрожалъ передъ гнѣвомъ этой дамы, когда такъ мужественно подставлялъ свою грудь непріятельскимъ пулямъ. А впрочемъ многіе умные люди замѣчали не разъ, что человѣкъ изъ простаго званія не можетъ быть проникнутъ тѣми высокими гуманными чувствами, которыми мы имѣемъ счастіе гордиться. Поэтому легко можетъ быть, что солдату было досадно, зачѣмъ это въ самомъ дѣлѣ пустилъ онъ подбирать щепки старуху, которая въ эту ночь съ сиротами чуть не была затоплена водой, появившейся въ ея подвалѣ. Это предположеніе тѣмъ правдоподобнѣе, что и самъ солдатъ со своимъ большимъ семействомъ сидѣлъ наканунѣ всю ночь на печкѣ отъ прилива воды въ его комнатѣ.

Десятникъ Семенъ не обратилъ вниманія на

слова солдата и продолжалъ теребить за волосы дѣвочку,

— Брось! выходя изъ себя, крикнулъ старикъ солдатъ.

— Приказано! лаконически выговорилъ десятникъ.

— Мало ли, что приказываютъ! Имъ хорошо; они всю ночь спали, а мы съ ней дрогли отъ холода и страха, что совсѣмъ затопитъ насъ.

— Туда и дорога! Кабы всѣ нищіе захлебнулись въ своихъ конурахъ, такъ меньше бы воровства было въ Петербургѣ, веселымъ тономъ отвѣчалъ десятникъ.

Солдатъ весь затрясся и, вырвавъ изъ рукъ его дѣвочку, заслонилъ ее собой.

— Да что ты фордыбачишься-то? вспыливъ заоралъ десятникъ. — Я и тебя самого въ шею: приказано гнать тебя отсюда!

— Ахъ ты продажная душа! Велика важность богатому пустить по міру бѣднаго человѣка! Тыто что зубы скалишь? Въ золотѣ, что ли, родился, что чужому горю радъ? Ну, пусть ее гонитъ меня вонъ! Я не воръ, а что щепокъ далъ бѣдной старухѣ — погрѣть ей своихъ внучатъ, это не Богъ знаетъ какая вина!... На.... давись этими щепками! злобно пихнувъ ногой корзину, крикнулъ солдатъ, все болѣе и болѣе приходя въ ярость, и обратясь къ старухѣ и дѣтямъ, горько заливавшимся слезами, продолжалъ съ ироніею: — иди-

ка, бабушка, съ пострѣлятами-то домой, да молись, чтобы нынѣшнюю ночь васъ совсѣмъ затопило: ишь мы мѣшаемъ жить господамъ да эдакимъ разбойникамъ

И солдатъ, плюнувъ въ ноги десятнику, пошелъ скоро за лѣса, а десятникъ кричалъ ему вслѣдъ:

— Экъ расходился, старая, гарнизонная крыса!

Нищіе побѣжали безъ оглядки къ Коломнѣ, воображая, что уже окончилось ихъ наказаніе за графскія щепки. Но гигантъ лакей въ штиблетахъ слѣдилъ всегда въ щелку забора за своей госпожой и потому, какъ и она, возмутился противъ такой ужасной кражи. Онъ впрочемъ имѣлъ еще особое право наказать воровъ, потому что этими щепками графиня приказала отапливать лакейскія комнаты. Впрочемъ, я долженъ оговориться: можетъ быть, какой нибудь желчный читатель припишетъ характеру графини эти черты жестокости, — онъ ошибется. Я обязанъ заявить, что каждую недѣлю разъ, у графскихъ воротъ стояла толпа салопницъ, каторымъ выдавалось по копѣйкѣ, такъ что каждый прохожій могъ легко убѣдиться въ сострадательности и щедрости графини къ бѣднымъ. Итакъ, лакей въ штиблетахъ, при выходѣ дѣтей и старухи изъ калитки, схватилъ за волосы двухъ дѣвочекъ и таская, ихъ, приговаривалъ смѣясь:—не воруйте, не воруйте, канальи!

Дѣтскіе вопли смѣшались съ наглымъ смѣхомъ кучера въ бобрахъ, съ ватнымъ животомъ и накладной черной бородкой.

Старуха съ воемъ защищала своихъ внучатъ, но ливрейный лакей такъ ткнулъ въ зубы дерзкую старуху, схватившую его за воротникъ, на которомъ красовались графскіе гербы, что кровь показалась на ея подбородкѣ.

Нѣсколько прохожихъ остановилось посмотрѣть на эту занимательную сцену, и такъ какъ герой былъ такого высокаго званія въ сравненіи съ ними, то они не вступались за дѣтей. Какой-то чиновникъ невзрачнаго вида и очень пожилой рѣшился вступить въ борьбу съ ливрейнымъ аристократомъ. Онъ потребовалъ, чтобы лакей выпустилъ волосы дѣтей; но тотъ на зло еще съ большимъ рвеніемъ началъ таскать ихъ; тогда чиновникъ ударилъ по рукѣ лакея, такъ что тотъ, въ изумленіи отъ такой дерзости съ нимъ, почувствовалъ робость и выпустилъ дѣтей, которыя со старухой пустились бѣжать, точно испуганные зайцы.

— Какъ вы смѣете драться? заоралъ опомнившійся отъ недоумѣнія лакей на чиновника; тотъ не успѣлъ отвѣтить ему, какъ кучеръ крикнулъ лакею:

— Что смотришь? валяй его, мазурика!

Это восклицаніе какъ бы вызвало всю гордость ливрейнаго аристократа: онъ бросился на удаляв-

шагося чиновника и ударилъ его въ спину, такъ что тотъ упалъ и стукнулся еще головой о заборъ.

Въ эту самую секунду вышла изъ калитки графиня въ сопровожденіи сладенькаго архитектора и дюжаго десятника. Гигантъ-лакей, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ и съ лакейской почтительной ловкостью, подсадилъ графиню въ экипажъ и какъ-то особенно проворно вскочилъ на козлы. Но какой-то молодой человѣкъ, бѣжавшій чрезъ улицу, схватилъ за поводъ лошадей, крича толпѣ: — держите, держите!

Сладенькій архитекторъ бросился къ молодому человѣку и схватилъ его за руку; лошади взвились на дыбы и помчались по улицѣ.

Все это совершилось такъ быстро, что графиня приписала всю эту сцену пьяному чиновнику, лежавшему у ея забора, и его товарищу, тоже спозаранку напившемуся и лѣзущему на лошадей. Она даже съ ужасомъ подумала: какъ такія дамы, какъ она, должны быть свидѣтельницами такихъ грязныхъ сценъ во время своихъ прогулокъ.

Сладенькій архитекторъ преобразился, когда сталъ допрашивать молодаго человѣка: кто онъ такой и какъ смѣлъ останавливать экипажъ?

— Вы знаете ли, милостивый государь что вы дорого поплатитесь за вашу дерзость?

— Съ моей стороны нѣтъ никакой дерзости въ желаніи стащить мерзавца съ козелъ. Вы не ви-

дали, что онъ чуть не убилъ человѣка за то, что тотъ не далъ ему тиранить дѣтей. Жаль, что я былъ далеко, а то бы я справился съ нимъ.

Молодой человѣкъ говорилъ съ сильнымъ жаромъ и запыхавшись еще отъ бѣжанья. Онъ кинулся приподнять чиновника, который очнулся и со стономъ привсталъ съ земли.

— Да вы знаете ли, кто была эта дама? идя за молодымъ человѣкомъ, грозно кричалъ сладенькій архитекторъ.

— Кто бы она ни была, ей не дѣлаетъ чести — выѣзжать съ такими разбойниками.

Архитекторъ оторопѣлъ на минуту отъ дерзкаго отвѣта молодаго человѣка. Но, оправясь, приказалъ дюжему десятнику разогнать палкой толпу, собравшуюся около зашибеннаго чиновника.

Десятникъ только взмахнулъ палкой, какъ толпа отхлынула вразсыпную и издали ждала, чѣмъ окончится сцена.

— Извольте сказать вашу фамилію и адресъ; вы будете отвѣчать самому графу Пыжинскому за вашу дерзость.... Вы чуть не испугали его супругу.

— Ради Христа, не губите его; простите ему, онъ погорячился, я никакихъ не имѣю претензій на графскаго лакея! слабымъ голосомъ сказалъ зашибенный чиновникъ и, торопливо уходя, прибавилъ тихо своему защитнику: — идите скорѣе

домой, не губите меня: я вѣдь служу подъ начальствомъ графа. —

И чиновникъ пошелъ, придерживаясь за заборъ.

Молодой человѣкъ замѣтно сконфузился и ничего не сказалъ на грубости сладенькаго архитектора, который приставалъ къ нему, чтобы онъ извинился въ своей дерзости, и въ смущеніи удалился.

Сладенькій архитекторъ за графскимъ обѣдомъ разсказалъ происшествіе съ молодымъ человѣкомъ и чиновникомъ такъ, что графъ долженъ былъ благодарить его за геройскую неустрашимость, съ которою онъ защитилъ графиню отъ пьяныхъ чиновниковъ, хотѣвшихъ что нибудь получить, бросившись подъ лошадей его супруги.

Вечеромъ въ этотъ же день, въ одной изъ княжескихъ швейцарскихъ, гигантъ въ штиблетахъ съ эффектомъ передавалъ ливрейному кружку, какъ онъ ловко избилъ чиновника.

Кучеръ графини эту же исторію повѣствовалъ съ своихъ козелъ другимъ кучерамъ съ подвязанными крашеными бородами и ватными животами, и морилъ ихъ со смѣху своими остротами.

ГЛАВА VI.

Читатель слишкомъ строгихъ убѣжденій можетъ, пожалуй, обвинить молодаго человѣка въ

трусости. Но я долженъ защитить его, потому что этотъ молодой человѣкъ будетъ не послѣднимъ лицомъ въ моемъ романѣ.

Я желалъ бы знать, что сдѣлалъ бы самый неустрашимый, но ничѣмъ не вооруженный человѣкъ, встрѣтясь въ лѣсу съ медвѣдемъ? Неужели его можно было бы заподозрить въ трусости, если бы онъ нашелъ средство уйти отъ звѣря и не воспользовался имъ. А молодой человѣкъ находился точно въ такомъ положеніи, только не пасть медвѣдя грозила ему, а перспектива голодной нищеты для бѣднаго чиновника, котораго легко могли лишить мѣста за неумѣстное къ нему состраданіе посторонняго человѣка. Да и онъ самъ находился въ такомъ незавидномъ положеніи, что пустая исторія съ важной особой могла окончательно погубить всю его будущность. Вѣдь онъ принадлежалъ къ числу муравьевъ, бѣгущихъ по городу; ихъ раздавить очень легко; только попадись они подъ ногу сильнымъ людямъ.

Читателю уже нѣсколько знакомъ молодой человѣкъ; это тотъ самый Дмитрій Степанычъ Карсановъ, который далъ слово Аннѣ Ларіоновнѣ, при ея отъѣздѣ изъ деревни, что онъ пріѣдетъ въ Петербургъ. Какъ видите, онъ сдержалъ свое обѣщаніе.

Карсановъ явился въ Петербургъ съ ничтожными средствами, съ громадными замыслами и надеждами. Само собою разумѣется, что замыс-

лы и надежды быстро разлетѣлись въ прахъ, деньги столько же быстро всѣ вышли, и Карсановъ, какъ и слѣдовало ожидать, очень скоро познакомился со всѣми ужасами столичной нищеты. Въ виду всѣхъ приманокъ и соблазновъ самой утонченной роскоши, въ самомъ центрѣ всѣхъ удобствъ цивилизованной жизни, онъ нежданно-негаданно очутился вдругъ членомъ того варварскаго общества людей, для которыхъ въ Петербургѣ строятъ вонючія и сырыя квартиры, продаютъ тухлую провизію и которыхъ вдобавокъ обкрадываютъ въ темныхъ переулкахъ, когда они пѣшкомъ возвращаются домой по своимъ конурамъ, не имѣя денегъ, чтобы нанимать извощиковъ.

У меня всегда сжимается сердце при видѣ въ Петербургѣ бѣдныхъ молодыхъ людей, въ родѣ Карсанова. Они такъ смѣло смотрятъ въ жизненную даль, такъ вѣрятъ въ себя, такъ исполнены самыхъ радужныхъ надеждъ. Въ нихъ кипятъ молодыя силы, ихъ возмущаетъ людская несправедливость, они готовы на всякую борьбу, на всякія жертвы для торжества своихъ убѣжденій, для торжества добра и правды. Но что ожидаетъ ихъ въ будущемъ? Бѣдняки не будутъ имѣть даже грустнаго утѣшенія пасть со славою въ борьбѣ за добро. Нѣтъ, ихъ ждетъ другой путь — путь безсильныхъ враговъ-борцовъ, но за то усыпанный мелкими стеклами, изрытый ямами, устав-

ленный капканами, богатый разными слѣпнями, осами, змѣями и всякими гадами. Это путь мелкихъ оскорбленій, ничтожныхъ, но безпрерывныхъ преградъ, опасныхъ, но невидимыхъ уязвленій въ пяту. Отъ одного изъ этихъ уязвленій долженъ погибнуть бѣдный путникъ, если захочетъ мужественно продолжать свой путь. Но немногіе и на это рѣшаются. Большая часть, едва успѣвши выползть изъ двухъ-трехъ ямъ и освободиться изъ одного капкана, ослабѣваетъ и ложится на дорогѣ, выбравши мѣсто помягче, то есть погрязнѣе, и нарочно наконецъ падаетъ въ какую нибудь вонючую яму и сживается съ обитающими тамъ гадами. Бѣдные молодые люди! Гдѣ ваши чистыя идеи, гдѣ ваши человѣчныя стремленія? Ужь лучше бы вамъ умереть поскорѣе отъ змѣинаго жала, нежели горѣть безпрестанно отъ жала какихъ нибудь осъ и шмелей, не дающихъ вамъ ни минуты покоя.

И вѣдь какъ удивительно-премудры, какъ послѣдовательны въ своей суровости выходятъ всѣ распоряженія враждебной судьбы! Этотъ путь съ битыми стеклами, ядовитыми насѣкомыми и гадами, достается проходить всегда именно тѣмъ людямъ, которые и босы, и наги, и ничѣмъ не могутъ прикрыть и защитить себя. Богачу и сильному всегда открыта широкая, торная дорога, но и по той еще нейдетъ онъ, предпочитая сидѣть сложа руки и заставлять нести или везти себя,

куда нужно. А бѣдняки, беззащитные, слабые— такъ и рвутся на дѣло, такъ и стремятся на этотъ путь, на которомъ ихъ ждутъ всевозможныя лишенія, опасности, обиды и страданія!.. Что же влечетъ ихъ? Ужели одно безразсудство и безпокойство характера? Не святыня ли человѣчной правды, не сила ли любви къ добру, еще не зарытая житейскимъ мусоромъ, руководитъ ихъ живыми, благородными порывами?

Карсановъ именно принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ натуръ, которыя напоминаютъ собой самородный ключъ; какъ ни стараются засыпать его всякимъ мусоромъ, а онъ, какъ бы на зло, бьетъ еще чище и сильнѣе. Всѣ обстоятельства въ жизни Карсанова, съ самаго дѣтства его, клонились къ тому, чтобы онъ сдѣлался невѣжественнымъ и грубымъ пошлякомъ, неразборчивымъ въ пріобрѣтеніи средствъ къ удобствамъ жизни, а вышло совершенно наоборотъ. Карсановъ почти исключительно самъ себѣ обязанъ былъ своимъ развитіемъ и образованіемъ. Бѣдные родители оставили его безпомощнымъ сиротой на одиннадцатомъ году. Единственный родственикъ его—дѣдушка, деревенскій священникъ, призрѣлъ его и, какъ могъ, давалъ ему воспитаніе. Любознательная натура мальчика побѣждала всѣ препятствія къ образованію; такъ что Карсановъ на восьмнадцатомъ году чуть не пѣшкомъ пришелъ въ Москву и выдержалъ экзаменъ въ университетѣ. Дѣдуш-

ка помогалъ деньгами своему внуку; но эта помощь была очень скудна, и Карсановъ занимался уроками. Его студенческая труженическая жизнь не убила въ немъ юношеской свѣтлой вѣры въ достоинство человѣка и въ торжество истины въ мірѣ. Около Карсанова составился кружокъ подобныхъ ему честныхъ, пылкихъ душою товарищей, и въ скоромъ времени въ этомъ кружкѣ закипѣла дѣятельная жизнь мысли. Европейскіе мыслители были ихъ заочными наставниками; такъ что этотъ маленькій кружокъ молодыхъ людей сдѣлался какимъ-то изолированнымъ міркомъ въ русскомъ обществѣ. Но молодые люди не замѣчали своего одиночества и уже мечтали, что человѣчный взглядъ на жизнь очень легко примѣнимъ къ окружающему ихъ обществу и, съ экзальтаціею фанатиковъ, готовы были ринуться на борьбу не только съ обществомъ, но со всѣми нечеловѣческими понятіями о вещахъ и отношеніяхъ людей другъ къ другу. Они не замѣчали, какъ далеко осталась за ними обычная жизнь общества, и какъ они мало имѣютъ съ нею общаго. Они, въ своей экзальтаціи, очень походили на людей, которые усѣлись на берегу моря въ лодку, распустили паруса и, любуясь величественной картиной безбрежной дали, закатомъ солнца, убаюканные мѣрными волнами, плывутъ все дальше, не замѣчая, что ихъ уже раздѣлило страшное пространство и что ихъ голоса не достигнутъ до берега.

Карсановъ жилъ въ гармоніи съ своими убѣжденіями гораздо болѣе, чѣмъ его товарищи, потому что какъ ни печально и ни невѣжественно было общество, въ которомъ онъ родился и воспитывался, но все-таки оно не могло имѣть на него того растлѣвающаго вліянія, какое производится богатствомъ и барствомъ. Онъ привыкъ къ мысли о трудѣ, о добываніи себѣ средствъ жизни собственными руками; вслѣдствіе этого онъ всегда старался сдѣлать себя годнымъ на что нибудь, не тратить даромъ своего времени, не обольщаться всякимъ блестящимъ вздоромъ и отдавать себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ. А между его товарищами было не мало такихъ, которые прекрасно понимали и сами провозглашали либеральныя идеи, но никогда не могли почувствовать глубокаго уваженія къ труду и горькаго отвращенія къ жизни на чужой счетъ, никогда не могли провести разумнаго взгляда въ своихъ житейскихъ отношеніяхъ. И это было въ нихъ совершенно понятно: они жили на всемъ готовомъ, они родились для наслажденія жизнію, и дѣйствительно наслаждались—и поэзіею, и высокими чувствами, и восторженными юношескими фразами, точно такъ же, какъ оперой, изящнымъ обѣдомъ, шампанскимъ и красиво-повязаннымъ галстухомъ. Карсановъ даже не понималъ этого дилетантизма въ убѣжденіяхъ: но вѣдь онъ, бѣдняжка, точно такъ же не понималъ и гастрономическихъ тонкостей.

Карсановъ избралъ литературную дѣятельность и жаждалъ трудиться честно для общественной пользы; но пріѣхавъ въ Петербургъ и отыскивая себѣ работу, онъ успѣлъ потерять много юношеской самоувѣренности и похоронить много не разцвѣтшихъ фантазій, прежде чѣмъ успѣлъ что нибудь устроить для себя. Онъ приходилъ въ ужасъ, знакомясь все ближе и ближе съ этимъ обществомъ и съ его убійственнымъ равнодушіемъ и лицемѣрнымъ участіемъ къ страданіямъ ближняго. Раздражительность, эта болѣзнь безсилія, стала закрадываться въ душу молодаго человѣка и разрушать его здоровье.

Впрочемъ, надо сознаться, что Карсановъ дѣлалъ все, чтобы примириться съ Петербургомъ. Онъ очень снисходительно смотрѣлъ на свою холодную квартиру, на скудный обѣдъ, даже не жаловался полиціи, когда съ него однажды вечеромъ сняли шинель, очень близко отъ будки. Сдѣлавшись боленъ, Карсановъ довѣрчиво обратился къ человѣколюбивымъ знаменитымъ докторамъ, которые безплатно лѣчатъ бѣдныхъ больныхъ, и не очень досадывалъ на то, что ему пришлось заплатить лакею за входъ къ человѣколюбивому доктору, потомъ получить одинъ изъ тѣхъ совѣтовъ, которые такъ же удобоисполнимы для бѣднаго больнаго, какъ бы напримѣръ для безногаго ежедневныя аккуратныя прогулки пѣшкомъ. Прибѣгалъ онъ, въ своемъ наивномъ опти-

мизмѣ и къ благотворительной аптекѣ, и только головою качалъ, узнавши, какимъ формальностямъ долженъ подвергнуться больной, прежде чѣмъ получитъ грошовое лекарство. Пытался онъ даже купить себѣ дешевое и крѣпкое платье въ магазинѣ, который благородными лицами былъ устроенъ исключительно для бѣдныхъ жителей Петербурга; но и эта попытка оказалась неудачною, и даже нѣсколько раздражила его. Конечно, Карсановъ примирился бы съ Петербургомъ и его чувствительными жителями, еслибы посѣщалъ благотворительные балы, на которыхъ такъ усердно выплясываетъ нарядное общество въ пользу бѣдныхъ и сиротъ, и навѣрное прослезился бы отъ умиленія, увидавъ трогательную картину, какъ лучшее петербургское общество, рыдая, провожаетъ до самой могилы иностранную артистку. Но ужь ему было не до того. Больше всѣхъ матеріальныхъ неудачъ раздражило его сердечное горе, виною котораго была Абрютина.

Карсановъ, тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, хотѣлъ увидѣть Анну Ларіоновну; но Абрютина не допустила его видѣть любимую имъ дѣвушку, и сама приняла его такъ грубо, что молодой человѣкъ чуть не задохнулся отъ негодованія и отчаянія. Получивъ формалный отказъ отъ дома, изъ устъ самой Абрютиной, Карсановъ рѣшился писать Аннѣ Ларіоновнѣ и въ своемъ письмѣ съ увлеченіемъ доказывалъ дѣвушкѣ, какъ унизительно

находиться подъ деспотическою властью невѣжественной старухи, и давалъ ей благородные, смѣлые совѣты, какъ вести себя въ этомъ случаѣ съ теткой. Въ каждомъ словѣ Карсанова проглядывали горячіе, но сдержанные порывы страсти и искреннее участіе къ беззащитному положенію Анны Ларіоновны.

Письмо его навѣрное не дошло бы до Анны Ларіоновны, если бы не явилось случайно благодѣтельное лицо: это лицо была судомойка въ домѣ Абрютиной, которой Карсановъ привезъ письмо отъ родныхъ изъ деревни Ларіона Петровича и изъ Москвы отъ ея сына. По письмамъ ли своихъ родныхъ, или по слишкомъ усерднымъ разспросамъ Карсанова о барышнѣ, но только эта женщина догадалась о чувствахъ его къ Аннѣ Ларіоновнѣ и захотѣла отблагодарить молодаго барина за денежную помощь, оказанную имъ ея сыну. Она сама вызвалась доставить отъ Карсанова письмо барышнѣ, объявивши ему, что посылать письмо прямо на имя Анны Ларіоновны — безполезно, такъ какъ Абрютина всегда прежде читаетъ ихъ сама, а потомъ отдаетъ своей племянницѣ тѣ письма, которыя заблагоразсудитъ: Карсановъ, разумѣется, былъ радъ такому случаю и просилъ судомойку передать письмо Аннѣ Ларіоновнѣ. Но не скоро онъ могъ получить отвѣтъ на свое письмо. Испуганная тетка услала племянницу гостить въ Царское село, замѣтивъ видно,

что Карсановъ, не смотря на грубый ея пріемъ, бродилъ по цѣлымъ днямъ около дома, въ надеждѣ увидѣть Анну Ларіоновну. Впрочемъ она напрасно безпокоилась: онъ вскорѣ простудился, будучи вечеромъ лишенъ шинели въ темномъ переулкѣ, и слегъ въ постель. Проводя цѣлые дни одинъ, въ мрачной комнатѣ, тратя послѣдніе рубли, а еще не имѣя работы, онъ выстрадалъ много въ это время.... Но вотъ радостно сіяетъ его лицо, рука дрожитъ отъ двойной лихорадки, когда онъ распечатываетъ письмо, писанное знакомымъ ему почеркомъ, который онъ помнитъ еще въ видѣ огромныхъ буквъ, въ ученическихъ тетрадяхъ....

«Какъ вы меня обрадовали вашимъ письмомъ, писала Анюта. — Но когда я его прочла, то страшно на васъ разсердилась. За что вы меня браните? я развѣ хозяйка въ домѣ?... Когда меня услали въ Царское Село, то я даже не знала, что вы здѣсь.... Чѣмъ бы пожалѣть меня, а вы все твердите мнѣ: въ какомъ я нахожусь униженіи! Какъ будто я сама не вижу этого?... я пробовала воевать еще до васъ съ моей теткой; писала къ отцу, что бы онъ взялъ меня назадъ, ну что же вышло?... мнѣ сдѣлали строжайшій выговоръ и запретили думать, что у меня есть отецъ и домъ. За васъ я хорошо наплакалась.... Моя тетушка пришла въ ужасъ отъ моей смѣлости и доказывала мнѣ, что если бы она допустила недворянина

быть въ моемъ обществѣ и въ ея домѣ, то за такой тяжкій проступокъ передъ нарушеніемъ своихъ обязанностей она должна была бы дать отчетъ Богу и моей покойницѣ матери. Меня держатъ здѣсь, какъ дѣвочку, а иногда считаютъ за сумасшедшую.... Если бы вы знали, какъ всѣ возстали на меня, когда я не хотѣла цаловать руки у противнаго старика, который бываетъ у тетушки всякій день! При его появленіи всѣ гости, родные встаютъ на вытяжку и уходятъ вонъ точно не смѣя быть съ нимъ въ одной комнатѣ. У этого старика цалуютъ руку всѣ мои кузины, ихъ мужья и дѣти, даже дальніе родственники моей тетушки. Можете вообразить, какъ было принято мое упрямство! мучили меня такъ, что я стала тоже цаловать его руку, чтобы болѣе не слыхать наставленій и упрековъ. Я знаю, вы придете въ ужасъ отъ такой слабости характера! Но что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ, если бы васъ засадили въ маленькую комнату, ни читать, ни говорить, ни какихъ развлеченій? Бѣжать мнѣ? но куда, и къ кому? Въ цѣломъ свѣтѣ у меня нѣтъ никого, кто бы любилъ меня и защитилъ.... Вы вотъ мужчина, дѣлаете что хотите, а жалуетесь на свою участь. Нѣтъ; что бы вы сказали тогда, какъ бы васъ съ утра до ночи душили разными поученіями: какъ должно барышнѣ держать себя; затянули бы въ корсетъ, и не дозволяли бы на минуту снять перчатки? Какъ-то бы вы тогда заговори-

ли?... Вы не горюйте, что мы теперь не видимся; когда я буду выѣзжать, то мы будемъ встрѣчаться въ театрахъ, на балахъ. Учитесь же танцовать скорѣе. Я съ вами всегда буду танцовать мазурку.... Нельзя же будетъ тетушкѣ отдать отчетъ Богу, что я не съ дворяниномъ протанцовала кадриль или мазурку. Вы не думайте, чтобы обо мнѣ не заботилась моя тетушка: учителя каждый день бываютъ у меня, а для практики языка взяли въ домъ преболтливую старуху француженку. О моей красотѣ тетушка также очень заботится и бываетъ довольна, если кто меня похвалитъ. Но все-таки у меня не лежитъ къ ней сердце, я ее боюсь даже и тогда, какъ она меня ласкаетъ. Впрочемъ, здѣсь все престранно. Тетушка страшно скупа, а тратится на меня; дочерей своихъ обожаетъ на словахъ, а между тѣмъ постоянно съ кѣмъ нибудь изъ нихъ въ ссорѣ. Молится, говоритъ такъ ласково; а съ людьми своими презлая.... Я страшно боюсь, чтобы она не узнала о нашей перепискѣ; я упрашивала Марѳу ни за что не признаваться, что она мнѣ принесла письмо, если узнаетъ тетушка. Я умру, а ужь ни за что не скажу, что это она передала мнѣ ваше письмо.... Надо быть очень осторожными намъ; ко мнѣ приставлена шпіонка всего дома.... Ну, возможно ли такой богомолкѣ, какъ моя тетушка, держать шпіоновъ у себя въ домѣ? А все твердитъ о строгой нравственности. Прощайте, не браните

больше; право, мнѣ и такъ грустно. Пишите мнѣ лучше, гдѣ вы бываете въ Петербургѣ, кого видите? Если бы я была такъ свободна, какъ вы, я бы не скучала, а гуляла бы и ѣздила бы въ театры. Мнѣ кажется, въ Петербургѣ весело жить! Вы ужь такой сердитый стали; вамъ все дурно: зачѣмъ много бѣдныхъ въ городѣ, много злыхъ въ обществѣ!... Что же дѣлать: вы вѣдь не можете помочь всѣмъ бѣднымъ и исправить всѣхъ злыхъ? Значитъ, нечего вамъ тосковать: а веселитесь, и описывайте мнѣ все, что вы увидите. Я почти заключенная, но меня обѣщаютъ скоро вывозить. Находятъ, что я еще очень дика и мало похожу на куклу»....

Анна Ларіоновна писала свои письма съ дѣтскою откровенностью и была болтлива, потому что она въ нихъ находила удовольствіе вспоминать свое житье въ деревнѣ. Сколько ею было вызвано дѣтскихъ воспоминаній, въ продолженіе переписки съ Карсановымъ. «Что теперь моя няня дѣлаетъ?... писала она въ одномъ изъ своихъ писемъ: — на кого она теперь ворчитъ? я увѣрена, что Дуняша сдѣлалась ея фавориткою. Она всегда любила ее, но не хотѣла показывать этого ей. Какая добрая моя няня! Я только теперь вижу, какъ она меня любила. Я была бы счастливѣе всѣхъ на свѣтѣ, если бы вдругъ мы съ вами очутились въ деревнѣ, въ моей комнатѣ, а Пала-

гея бы ворчала на меня съ утра до ночи. Помните ли, какъ мы хитрили, чтобы тихонько отъ нея уѣхать кататься на саняхъ? Заставили Дуняшу кричать, что у ней болитъ желудокъ, Палагея всполошилась, а мы и улизнули. За то такъ и перетрусились, когда насъ понесла лошадь, и мы, выпавъ изъ саней, прибѣжали испуганные домой. Палагея же насъ отогрѣла, успокоила и послала тихонько искать лошадь, чтобы не узналъ отецъ и мать о моей малости.... Какая я была глупая, что радостно думала о той минутѣ, когда уѣду въ Петербургъ. Тогда я дѣлала, что хотѣла; а теперь, какъ получу ваше письмо, сердце замретъ, и не знаю, какъ бы мнѣ скорѣе остаться одной, прочитать его скорѣе. Иногда расплачусь, читая, и почти всегда сержусь на васъ, что вы мало пишете.»

Если для Анны Ларіоновны была необходима искренняя бесѣда съ Карсановымъ, то можно себѣ вообразить, какъ ему была драгоцѣнна каждая строчка отъ дѣвушки, къ которой онъ съ каждымъ днемъ чувствовалъ все сильнѣйшую любовь. Карсановъ очень хорошо понималъ свое безразсудство; но что можетъ сдѣлать человѣкъ съ своимъ сердцемъ, если оно переполнится любовью? Когда разсудокъ бралъ верхъ надъ сердцемъ, тогда Карсановъ считалъ нелѣпостью свои мечты о взаимной любви. Ему было даже смѣшно, какъ онъ могъ воображать себя женихомъ

такой красивой, избалованной барышни? И что онъ за мужъ? самому еще ѣсть нечего!... Все это прекрасно сознавалъ Карсановъ сначала, но потомъ разсудокъ замолкалъ, горячее сердце билось, замирало, когда онъ писалъ къ Аннѣ Ларіоновнѣ.... и въ какомъ-то почти бреду онъ написалъ страстное, отчаянное объясненіе въ любви. Ожидая отвѣта, Карсановъ истерзался; онъ былъ мученикъ: раскаяніе, надежды, страхъ ни на секунду не давали ему покоя. Наконецъ, и отвѣтъ пришелъ!

Анна Ларіоновна писала Карсанову:

«Я никакъ не ожидала именно отъ васъ получить такое письмо. Вы просто въ бреду.... Что это съ вами сдѣлалось?... Я наплакалась до головной боли... Вы меня любите, пишете вы; нѣтъ, если бы вы меня любили, то никогда бы не написали мнѣ такого письма; что мнѣ теперь дѣлать?... Я вся дрожу отъ страха.... И придетъ же вамъ въ голову такъ пугать меня; знаете, что я не могу васъ видѣть, сказать вамъ слово, а вы все-таки готовы застрѣлиться, бросить меня. Я васъ любила и буду любить, но право, быть вашей женой не думала и не могу. Да вы подумайте сами, какая я жена для такого умнаго и серьёзнаго человѣка, какъ вы? и воспитана ли я такъ, чтобы переносить терпѣливо бѣдность? Если вы любите меня, то сами должны были бы меня вразумить, что я никуда негодная барышня,

что мнѣ надо нѣсколько лѣтъ отвыкать отъ моихъ дурныхъ привычекъ, въ которыхъ я впрочемъ невиновата: меня такъ воспитывали!... Я рѣшительно ни въ кого не влюблена, и вижу мало мужчинъ. Да и всѣ такіе смѣшные, и самодовольные, я ни за кого изъ нихъ не пойду замужъ.... Я какъ прочла ваше письмо, то такъ перепугалась, что чуть было не надѣлала страшныхъ вещей.... Я хотѣла съ Марѳой ѣхать къ вамъ, даже вынула салопъ, да вошла шпіонка; вѣрно изъ своей комнаты услыхала, что я, какъ угорѣлая, бѣгаю по комнатѣ.... Я разсудила, что сдѣлаю страшный скандалъ въ домѣ, если мнѣ удастся убѣжать, да и что я вамъ скажу?... Очень нужно вамъ отъ меня лично услыхать, что я не могу быть вашей женой.... Я такая несчастная, что даже тотъ, на кого я надѣялась, къ кому могла бы прибѣгнуть за совѣтомъ, и тотъ меня броситъ!... Я знаю, вы далеко уѣдете изъ Петербурга.... Я сойду съ ума, если вы это сдѣлаете. Вы пишете, что я отличная и добрая. Право, нѣтъ, я капризна, вѣтрена; я люблю наряды.... я убѣждена, что я всякаго сдѣлаю несчастнымъ и потому никогда, никогда не пойду замужъ! А если меня станутъ принуждать, я убѣгу и — къ вамъ!... куда же мнѣ будетъ дѣться?... Мы будемъ жить вмѣстѣ, гдѣ нибудь далеко отъ Петербурга. Мы не будемъ обращать вниманія на сплетни; совѣсть наша будетъ чиста, что намъ

за дѣло до предразсудковъ. Да мы можемъ и уѣхать за границу. Я буду ходить въ консерваторію, поступлю пѣвицей на сцену.... Ахъ какія глупости я пишу; но я одурѣла совсѣмъ. Дайте мнѣ вашу руку; я все забыла и не сержусь на васъ; только не бросайте меня и не горюйте! Вы для меня все тотъ же Митя, въ курточкѣ, который лазилъ для меня на яблони, чтобы сорвать мнѣ самое красное яблоко. Когда вы были мальчикомъ, вамъ было жаль меня оставлять одну и ѣхать учиться; а теперь вы думали меня оставить одну, когда у меня нѣтъ ни своего дома, ни отца, ни няни, никого, никого.... стыдно, очень стыдно!... И я васъ увѣряю, что все такъ устроится, что мы по старому заживемъ въ деревнѣ. Я завтра же начну капризничать, скандализировать свою тетушку, такъ что она сама отошлетъ меня къ отцу.... Если вы дадите мнѣ честное слово, что не бросите меня одну, я стану строго слѣдить за собой. Буду сама чесаться, одѣваться, не буду думать о нарядахъ, начну учиться хорошенько шить. За обѣдомъ буду ѣсть одно блюдо... Прощайте, пишите мнѣ какъ можно скорѣе; сейчасъ же пришлите отвѣтъ съ Марѳой. До тѣхъ поръ я не перестану плакать, пока вы не напишете мнѣ, что я ужь не такая несчастная, чтобъ меня всѣ бросили»....

По прочтеніи этого письма, какъ ни желалъ Карсановъ успокоить Анну Ларіоновну, но не

скоро могъ взяться за перо. Онъ испытывалъ то скорбное состояніе души, когда человѣкъ въ какомъ-то недоумѣніи допрашиваетъ самъ себя: что же такое жизнь, для чего она дана человѣку? Къ чему человѣкъ постоянно борется съ матеріализмомъ и стремится къ нравственному усовершенствованію? Къ чему въ немъ эта жажда чистой любви? Къ чему всѣ страданія его, если ничто недостижимо для него въ этомъ мракѣ, гдѣ люди бродятъ ощупью, падаютъ, увлекаютъ паденіемъ своимъ другихъ и уродуютъ себя до безобразія нравственно и физически?

Интересы въ жизни Карсанова были чисты и серьёзны; онъ не могъ удовлетворяться пустымъ тщеславіемъ, потому что не потворствовалъ своимъ слабостямъ и не прикрывалъ ихъ гуманными фразами; онъ не умѣлъ холить въ себѣ эгоизмъ, который даетъ полное физическое довольство и усыпляетъ совѣсть, какъ бы наркотическими средствами. Напротивъ, Карсанову казалось постоянно, что онъ полонъ разныхъ слабостей, что въ немъ слишкомъ развитъ эгоизмъ, что знанія его ничтожны и что, при всемъ его искреннемъ желаніи быть полезнымъ хоть чѣмъ нибудь для общественнаго блага, онъ ничего не дѣлаетъ. Безъ этого искренняго самоуниженія человѣкъ никогда не обходится, если онъ идетъ по прямому пути къ развитію въ себѣ истинно человѣческихъ понятій о назначеніи жизни и отношеній его къ ближнимъ.

Стоитъ только человѣку увѣрить себя, что онъ достигъ полнаго развитія своего ума и сердца, какъ поростетъ его умъ и сердце сорными травами и заглохнутъ въ немъ всѣ хорошіе посѣвы.

Карсановъ, съ уничтоженіемъ своихъ надеждъ на взаимную любовь, почувствовалъ такую тоску, такое одиночество, которое можетъ сравниться развѣ только съ чувствомъ человѣка, который одинъ уцѣлѣлъ отъ землетрясенія и бродитъ среди развалинъ, зная, что ему не вызвать изъ-подъ нихъ къ жизни близкія ему существа. Но, собравшись съ силами, онъ написалъ слѣдующее письмо:

«Прежде всего разорвите мое дерзкое письмо и забудьте навсегда, что я его писалъ къ вамъ... Сколько въ васъ состраданія! Вы еще сами напоминаете мнѣ о счастливыхъ дняхъ моей жизни!... Вы великодушно поступили, и если я еще не измѣнился въ вашихъ глазахъ, то довѣрчиво протяните мнѣ вашу руку; и я, какъ въ былые дни водилъ васъ ребенкомъ, гуляя по саду, такъ и теперь буду заботливо слѣдить за вами. Вы для меня снова то дитя, которому я съ радостью и съ гордостью мальчика оказывалъ всѣ возможныя услуги. Клянусь вамъ, что я такъ же свято буду думать о васъ, какъ и прежде. Располагайте моею жизнью, какъ вамъ вздумается. Я готовъ изъ одной вашей прихоти броситься съ моста въ рѣку, соскочить съ крыши: однимъ

словомъ, что велите, то я и сдѣлаю... Я убѣдился, что изъ меня не выйдетъ проку.... Я истомился отъ своего безсилія; я не могъ осуществить ни одного изъ своихъ задушевныхъ плановъ. Я воображалъ, что буду своимъ трудомъ приносить пользу другимъ, а вышло, что я умножилъ только число бѣдняковъ своею особою. Я потерялъ вѣру въ свои силы, и вотъ почему сказалъ, что считаю глупостью прозябать на землѣ; а вовсе не потому, чтобы пугать васъ. Это былъ бы верхъ низости съ моей стороны.... Ради Бога не плачьте; я не стою ни одной вашей слезинки.... Я чувствую, что ничѣмъ не могу быть вамъ полезенъ. Это ваша великодушная уловка! Если вы меня простили, то, сдѣлавъ доброе дѣло, продолжайте его и не наказывайте раскаявшагося и не прерывайте нашу переписку. Я сознаюсь, что самый преданный женщинѣ человѣкъ способенъ эгоистически поступить съ ней. Вы ли не поступили со мной благородно и довѣрчиво? Вы согласились писать мнѣ; а я такъ низко отплатилъ вамъ! Одурѣетъ же человѣкъ до такой степени, что какъ капризный ребенокъ захочетъ взять руками луну съ неба. Снисхожденія и снисхожденія молитъ у васъ безумный, но преданный вамъ человѣкъ.»

Карсановъ старался заглушить въ себѣ отчаяніе и любовь; онъ всю свою энергію перенесъ на работу и достигъ хоть одной цѣли: сдѣлался сотрудникомъ въ одномъ журналѣ. Дѣятель-

ность — самое вѣрное лѣкарство отъ душевныхъ болѣзней, и потому Карсановъ сталъ снова вѣровать въ свои силы и съ увлеченіемъ юности каралъ въ своихъ статьяхъ все, что было противно его чистымъ и благороднымъ убѣжденіямъ. Матеріальная сторона его жизни впрочемъ очень мало улучшилась, не смотря на неутомимый трудъ. То были другія времена, чѣмъ теперь, въ литературномъ мірѣ. Тогда бѣдный молодой человѣкъ, посвящая себя на литературное поприще, обрекалъ себя на всѣ возможныя лишенія въ жизни; нищета грозила ему въ настоящемъ и въ будущемъ и провожала его до самой могилы. Тогда въ литературѣ царила безграничная монополія. Журналисты держали себя съ своими бѣдными и нетитулованными сотрудниками, какъ держитъ себя фабрикантъ съ работниками, и такъ же думали, что они благодѣтели литераторовъ, какъ фабриканты воображаютъ, что они благотворители всего бѣднаго человѣчества, трудящагося на ихъ фабрикахъ.

Вотъ отчего Карсановъ, работая день и ночь, едва могъ существовать. Его квартира была бѣдна, въ дальней части города, и его кошелекъ вѣчно пустъ, потому что ему еще надо было оплачивать долги, которые онъ принужденъ былъ сдѣлать вскорѣ по прибытіи въ Петербургъ.

Въ продолженіи этого времени въ жизни Анны

Ларіоновны тоже произошла перемѣна. Ее стали вывозить въ полу-свѣтъ.

Изъ разговора графини съ генеральшею Рудзевичъ, читатель имѣетъ уже понятіе, какое впечатлѣніе произвела на публику Анна Ларіоновна, появившись въ театрѣ. Послѣ того въ короткое время она сдѣлалась предметомъ всеобщаго разговора въ петербургскомъ обществѣ. Она достигла высшаго счастья свѣтской женщины: при ея появленіи въ театрѣ, всѣ лорнеты изъ первыхъ рядовъ креселъ уставлялись на нее, — счастіе, котораго мучительно жаждутъ всѣ свѣтскія и полусвѣтскія дамы.

Анна Ларіоновна совершено закружилась отъ своего успѣха и погрузилась вся въ разныя свѣтскія удовольствія. Абрютина съ гордостью вывозила всюду свою племянницу и была къ ней нѣжна и добра, такъ что Анна Ларіоновна считала себя вполнѣ счастливой. Она часто по нѣскольку дней не имѣла времени отвѣтить на письмо Карсанова даже самой коротенькой записочкой. Впрочемъ, она сознавала, что дѣлаетъ дурно, и извинялась передъ нимъ.

«Вамъ извинительно веселиться и увекаться нарядами и балами — писалъ ей на это Карсановъ. — Но помните, что вы сдѣлались членомъ того общества, гдѣ цѣнятъ людей только съ деньгами, а вы бѣдны! Да и способны ли вы безусловно покоряться всѣмъ нелѣпымъ условіямъ

свѣтской жизни? Я знаю вашъ увлекающійся характеръ, и знаю также, что въ немъ есть инстинктивная жажда къ свободѣ и къ болѣе разумнымъ интересамъ въ жизни. Вы дѣтски робки при встрѣчѣ съ деспотическими натурами, но это прошло бы съ годами и вы бы освободились отъ ихъ зловреднаго вліянія.... Сохрани меня Боже, вызывать васъ на борьбу съ тупоумными предразсудками свѣтскаго общества; но только будьте осторожны и, танцуя, почаще вспоминайте, что вы бѣдная дѣвушка и что вы окружены лестью, эгоизмомъ и продажностью. Я видѣлъ васъ въ театрѣ. Какъ вы были блистательно хороши! О вашей красотѣ говорили около меня почти всѣ — и молодые, и старые. Но, любуясь вашей безпечной веселостью, я чувствовалъ глубокую тоску — что васъ ожидаетъ въ будущемъ, если ваша тетка вдругъ, по капризу, не захочетъ тратиться на вашъ туалетъ и на ваши выѣзды? Положимъ, что даже она этого никогда не сдѣлаетъ; но вы сами сдѣлаетесь равнодушны къ нарядамъ и къ балamъ. Что тогда вы будете дѣлать въ этомъ обществѣ? Вы не сердитесь на меня, если я вамъ выскажу правду: вы въ тысячу разъ были милѣе, когда ваши великолѣпные волосы были причесаны гладко, когда ваше платье было просто, а ваши взгляды дѣтски-веселы. Я знаю, что невозможно вамъ оставаться въ свѣтѣ тою же, какой вы были въ деревнѣ. Но все-таки я былъ оскорбленъ ва-

шими разсчитанными поклонами и взглядами, которыми вы награждали вашихъ поклонниковъ. Я вамъ долженъ признаться, что всѣ молодые и старые мужчины, которые увивались около васъ, мнѣ такъ не понравились, что я съ ужасомъ думалъ: неужели тутъ есть уже вашъ будущій властелинъ?!... Какъ человѣкъ свѣжій и чужой для этого общества, я былъ пораженъ тупымъ, наглымъ выраженіемъ лицъ почти у всѣхъ блестящихъ дамъ и кавалеровъ. Я сожалѣлъ, что вы обязаны проводить время въ ихъ обществѣ.... Ради Бога не растолкуйте моихъ словъ въ дурную сторону.... Танцуйте и веселитесь, и я мысленно буду тоже прыгать отъ радости, что вамъ легко живется на свѣтѣ.... Я такъ состарѣлся, что жизнь моя въ деревнѣ мнѣ кажется въ такой дали, какъ будто бы съ тѣхъ поръ прошли десятки лѣтъ.... Пишите, когда устанете танцовать и веселиться; всякое подаяніе будетъ благо для меня!... Да, я забылъ вамъ сдѣлать признаніе въ кражѣ. При выходѣ изъ театра, я, слѣдуя издали за вами, нашелъ на полу листочекъ изъ вашего букета; онъ теперь лежитъ на моемъ столѣ, и работая, я поглядываю на него и вспоминаю о вашей ослѣпительной красотѣ.»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА VII.

Вернемся назадъ, читатель, и догонимъ графиню, которая мчится по улицамъ Петербурга съ постройки своего дома. Ея кучеръ съ фальшивой бородой иватнымъ животомъ оралъ такъ дико, что въ подвалахъ у спящихъ младенцевъ навѣрно дѣлалсяотъ испуга родимчикъ. Графиня, укутанная въ бархатъ, слегка покачивалась на патентованныхъ осяхъ и эластическихъ подушкахъ своего экипажа и съ величавымъ презрѣніемъ смотрѣла на всѣхъ. Да и какъ ей не презирать толпу, бѣгущую по слякоти? она дѣлала несчастными цѣлыя семейства и обогащала французскіе магазины, по одному своему капризу.... Впрочемъ мнѣ надо предупредить читателя, что графиня вообще не любила сорить деньгами; она была одержима къ нимъ ненасытною болѣзненною жадностью, похожею на апетитъ дѣтей въ англійской болѣзни. И благосклонность судьбы и тутъ не измѣняла графинѣ: она была счастлива въ своихъ родственникахъ, такъ точно, какъ полковникъ Скалозубъ былъ счастливъ въ товарищахъ своихъ. Она по-

минутно получала наслѣдства — отъ троюродныхъ братьевъ и дядей. И все-таки жаловалась на судьбу, что она бѣдна... Впрочемъ ея жалобы совершенно понятны: какъ умная женщина, она хорошо знала, что уваженіе къ человѣку въ свѣтскомъ обществѣ соразмѣряется съ количествомъ денегъ, которыми онъ можетъ располагать для поддержанія вокругъ себя аристократической роскоши и величія.

Но пора мнѣ разсказать родословную графини. Мать графини была прежде жена квартальнаго въ одномъ изъ польскихъ мѣстечекъ. Слава о ея красотѣ и жадности къ деньгамъ была распространена даже въ Варшавѣ. Эту славу завозили пріѣзжіе богачи-паны, старые и молодые, знакомившіеся съ квартальничихой на почтовой станціи, которую содержалъ ея родственникъ. Одинъ русскій старикъ, графъ, проѣзжая въ Варшаву, такъ былъ плѣненъ квартальничихой, что цѣлую недѣлю отдыхалъ на почтовой станціи и потомъ уѣхалъ вмѣстѣ съ красавицей въ Варшаву. Года черезъ два старикъ женился на квартальничихѣ, разведя ее съ мужемъ. Родственники графа навѣрное разсчитывали на наслѣдство старика, и потому всѣ они искренно были огорчены и возмущены такимъ бракомъ. Графъ увезъ свою супругу за границу: извѣстно, что въ свѣтскомъ кругу всѣ подобные браки очищаются заграничной жизнью. Не знаю, какая произошла тамъ перемѣ-

на въ красивой квартальничихѣ: но когда она вернулась съ графомъ въ Петербургъ, то всѣ родственники, скрывъ свою злобу, признали ея права на почетное мѣсто въ свѣтѣ, тайно мечтая впрочемъ, что родное имѣніе все-таки не попадется къ ней, потому что дѣтей не могло быть у такого стараго и развратнаго графа. Квартальничиха очень скоро была причислена къ особамъ съ чувствительной кожей и съ достоинствомъ поддерживала честь, которую оказало ей свѣтское общество принятіемъ ея въ свой кругъ. Она была горда, ядовита и съ ожесточеніемъ преслѣдовала ублюдковъ, попадающихъ въ высшій кругъ. Въ нѣсколько лѣтъ она сдѣлалась неприступной аристократкой, и передъ ней стали благоговѣть даже многія изъ аристократіи. Причина этого благоговѣнія была очень естественна: свѣтскія особы не могли не придти въ нѣкотораго рода почтительное изумленіе, увидавъ, что какая нибудь квартальничиха такъ же презрительно смотритъ на всѣхъ, какъ онѣ, въ такой же роскоши и праздности проводитъ время, какъ онѣ, и даже такъ же бойко говоритъ по-французски и такія же имѣетъ нѣжныя ручки съ кровавыми ногтями, какъ и всѣ онѣ, аристократическія дамы... Совершенно сбитыя съ толку всѣми этими признаками кровнаго аристократизма, онѣ кончили тѣмъ, что преклонились предъ ненавистной квартальничихой.

Старикъ графъ былъ совершенно счастливъ,

вкушая на семидесятомъ году семейное счастіе, послѣ столькихъ лѣтъ свободныхъ наслажденій холостой жизни. Въ довершеніе своего счастія, онъ сдѣлался отцомъ. Сейчасъ, разумѣется, нашлись злые языки, ядовито упоминавшіе объ особенномъ вниманіи графини къ ея родственнику, бывшему содержателю почтовой станціи, который теперь сдѣлался уже чиновною особою, по родственному расположенію графа, и былъ самымъ приближеннымъ лицомъ къ нему, даже имѣлъ помѣщеніе возлѣ его комнатъ... Злые языки очевидно не подумали о нелѣпой несообразности ихъ предположеній съ неприступнымъ аристократизмомъ графини, которая едва словомъ удостоивала смертныхъ, неукрашенныхъ громкими титулами. И какія пустяки подали поводъ къ такимъ сплетнямъ! У графини пропали брилліанты изъ уборной; она обвиняла свою горничную-француженку, а та, по свойственной француженкамъ этого класса дерзости, объявила, что въ эту ночь черезъ уборную проходилъ мужчина къ графинѣ, и готова была доказать, кто именно былъ. Дерзость эта достойна была позорной казни, но графиня и графъ не захотѣли возиться съ иностранкою и только приняли мѣры, чтобы дерзкую француженку выпроводить изъ Россіи.... Такимъ образомъ семейное счастіе не было нарушено. Супругъ графини даже еще болѣе почувствовалъ привязанности къ ней съ рожденіемъ дочери, хотя, послѣ исторіи

съ француженкой, кое-кто и осмѣливался замѣчать подъ рукой, будто бы ребенокъ похожъ на секретаря-поляка. Впрочемъ, по всей вѣроятности, это были козни злыхъ родственниковъ, досадовавшихъ на утрату наслѣдства послѣ графа.

Маленькая графиня воспитывалась по всѣмъ правиламъ аристократизма. Кормила ее грудью француженка, няньчила нѣмка (англійскій языкъ тогда не былъ еще въ такой модѣ, какъ теперь). Мало этого, для маленькой графини были взяты двѣ дѣвочки бѣдныхъ родителей — одна русская, а другая иностранка, для того, чтобы надъ ними свѣтскій младенецъ могъ практиковаться въ своемъ аристократизмѣ. До семи лѣтъ маленькую графиню рядили въ перья, кружева, а потомъ упростили ея туалетъ до того, что на шестнадцатомъ году она ходила чуть не въ ситцевомъ платьѣ. Но за то, когда ее стали вывозить въ свѣтъ, то роскошь туалета дозволялась ей неслыханная. Она не была красива, но за то брала своей величавостью, такъ что въ свѣтѣ ее считали за красавицу. На этомъ основаніи она и ея родители ожидали, что самые первые женихи будутъ искать ея руки. Очень можетъ быть, что такъ бы и было, если бы всѣ не знали, что пока будетъ жива старая графиня, ея дочь будетъ получать очень скромное содержаніе и только одна смерть разлучитъ скрягу съ деньгами. Вслѣдствіе такихъ

соображеній, перваго сорта женихи не сватались; женихамъ же втораго сорта отказывали.

Но прошло нѣсколько лѣтъ, молодая графиня превратилась въ перезрѣлую невѣсту, и тогда благосклонно приняла сватовство, тоже очень перезрѣлаго красавца, съ блестящей карьерой. Таинственная родословная будущаго мужа не устрашила ее. Впрочемъ она смѣло могла пренебрегать этимъ обстоятельствомъ: женихъ ея, не смотря ни на что, былъ признанъ членомъ самаго высшаго круга, въ который его ввела одна старая очень богатая аристократическая дѣвица, слывшая чуть не святой. Его отношенія къ ней были окружены какою-то таинственностью и даже чудесностью. Давно уже, когда еще старуха была просто пожилою дѣвушкой, во время пребыванія ея за границей, сталъ ей являться въ сновидѣніяхъ старецъ изъ облаковъ (такъ она разсказывала), и вѣщалъ, что она предназначена къ воспитанію необыкновеннаго младенца высокаго рода. Послѣ трехъ явленій старца, въ одну бурную ночь, дѣйствительно подкинули ей младенца, одѣтаго въ батистъ и кружева, съ таинственнымъ письмомъ, въ которомъ восхвалялись ея добродѣтели и напоминались ей увѣщанія старца.... А между тѣмъ она никому не говорила о своихъ видѣніяхъ!.. Столь чудесныя обстоятельства заставили ее обратить особенное вниманіе на судьбу таинственнаго мальчика, и она поклялась отдать

всю свою жизнь на его воспитаніе. Она привезла его въ Россію, потомъ опять отвезла въ Парижъ, гдѣ поручила его образованіе отцамъ-іезуитамъ, и наконецъ имѣла утѣшеніе на старости видѣть опять своего воспитанника въ Россіи — блестящимъ свѣтстимъ кавалеромъ и полезнымъ членомъ общества.

Старая дѣвица пользовалась такимъ общественнымъ уваженіемъ и такою нравственною репутаціею, что не только одинъ, но даже десятокъ подобныхъ пріемышей не могъ бы бросить ни малѣйшей тѣни на ея дѣвственную чистоту. Притомъ всѣ обстоятельства появленія этого младенца такъ хорошо согласовались съ ея строго-нравственнымъ характеромъ, который извѣстенъ былъ всему аристократическому кругу. Она постоянно собирала набожныхъ особъ въ своемъ роскошномъ салонѣ, шила въ присутствіи ихъ изъ лоскутковъ воздухи по церквамъ и горячо разсуждала съ ними объ устройствѣ монастыря, въ которомъ могли бы укрываться отъ суеты мірской только однѣ аристократическія дѣвицы, не смѣшиваясь съ остальнымъ грѣшнымъ людомъ. Кромѣ того, она принадлежала къ числу самыхъ ревностныхъ членовъ разныхъ филантропическихъ обществъ. Ясно, что съ такими добродѣтелями не могла соединяться какая нибудь скандалезная интрига, хотя бы и въ зрѣлыхъ годахъ и даже за границей. Если кто и посмѣлъ бы заподозрить чистоту набожной дѣвы,

то конечто не свѣтское, высоко-нравственное общество, а развѣ тѣ грубыя, плеблйскія натуры, которыя не умиляются даже дѣятельностью благотворительныхъ обществъ. Но къ счастію, такіе люди не появляются въ свѣтскихъ салонахъ, а если по какимъ нибудь слу̀чайностямъ и попадутъ туда, то не смѣютъ раскрыть рта, подъ страхомъ быть изгнанными съ позоромъ. Да впрочемъ свѣтскіе салоны имѣютъ такую цивилизующую силу, что въ нихъ человѣкъ невольно проникается благоговѣніемъ къ изяществу, образованности и великолѣпію высшаго круга и начинаетъ чувствовать презрѣніе къ плебейскимъ интересамъ, которые его до сихъ поръ занимали. И въ самомъ дѣлѣ, ежели въ человѣкѣ сохранилась хоть малая искра высокихъ стремленій къ комфорту и изяществу, то какъ ему не почувствовать омерзѣнія къ запачканной и голодной толпѣ разныхъ чернорабочихъ, когда граціозная графиня или величавый князь любезно подаютъ ему руку въ своемъ блестящемъ салонѣ и милостиво забываютъ разстояніе, раздѣляющее ихъ отъ него!...

Но обратимся къ добродѣтельной дѣвѣ, покровительницѣ таинственнаго пріемыша. Богомольной дѣвицѣ очевидно неловко было всюду являться на балахъ и раутахъ съ своимъ красавцемъ-пріемышемъ, и потому она втирала его всюду въ знакомство, и особенно искала для него покровительства старыхъ дамъ, которымъ по двадцати разъ

разсказывала чудесную исторію его происхожденія.

Вѣроятно тронутыя этой исторіей, всѣ старыя важныя дамы старались покровительствовать свѣтски-образованному красавцу и очень быстро вывели его на видное мѣсто по службѣ. Пріемышъ старой дѣвицы и самъ впрочемъ былъ не лишенъ служебныхъ дарованій, и потому дѣлалъ невѣроятные скачки къ достиженію со временемъ важнаго поста.

Неусыпная заботливость благодѣтельницы не оставляла его и тогда, когда онъ занялся своимъ сватовствомъ. Дочь графа Пыжницкаго могла дать ему титулъ по смерти ея отца, а по смерти матери — огромныя богатства. Пріемышъ не замедлилъ притвориться влюбленнымъ и даже сантиментальничалъ, какъ мальчикъ, хотя ему было уже болѣе сорока лѣтъ, а его сухая, грубая натура способна была къ одной чувственности. Свадебные переговоры шли долго; каждая сторона желала выторговать поболѣе для себя. И такъ какъ невѣста своимъ родомъ дѣлала честь жениху, хотя уже и очень чиновному, то денегъ за ней дали мало, и старая дѣвица должна была отдать пріемышу всѣ свои деньги, даже тѣ, которыя назначены были для монастыря.

Многіе однако удивлялись, какъ графиня рѣшилась выдти за человѣка нетитулованнаго. Она этого конечно никогда бы не сдѣлала, если бы не

знала, что по смерти ея отца супругъ превратится въ графа и что его простая кровь совершенно измѣнится. Наука, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не открыла высокой тайны того процесса, посредствомъ котораго простая кровь превращается въ титулованную. Но мнѣ кажется, что это удивительное явленіе происходитъ мгновенно, вслѣдствіе радостнаго содроганія во всемъ организмѣ человѣка, получающаго титулъ, — въ родѣ того, какъ свертываются сливки во время грозы.... Впрочемъ оставимъ дерзкія попытки разгадать тайну природы «непостижную уму»; будемъ лучше продолжать нашъ разсказъ.

Въ Петербургѣ прибавился еще домъ съ запертыми воротами, съ подъѣздомъ, загораживающимъ на тротуарѣ дорогу проходящимъ, и съ наглымъ швейцаромъ. Молодая чета жила согласно, какъ и слѣдуетъ жить утонченно-свѣтскимъ людямъ, не смотря на то, что оба они очень хорошо знали другъ друга. Графиня долго считалась первой свѣтской дамой, роль которой вся состоитъ въ томъ, чтобы рядиться, танцовать и кокетничать. Графъ, ея супругъ, получившій этотъ титулъ со смертію своего тестя, дѣлалъ то же самое, только вдобавокъ еще интриговалъ по службѣ. Въ этихъ занятіяхъ прошло довольно времени. Но вдругъ супруги поражены были непріятнымъ открытіемъ, что они уже состарѣлись и ихъ уже смѣнило новое танцующее и интри-

гующее поколѣніе. Тогда они обратились исключительно къ пріобрѣтенію денегъ и почета, который, впрочемъ, не разлученъ съ деньгами. Имъ удалось добиться и того, и другаго; но — странная вещь — по мѣрѣ увеличенія богатства, графиня становилась все скупѣе, а графъ, съ увеличеніемъ своей важности, все болѣе снисходилъ къ лицамъ, служащимъ въ домѣ. Въ графскомъ домѣ безпрестанно устроивались свадьбы камер-динеровъ, лакеевъ, и являлись на жительство въ домъ щеголихи — ихъ жены. Графиня очень сердилась на доброту своего супруга, по которой онъ дозволяетъ браки своей челяди; но старалась сдерживать свой гнѣвъ, потому что ей самой нерѣдко приходилось пользоваться любезностью графа, когда она просила его оказать покровительство какому нибудь учителю ихъ дѣтей, или такому господину, какъ сладенькій архитекторъ. Кромѣ того, графиня очень любила вникать въ служебныя карьеры чиновниковъ своего супруга и примѣнять къ нимъ разныя хозяйственныя распоряженія. Она знала всѣхъ чиновниковъ своего мужа, и ея вниманіе производило довольно рѣшительное вліяніе даже на ихъ натуру. Такъ напримѣръ, всѣ чиновники, бывшіе въ вѣдомствѣ графа, пожирали въ невѣроятномъ количествѣ швейцарскій сыръ, производившійся въ одной изъ деревень графини, въ громадныхъ размѣрахъ. Снисходя къ ихъ сыролюбію, она сама удостои-

вала росписывать, сколько кому послать ея сыра, и по какой цѣнѣ.

Какъ водится въ свѣтскомъ кругу, у графини немного было дѣтей: всего только одна дочь. Но вдругъ Богъ благословилъ ее сыномъ; радость очень пожилыхъ супруговъ была безпредѣльна: будущее процвѣтаніе рода Пыжницкихъ было теперь обезпечено. Крестины были празднованы съ большимъ великолѣпіемъ, и графъ выказывалъ самый непритворный восторгъ. Но и тутъ людское злорѣчіе не пощадило семейной радости. Не смотря на румяны, на парикъ и на корсетъ, въ который графъ былъ затянутъ, онъ показался для многихъ слишкомъ уже дряхлымъ и изношеннымъ; о рожденіи у него сына нѣкоторые коварно говорили, какъ о чудѣ. Впрочемъ недоброжелательные люди всегда одинаковы. Еще при самомъ рожденіи графини бросали они тѣнь на супружеское счастіе ея матери; теперь ни съ того ни съ сего начали толковать о молодомъ полусвѣтскомъ чиновникѣ, служащемъ у мужа графини. Само собою разумѣется, что всѣ эти толки были сущій вздоръ, и вскорѣ они были вполнѣ опровергнуты фактами. Немного спустя послѣ рожденія сына у графини, молодой чиновникъ женился, совершенно неожиданно, на одной богатой и молоденькой провинціальной барышнѣ, и это не раздражило графиню, а напротивъ, принято было ею съ самымъ родственнымъ участіемъ, такъ что она

удостоила даже быть посаженной матерью на свадьбѣ своего чиновника. Послѣ этого, конечно, всякіе толки должны были замолкнуть.

Но добродѣтель, какъ извѣстно, всегда преслѣдуется тяжкими испытаніями въ этомъ мірѣ: клевета не переставала преслѣдовать неприступную графиню, и даже въ ту минуту, когда начинается нашъ разсказъ, ходили по городу темные слухи, что сладенькій архитекторъ, котораго мы видѣли. пользовался особеннымъ ея расположеніемъ. Эта клевета была основана на томъ, что многія казенныя работы были отданы графомъ молодому архитектору по просьбѣ супруги. Но стоило взглянуть на графиню, когда она разговаривала съ молодыми чиновниками своего мужа, чтобъ убѣдиться въ совершенной несправедливости всѣхъ толковъ. Какая благородная недоступность, какое холодное величіе выражалось во всѣхъ чертахъ лица ея, въ каждомъ ея взглядѣ, не говоря уже объ интонаціи голоса! Съ какимъ гордымъ, презрительнымъ выраженіемъ смотрѣла она на этихъ жалкихъ смертныхъ, когда встрѣчала ихъ за своимъ столомъ или въ кабинетѣ своего супруга! Мы не знаемъ, какъ она обходилась съ ними, когда они являлись къ ней по дѣламъ... Но возможно ли представить, чтобъ она, эта холодная и неприступная Діана, могла, даже и наединѣ съ ними, снизойти до какихъ нибудь

интимностей, столь обычныхъ въ низкомъ, грубомъ быту!

Вообще, всѣмъ извѣстно, какое неприступно-величавое достоинство сохраняютъ важныя свѣтскія дамы, если какъ нибудь очутятся вдругъ не въ *своемъ* обществѣ! Посмотрите, въ какомъ монументальномъ оцѣпенѣніи сидитъ аристократическое семейство, попавшее въ вагонъ или на пароходъ, вмѣстѣ съ прочей публикой. Это семейство каменѣетъ; маленькія дѣвочки превращаются въ куколъ, а ихъ родители въ величавыя статуи съ сурово-неподвижными лицами и убійственно-презрительнымъ взглядомъ. Можно сказать навѣрное, что если бы на небѣ внезапно появилось какое нибудь новое свѣтило, и тогда бы истинно-аристократическое семейство сохранило неподвижное, презрительное спокойствіе. Жаль бываетъ видѣть дѣтей въ этомъ окаменѣломъ равнодушіи: ихъ живая дѣтская натура проситъ движенія и простора, имъ хочется болтать, рѣзвиться, вертѣться на мѣстѣ или бѣгать, если можно; а они должны сдерживать всѣ свои живые порывы и насильно дѣлать себя похожими на статую. Тяжело имъ бѣднымъ сначала; но что же дѣлать? Извѣстно, что корень всякаго ученья горекъ; за то какъ сладки плоды! Какъ безмятежна и спокойна будетъ ихъ жизнь, когда они вполнѣ наконецъ усвоятъ эти величавыя манеры, это холодное презрѣніе ко всему, и замѣнятъ

всякое безпокойное чувство, всякую тревожную, волнующую мысль — горделивымъ пренебреженіемъ ко всему и привычкою держать себя по правиламъ хорошаго тона. А чтобы достигнуть этого, надо начать курсъ своего обезчувствленія съ самаго ранняго дѣтства. Иначе какъ же могли бы взрослые цѣлый вѣкъ прожить въ блестящемъ свѣтѣ, не сдѣлавъ ни одного промаха, ни разу не обнаруживъ своей человѣческой природы?

Вотъ почему полусвѣтскіе люди, старающіеся корчить изъ себя аристократовъ въ публикѣ, никакъ не могутъ вполнѣ успѣшно выдержать себя. То какое нибудь внезапное восклицаніе у нихъ вырвется, то походка вдругъ ускорится и сдѣлается неровной, то какой нибудь слишкомъ быстрый поворотъ головы измѣнитъ имъ; но всего чаще ихъ губитъ болтливость съ своими женами или дѣтьми.... Аристократическая чега не нуждается въ разговорахъ другъ съ другомъ. Взгляды на жизнь, на цѣль ея, на свои обязанности и свои отношенія къ остальному міру — у нихъ совершенно одинаковы, потому что оба они еще въ раннемъ дѣтствѣ заучили ихъ изъ программы свѣтскаго обращенія, которая, какъ извѣстно, уравниваетъ и сглаживаетъ всѣ различія чувствъ и мыслей и подводитъ ихъ подъ одну узенькую и низенькую, но изящную мѣрку хорошаго тона. О чемъ же имъ говорить? Правда, и у нихъ часто, на днѣ ихъ свѣтскаго сердца, таятся свои

волненія и страсти; но это ужь такія страсти, которыя высказываются не въ супружескомъ разговорѣ, а съ одной стороны — въ дѣвичьихъ и въ хорѣ приживалокъ, а съ другой — въ какой нибудь цыганской пирушкѣ...

Въ безмятежномъ величіи своемъ, графиня была недостижима для клетвы и, несмотря на всѣ слухи, ходившіе про нее, повсюду была встрѣчаема со всѣми знаками подобострастной преданности и уваженія. У ней были въ рукахъ деньги и могучая протекція, — а ужь и одной изъ этихъ силъ совершенно достаточно, чтобы покорить какого угодно проповѣдника либеральныхъ идей, въ модномъ фракѣ и со стеклышкомъ въ глазу ораторствующаго въ салонахъ. У графини же обѣ силы были въ обширныхъ размѣрахъ. Немудрено, что все предъ нею преклонялось и благоговѣло. А при этомъ благоговѣніи другихъ, съ какого же резона стала бы графиня мучить сама себя какими нибудь волненіями совѣсти, размышленіями о долгѣ, о своихъ ближнихъ, и т. п.? Это было бы совершенно нелѣпо съ ея стороны. Она знала и была твердо убѣждена въ томъ, что она уже самымъ существованіемъ своимъ оказываетъ благодѣяніе человѣчеству. Въ этомъ убѣжденіи она утвердилась даже безъ помощи экономистовъ, которые, какъ извѣстно, доказали уже яснѣе божьяго дня, что безъ богачей, какъ потребителей роскоши, бѣдняки не могли бы суще-

ствовать: фабрики бронзъ, бархату, шелку, и т. п. должны были бы распустить своихъ работниковъ, и тѣ умерли бы съ голоду или же надѣлали бы ужасовъ.... Да и вообще, если бы не было богачей, то отъ кого же бѣдные стали бы получать плату за свои труды?... Правда, графиня не очень подходила и подъ экономическій идеалъ потребителя: она была скупа непомѣрно; но все-таки у ней былъ великолѣпный домъ, да еще большая постройка производилась; туалетъ ея былъ всегда очень дорогъ и изященъ, хозяйство шло на большую ногу.... Рабочимъ и мелкимъ поставщикамъ хозяйственныхъ вещей часто не доплачивали; но при всемъ томъ денегъ выходило много, и графиня своимъ существованіемъ несомнѣнно усиливала оборотъ торговыхъ капиталовъ и, значитъ, приносила существенную пользу человѣчеству....

Съ прошедшимъ графини мы, кажется, достаточно познакомились. Остается сообщить читателямъ еще одно, очень важное для насъ обстоятельство, — ея отношенія къ Елизаветѣ Игнатьевнѣ Абрютиной, съ которой мы познакомились въ первой части этого разсказа. Принадлежа совершенно различнымъ сферамъ въ обществѣ, эти дамы только разъ въ своей жизни встрѣтились лицомъ къ лицу. Эта встрѣча произошла въ храмѣ божіемъ, когда обѣ онѣ съ величавымъ смиреніемъ шли прикладываться къ плащаницѣ. Не

смотря на то, обѣ онѣ ненавидѣли другъ друга всѣми силами своей души, — и не даромъ. У нихъ безпрерывно происходили столкновенія въ ихъ денежныхъ интересахъ. Вельможный другъ и покровитель Абрютиной былъ родственникъ Пыжницкихъ, и со смертью его всѣ его богатства должны были перейти къ графинѣ. Очень естественно, что она считала нагло-украденными у себя всѣ деньги, которыя Абрютина выманивала отъ старика. Сначала графиня пробовала отвлечь своего родственника отъ опасной связи, даже оказывала ему нѣжность, далеко превышающую обыкновенное родственное расположеніе; но даже и это было напрасно, и графиня была возмущена, до глубины своей аристократической души, безумнымъ предпочтеніемъ, какое оказывалъ развращенный старикъ своей султаншѣ. Ненависть двухъ соперницъ дошла тогда до высшей степени. Онѣ всячески старались вызнавать другъ о другѣ и распускать по городу всѣ скандалёзныя исторіи, какія только случились въ ихъ домашней жизни. У каждой изъ нихъ были свои шпіоны, не только изъ прислуги, но даже изъ гостей. Такъ напримѣръ, генеральша-факторша Рудзевичъ была ревностной шпіонкой у той и другой, и кромѣ того исполняла назначеніе газеты, трубя повсюду, — подъ величайшимъ секретомъ, конечно, — о всякомъ скандальномъ происшествіи, какое случилось съ той и другою изъ

враждущихъ сторонъ. При помощи подобныхъ услужливыхъ барынь, Абрютиной удавалось выводить на всеобщее свѣдѣніе нѣкоторые частные случаи отношеній графини къ сладенькому архитектору, не смотря на всю неприступность и гордость обычнаго обращенія съ нимъ графини. За то и Абрютина не могла никакъ скрыть происшествія, что укрыла въ своей спальнѣ контрабандиста-жида, доставлявшаго ей товары, которые она продавала потомъ вдвое дороже своимъ гостямъ, нуждающимся въ ея покровительствѣ. Шумъ, возбужденный въ городѣ этой исторіей, былъ съ особеннымъ рвеніемъ поддерживаемъ графиней....

Но этого мало: графиня какъ бы предугадывала тайныя намѣренія Абрютиной, слѣдила за ея планами и иногда удачно ихъ разстроивала. Лишь только появилась въ свѣтъ племянница Лизаветы Игнатьевны, какъ она распустила по городу слухъ, что тетка нарочно привезла къ себѣ эту дѣвушку, чтобы чрезъ нее привлечь въ свой домъ значительныхъ стариковъ и съ бо̀льшимъ удобствомъ обдѣлывать свои незаконныя денежныя дѣла. Абрютина знала объ этомъ слухѣ и вслѣдствіе того рѣшилась дѣйствовать какъ можно осторожнѣе и ловче.

Занимая первое мѣсто въ сердцѣ своего важнаго покровителя, Абрютина смѣло скупала запутанные процессы и всегда ихъ выигрывала,

какъ бы ея сторона ни была неправа. Кромѣ того, она, какъ и графиня, оказывала небезкорыстныя протекціи чиновникамъ, добивающимся доходныхъ мѣстъ и чиновъ, и принимала довольно живое участіе въ казенныхъ подрядахъ.

У такихъ дѣловыхъ дамъ всегда бываютъ къ услугамъ грязненькіе дѣльцы, состоящіе на государственной службѣ, которая при такихъ условіяхъ съ избыткомъ вознаграждаетъ ихъ за всѣ хлопоты по чужимъ дѣламъ. Эти-то господа бываютъ посредниками между подрядчиками и другими просителями—и всесильными дамами, какъ Абрютина или графиня; они-то передаютъ глазъ на глазъ пышные пакеты съ деньгами въ ихъ нѣжныя ручки съ кровавыми ногтями.

Но какъ двѣ враждующія партіи были равносильны, то очень часто графиня черезъ своего мужа вредила Абрютиной, а та мстила ей тѣмъ же черезъ своего покровителя. Изъ этого обыкновенно происходили маленькіе скандалы, и такимъ образомъ подвиги соперницъ на поприщѣ гражданской дѣятельности не были тайной для цѣлаго города.

До сихъ поръ энергическая борьба двухъ благородныхъ соперницъ шла довольно ровно: за непріятность отплачивалось непріятностью, за сплетню сплетней, и трудно было сказать, кто кому болѣе вредитъ. Но вдругъ графиня получила пораженіе съ той стороны, съ которой совер-

шенно не ожидала: ея набѣленный, разрумяненный, затянутый супругъ влюбился въ Анну Ларіоновну и въ театрѣ не сводилъ своего лорнета съ ложи Абрютиной. Тетушка немедленно это замѣтила и захлебывалась отъ восторга; воображеніе уже рисовало ей райскія картины....

Надо сказать, что графъ былъ помѣшанъ на своей красотѣ и свѣжести. Онъ кокетничалъ, какъ перезрѣлая, старая дѣва, собирающаяся замужъ, и серьёзно вѣрилъ всѣмъ комплиментамъ о своей бодрости и привлекательности; и ему всѣ старались говорить какъ можно чаще подобные комплименты, начиная съ самой графини-супруги до послѣдняго его чиновника.

Графъ такъ заботился о поддержаніи во всѣхъ убѣжденія, будто у него отличные черные волосы, что въ присутствіи чиновниковъ, разъ въ мѣсяцъ, французъ-парикмахеръ стригъ парикъ на его лысой головѣ. Одинъ чиновникъ чуть не погибъ за то, что имѣлъ несчастіе однажды узрѣть графа безъ парика и румянъ въ дверяхъ его комнаты. Къ счастію, это былъ человѣкъ привычный, и на него сейчасъ же слетѣло вдохновеніе: не подходя ближе, онъ закричалъ потерянному графу: «Эй, любезный! доложи его сіятельству, что я явился по его приказанію». Графъ былъ счастливъ, что чиновникъ принялъ его за лакея, и поспѣшно приперъ дверь.

Впрочемъ этотъ маленькій пунктъ помѣшатель-

ства вовсе не мѣшалъ старому графу отлично успѣвать по службѣ и искусно пользоваться всѣми выгодами, какія она можетъ доставлять. Онъ дерзко слѣдилъ за своими друзьями, чтобы они не затмили его въ дѣловой мудрости и въ преданности къ любезному отечеству, которому такъ нужны дѣятельные слуги, подобные графу. Преувеличенную же заботу его о своей наружности многіе объясняли сердечной добротой и простодушіемъ графа. И дѣйствительно, — душа была у него добрая: трудно перечислить всѣ благодѣянія, которыя расточалъ онъ мужьямъ, отцамъ и братьямъ разныхъ хорошенькихъ женщинъ въ Петербургѣ; трудно сказать, какъ многихъ чиновниковъ спасъ онъ отъ Сибири, когда были на лицо всѣ улики ихъ преступленій... Кромѣ этой доброты душевной, увѣренность графа въ своихъ физическихъ достоинствахъ поддерживалась и постоянными удачами въ женщинахъ, особенно полусвѣтскаго круга. Аристократическихъ дамъ онъ уважалъ и находилъ, что нужно дорожить ихъ репутаціею: связь двухъ аристократическихъ особъ не могла бы обойтись безъ шумнаго скандала, и потому онъ предоставлялъ высоко-свѣтскихъ дамъ болѣе скромнымъ обожателямъ, а для себя искалъ женщинъ въ кругѣ нѣсколько пониже. И полусвѣтскія дамы, плѣняясь его красотой, смѣлостью и свѣтскостью, гибли отъ него безсчетно, и тѣмъ чрезвычайно

пріятно щекотали самолюбіе благороднаго Донъ-Жуана. Въ то время, пресыщенный, утомленный и обезсиленный, онъ губилъ женскія репутаціи даже безъ всякой надобности, просто для поддержанія въ себѣ и другихъ того убѣжденія, что ни одна женщина не можетъ устоять противъ него. Для этого онъ употреблялъ даже самые гнусные обманы: одну женщину которая ему противилась, обманомъ усадилъ въ свою карету и привезъ къ себѣ; съ другой не успѣвъ сдѣлать ничего подобнаго, заказалъ салопъ совершенно такой, какъ у нея, и, вывѣсивъ у себя въ передней, приказывалъ всѣмъ знакомымъ отказывать, потому что онъ занятъ съ дамою.... Слухи, разумѣется, распространялись и передавались съ преувеличеніемъ. Женщина была поругана въ своемъ семейномъ счастьи, — а Донъ-Жуану нашему и горя не было до этого.... Какое горе? Онъ радовался и торжествовалъ.

Но все это были увлеченія молодости. Женившись и доживъ до преклонныхъ лѣтъ, графъ сталъ съ своими привязанностями обращаться совершенно иначе. Онъ сталъ страстно влюбляться въ хорошенькихъ и модныхъ женщинъ, нѣжничалъ, сантиментальничалъ съ ними, готовъ былъ на всякія жертвы по ихъ приказанію, словомъ — природная доброта его тутъ-то и выказывалась во всей силѣ. Этимъ пользовались нѣкоторыя особы, и съ этой стороны графиня была часто

очень недовольна своимъ молодившимся супругомъ. Гораздо благосклоннѣе смотрѣла она на домашнихъ фаворитокъ графа, чѣмъ на эти, въ сущности невинные, амуры.... Можно представить себѣ ея ужасъ, когда она узнала, что мужъ ея попался въ сѣти Абрютиной.

ГЛАВА VIII.

Съ того дня, какъ Карсановъ увидалъ Анну Ларіоновну въ театрѣ, разубранную, разодѣтую, какъ модная картинка, и окруженную толпою свѣтскихъ франтовъ и важныхъ стэриковъ-волокитъ, онъ рѣшилъ, что было бы нелѣпостью съ его стороны питать надежду возстановить свои прежнія отношенія къ свѣтской барышнѣ. Онъ тѣмъ менѣе могъ заблуждаться на этотъ счетъ, что зналъ свой характеръ, который никогда бы его не допустилъ сблизиться съ тѣмъ обществомъ, въ которомъ блистала Анна Ларіоновна. Ему надо было бы, войдя въ это общество, душить въ своемъ сердцѣ всѣ честные порывы, постоянно топтать въ грязь то, что онъ привыкъ уважать, какъ святыню, и совершенно стереть свою личность, въ угоду денежной напыщенности, чиновному чванству и гнусному лицемѣрію. Да и къ чему бы послужило ему, если бы даже онъ и рѣшился на такую важную для него жертву?

Анна Ларіоновна явно хотѣла дать ему почувствовать раздѣляющее ихъ огромное пространство, — потому что она прекратила свою переписку съ нимъ. Карсановъ писалъ ей нѣсколько разъ; она не отвѣчала ему. Тогда онъ далъ себѣ слово силою разсудка побѣдить свое сердце. Чтобы дѣло шло успѣшнѣе, онъ даже припряталъ съ глазъ всѣ вещи, которыя напоминали ему Анну Ларіоновну; но это было напрасно; ему было трудно справиться съ своимъ воображеніемъ. Часто, усталый отъ умственнаго труда, почти на разсвѣтѣ онъ бросался въ постель, но не могъ заснуть, потому что въ его разгоряченномъ воображеніи, совершенно безъ его воли и вѣдома, являлся образъ любимой дѣвушки и увлекалъ его въ безконечныя воспоминанія. Впрочемъ кончалось всегда тѣмъ, что Карсановъ подавлялъ въ своей груди сдержанные стоны и потомъ страшно бѣсился на свое малодушіе.

Но, какъ ни сильно и какъ ни благоразумно было желаніе Карсанова высвободиться изъ-подъ тягостнаго гнета своихъ безнадежныхъ чувствъ, ему, вѣрно, не суждено было забыть любимую дѣвушку.

Послѣ долгаго промежутка, онъ неожиданно получилъ письмо отъ Анны Ларіоновны. Оно такъ его обрадовало, что онъ чуть не обезумѣлъ отъ счастья. Съ радостнымъ трепетомъ онъ началъ читать письмо; но по мѣрѣ чтенія лицо его дѣла-

лось все мрачнѣе и мрачнѣе, онъ задыхался, пробѣгая его, и при всемъ нетерпѣніи долженъ былъ на минуту прекратить чтеніе, чтобы собраться съ силами и окончить его.

Вотъ что писала Анна Ларіоновна:

«Прежде всего прошу васъ забыть всякую досаду на меня за то, что я не писала вамъ такъ долго. Я знаю, что я сдѣлала дурно, но мнѣ въ сію минуту не до оправданій. Я обращаюсь къ вамъ за совѣтомъ; вы — единственный человѣкъ во всемъ свѣтѣ, который, я знаю, отъ чистаго сердца желаетъ мнѣ счастья и будетъ со мной откровененъ. Только ради Бога не считайте меня глупенькой барышней. Вы очень ошибетесь, если будете думать, что, бывая на балахъ, барышни могутъ быть наивны, какъ онѣ стараются тамъ казаться. Впрочемъ, я думаю, и ихъ обманываютъ, дѣлая видъ, что вѣрятъ въ ихъ наивность. Вѣроятно и моя тетушка, и другія пожилыя дамы въ своей молодости танцовали на балахъ и помнятъ очень хорошо, какъ имъ пожимали ручки и талію кавалеры въ танцахъ, какъ нашоптывали имъ всякій вздоръ, а также — какъ старыя невѣсты посвящаютъ въ разныя свѣтскія сплетни новичковъ-барышенъ. Поэтому умоляю васъ говорить со мной, какъ слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что отъ этого будетъ зависѣть счастіе всей моей жизни. Мнѣ кажется, что вы уже угадали, о чемъ я хочу говорить съ вами и въ чемъ просить

вашего совѣта.... Да, у меня явился женихъ! Меня увѣряютъ, что онъ влюбленъ въ меня до безумія и отличнѣйшій человѣкъ; однимъ словомъ — такой прекрасный женихъ, что мои кузины пришли въ ярость отъ моего счастья и, подъ видомъ участія, отсовѣтываютъ мнѣ выходить за него замужъ. Онѣ сойдутъ съ ума отъ злости и зависти, если у меня будетъ мужъ въ чинахъ, туалетъ лучше ихъ, а главное — я не буду обязана выслушивать ихъ колкости и попреки. Тетушка такъ обрадовалась этому жениху, что на другой же день отслужила молебенъ какому-то святому. Но покамѣстъ это еще семейная тайна, потому что я еще не рѣшилась сказать жениху свое согласіе, котораго отъ меня непремѣнно требуетъ тетушка. Во первыхъ, я его почти не знаю; я никогда и не смотрѣла на него, и всегда считала его такимъ пожилымъ человѣкомъ, что мнѣ и въ голову не приходило, чтобы онъ могъ быть моимъ мужемъ. И вдругъ этотъ господинъ дѣластъ мнѣ предложеніе на балу, во время мазурки, которую онъ и не танцовалъ, а такъ стоялъ возлѣ моего стула. Онъ такъ былъ блѣденъ, и такъ дрожалъ, когда передавалъ мнѣ свое предложеніе, что я перепугалась и не успѣла ему ничего положительно отвѣтить; а тутъ нужно было идти дѣлать фигуру, а потомъ подошла ко мнѣ тетушка; точно она предчувствовала, что я нахожусь въ затруднитель-

номъ положеніи. Съ тѣхъ поръ я и не видала своего жениха; тетушка непремѣнно хочетъ, чтобы я его встрѣтила согласіемъ выдти за него, а я не хочу. Вообще я питаю отвращеніе къ замужству: на моихъ глазахъ были такіе безумно-влюбленные женихи, которые черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы тяготились подать стулъ своей женѣ, а черезъ годъ были грубы съ той самой женщиной, отъ которой сходили съ ума, хотя она, будучи невѣстой, вовсе не была такъ нѣжна, какъ сдѣлавшись женой. Да и семейное счастіе моей матери меня тоже такъ напугало еще въ дѣтствѣ, что я чувствую какую-то злобу противъ всѣхъ тѣхъ мужчинъ, которые воображаютъ, что они созданы на свѣтъ за тѣмъ, чтобы умничать надъ своими женами. И чѣмъ они лучше насъ? Точно такъ же подвержены всѣмъ слабостямъ, какими страдаютъ женщины: кокетство, тщеславіе, праздность, — всему они не чужды, да еще въ добавокъ страшно честолюбивы. Я готова покориться какимъ угодно капризамъ и притѣсненіямъ моего отца, моей тетки, но унижаться передъ властью и капризомъ человѣка, который, пока я его невѣста, прикидывается внимательнымъ и покорнымъ, а сдѣлавшись моимъ мужемъ, сброситъ личину и явится тираномъ!.... Нѣтъ, никогда, никогда я не вынесу такого униженія! Тетушка увѣряетъ меня, что мой женихъ никогда не будетъ похожъ на всѣхъ

молодыхъ мужей, потому что его года слишкомъ неравны моимъ, и что я не влюблена въ него, — какъ будто любовь унижаетъ женщину въ глазахъ мужчины! Она говоритъ, что если бы у меня былъ молодой женихъ, то она стала бы меня уговаривать не выходить за него замужъ, потому что, когда первая молодость прошла бы, мой мужъ считалъ бы себя въ правѣ дѣлать мнѣ невѣрности, на томъ основаніи, что у меня появились морщины. Тетушка утверждаетъ, что каждый мужчина только и любитъ женщинъ, пока онѣ молоды и льстятъ его самолюбію. Отъ всѣхъ этихъ совѣтовъ, сплетенъ, тетушкиныхъ упрековъ и слезъ я рѣшительно потерялась. Я вижу ясно, что мною тяготятся и навѣрно будутъ со мной обращаться самымъ грубымъ образомъ, если я не выйду скорѣе замужъ и не избавлю ихъ отъ себя. Но каково мнѣ-то выходить замужъ, только для того, чтобы имѣть домъ, изъ котораго меня никто не имѣлъ бы права выгнать и никто не смѣлъ бы попрекать меня каждой тряпкой, которую мнѣ купятъ. Но главное, что приводитъ меня въ ужасъ, это желаніе тетушки жить вмѣстѣ съ своими дочерьми. Вы не можете себѣ и вообразить, какъ онѣ злы, и какъ грубы ихъ мужья! Мнѣ тогда не будетъ средствъ прожить дня въ домѣ; значитъ, все равно, я должна буду куда нибудь идти въ чужой домъ, чтобъ быть разливательницей чая или нянюшкой капризныхъ

дѣтей? Видите, въ какомъ я нахожусь страшно-затруднительномъ положеніи. Вы должны мнѣ дать совѣтъ, какъ поступить мнѣ. Помните только, что я не люблю своего жениха, но не люблю и никого другаго. Я ужь видѣла, какъ способны любить меня! Сколько мужчинъ прикидывалось влюбленными въ меня, а черезъ мѣсяцъ точно такъ же они были влюблены въ другую, да еще старались колоть меня своимъ пренебреженіемъ. Да и мнѣ никто рѣшительно не нравится, и мнѣ кажется, что никто никогда не понравится. Ахъ, какъ я желала бы теперь очутиться въ своей комнатѣ, возлѣ Палагеи, которая бы приласкала меня. Я такъ давно не видала ласковаго взгляда. Какъ мнѣ хотѣлось бы также поговорить съ вами и отвести душу, измученную скрытностью и притворствомъ. Пожалѣйте меня; мнѣ очень тяжело....»

Когда Карсановъ прочелъ это письмо, онъ долго стоялъ, какъ оглушенный ударомъ грома, хотя онъ долженъ былъ бы ожидать каждый день извѣстія, что Анна Ларіоновна выходитъ замужъ. Впрочемъ, кромѣ искателя руки Анны Ларіоновны, Карсанова очень испугало и удивило то, что такая молодая дѣвушка, вмѣсто того, чтобы танцовать и наряжаться, обратила вниманіе на незавидное общественное положеніе женщинъ. Отчаяніе молодаго человѣка не имѣло границъ, онъ рыдалъ, какъ ребенокъ. Да и точно, онъ похожъ

былъ въ эту минуту на ребенка, потому что ровно ничего не могъ сдѣлать, чтобы отвратить гибель, грозившую любимой имъ дѣвушкѣ. Долго онъ выжидалъ минуты, когда слезы перестали застилать ему глаза, и рука получила твердость, чтобы отвѣчать на письмо Анны Ларіоновны.

«Бѣдныя, бѣдныя женщины, а вы въ особенности! писалъ Карсановъ.—Вамъ, въ довершеніе горя, судьба послала даже такого нелѣпаго совѣтника, какъ я. Ну что я смыслю въ жизни? Я рѣшительно не знаю, какія нужны жертвы, чтобы купить себѣ счастье по понятіямъ людей, живущихъ въ обществѣ, Для меня ничего нѣтъ мучительнѣе того, что когда вы ищете утѣшенія, защиты и съ вѣрою обращаетесь ко мнѣ, я на все только и могу отвѣчать вамъ по-женски—однѣми слезами. Я ничего не могу вамъ сказать утѣшительнаго на счетъ вашего положенія. Что станете дѣлать? Общество, нравственность, весь свѣтъ противъ женщинъ. Для нихъ нѣтъ на землѣ уголка, гдѣ бы онѣ могли пользоваться тѣми же правами, какъ мужчина. Отъ женщины требуютъ безпрерывныхъ жертвъ—то отцу, то мужу, то дѣтямъ, и если ея сердце заговоритъ свободно и смѣло, если ея чувство возьметъ верхъ надъ рабскими требованіями постоянной покорности и униженія, тогда она лишается всякаго уваженія, и всѣ съ презрѣніемъ смотрятъ на нее. Отецъ можетъ проклясть свою дочь и выгнать ее изъ

дому, если она полюбитъ человѣка противъ его желанія. Мужъ также имѣетъ полное право—по злобѣ, по низости своей натуры, даже просто по капризу сильнаго—съ позоромъ выгнать ее изъ своего дома и отнять у нея дѣтей. Я уже не говорю про тѣхъ мужчинъ, которые, по подлости и гордости своей скотской натуры, безчестятъ ихъ своей любовью и потомъ бросаютъ ихъ на поруганіе обществу. Безчисленное множество женщинъ слѣдуютъ на галеры за преступными своими мужьями, отцами и братьями; но былъ ли примѣръ, чтобы мужчины слѣдовали за несчастными женщинами, тогда какъ ихъ нравственное паденіе еще чаще зависитъ отъ несчастной случайности! Всѣ мужчины признаютъ женщинъ слабыми, неразумными, а наказываютъ ихъ гораздо жесточе и неумолимѣе, чѣмъ всякаго разумнаго мужчину. Чернокожіе невольники и женщины родятся съ ярмомъ рабства!

«Бѣдненькая, я васъ пугаю, а не утѣшаю. Но вы должны хорошо знать свое положеніе, чтобы не сдѣлать его еще хуже какимъ нибудь ложнымъ шагомъ въ своей жизни. Я такъ недавно воображалъ, что вамъ спокойно и весело живется на свѣтѣ. Мнѣ и въ голову не приходило, чтобы вы такъ рано разстались съ своей юностью, которая смотритъ на всѣхъ и на все такъ довѣрчиво, окрашивая все радужными цвѣтами разныхъ несбыточныхъ надеждъ.... Теперь вы лишены это-

го счастія, вы на все смотрите недовѣрчиво. Съ этихъ поръ вы стали разсчитывать и недовѣрять своему сердцу; вы придумываете жертвы, чтобы купить себѣ независимость; но ея ничѣмъ нельзя вамъ купить,—да, ничѣмъ! Только тогда можетъ быть счастлива и свободна женщина, если встрѣтитъ въ своей жизни человѣка, которой на столько будетъ нравственно развитъ, что устыдится угнетать угнетенныхъ и выкинетъ изъ головы всякую претензію передѣлывать женщину на свой ладъ. Разумѣется, есть много и такихъ женщинъ, которыя умѣютъ пріобрѣтать власть надъ мужчинами; но какими средствами это дѣлается! Сколько на это нужно имѣть хитрости, сухости сердца и унизительнаго лицемѣрія! Вѣдь только этими низкими средствами и можно усыплять своеволіе мужчинъ, льстя ихъ самолюбію и заставляя ихъ думать, что они все-таки — и владыки, и руководители женщинъ, и карателі ихъ слабостей. Но вы развѣ способны на это? Съ вашимъ ли характеромъ хитрить и унижаться? А при этомъ характерѣ какъ же вамъ выходить за мужъ по разсчету? У васъ доброе и нѣжное сердце: какъ же вы хотите прожить весь вѣкъ, никого не любя? Это будетъ безуміе, если вы выйдете замужъ только для того, чтобы жить богато: роскошь не можетъ составить счастья вашей жизни; вы къ ней привыкнете, какъ бы привыкли къ скромной жизни съ любимымъ мужемъ.

«Простите меня, что я, вмѣсто утѣшенія, васъ еще болѣе встревожилъ. Но не лгать же мнѣ, чтобы только успокоить васъ. Да и эта ложь не принесла бы вамъ пользы: вы сами бы увидали, какъ она возмутительна, даже сказанная съ доброй цѣлью. Я теперь похожъ на оператора, у котораго темнѣетъ въ глазахъ и дрожитъ рука отъ стоновъ больнаго; но онъ спѣшитъ вырѣзать больное мѣсто, зная, что его состраданіе продлитъ мученіе паціента и будетъ для него гибелью. Ради Бога, не падайте духомъ и не слушайте благоразумныхъ совѣтовъ людей съ извращенными понятіями о счастьи жизни....

«Но знаете ли, что̀ мнѣ пришло въ голову, для вашего спасенія? Это, кажется, единственное, что я могу сдѣлать. Ѣхать къ вашему отцу и лично переговорить съ нимъ о вашемъ возвращеніи.... Это васъ спасетъ отъ замужства и отъ тяжелаго положенія жить въ чужомъ домѣ. Вамъ вѣдь надоѣла свѣтская пустота. Въ деревнѣ вы будете жить свободно, дѣлать, что вамъ вздумается. Что за радость будетъ для васъ — очутиться посреди людей, преданныхъ вамъ! Какъ я-то буду радъ, что вы будете далеко отъ роскоши, лести и всякихъ вредныхъ вліяній.... Я убѣжденъ, что съумѣю вызвать въ вашемъ отцѣ уснувшія чувства къ вамъ. Кажется, отъ него и потребуется-то очень немного: чтобы его дочери можно было жить въ своей комнатѣ, гдѣ она выросла! Будьте покой-

ны; я все такъ устрою, что вы останетесь въ сторонѣ. Я научу его, какъ ему дѣйствовать!... Когда я думаю, что, можетъ быть, я васъ увижу опять въ деревнѣ, — я просто дурѣю отъ радости.... Книгъ-то, книгъ-то что̀ я навезу вамъ туда! Вы серьёзно приметесь теперь изучать языки иностранные, займетесь хорошенько музыкой, и время у васъ будетъ летѣть скорѣе, чѣмъ на балахъ вашихъ. Я уговорю вашего отца, чтобы онъ прикинулся больнымъ; если это не подѣйствуетъ на тетку вашу и она не пришлетъ васъ, то онъ пусть требуетъ васъ, какъ отецъ. Я сдѣлаюсь хитрецомъ, осторожнымъ, чтобы все половчѣе устроить, а главное оградить васъ отъ всего. Вы же должны быть тверды и ждать моего письма изъ деревни; я вамъ напишу, что вамъ дѣлать. Прощайте, цалую ваши ручки и умоляю васъ быть терпѣливой и не поддаваться ни на какія ласки и совѣты. Я нимало не сомнѣваюсь, что вы одобряете мое намѣреніе и вполнѣ со мною согласны, но все-таки пришлите мнѣ хоть двѣ строчки, хоть одно ласковое слово на дорогу. Получивши ваше согласіе, я завтра же выѣду изъ Петербурга, и до тѣхъ поръ не успокоюсь, пока не прискачу въ деревню и не переговорю съ вашимъ отцомъ. Мы одержимъ побѣду: мое сердце мнѣ это предсказываетъ. Прощайте, прощайте! Пишите мнѣ, ваши письма мнѣ будутъ доставлены самымъ аккуратнымъ образомъ. Се-

годня у меня много будетъ хлопотъ: я тотчасъ примусь готовиться въ дорогу. Если я васъ спасу, вѣроятно въ цѣломъ свѣтѣ не найдется человѣка счастливѣе меня».

На другой день Карсановъ дѣйствительно уѣхалъ, получивъ отъ Анны Ларіоновны рѣшительное полномочіе для переговоровъ съ ея отцомъ.

ГЛАВА IX.

Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Карсанова изъ Петербурга, Абрютина, не подозрѣвая заговора, спокойно сидѣла въ одной изъ своихъ парадныхъ комнатъ, которыя возбуждали зависть многихъ любителей искусства въ Петербургѣ. Нравственная дама эта обладала драгоцѣнными картинами и статуями, не говоря уже о другихъ вещахъ изъ серебра и фарфора. Она цѣнила картины, не какъ художественныя произведенія, но какъ такія вещи, за которыя можно получить большія деньги. У ней даже былъ составленъ каталогъ вещей и обозначены цѣны каждой игрушки. Впрочемъ Абрютиной достался весь ея музей почти даромъ; она покупала эти драгоцѣнности очень таинственными путями, или получала въ знакъ признательности отъ лицъ, нуждавшихся въ ея покровительствѣ. Абрютина была не одна въ комнатѣ: съ ней бесѣдовала генеральша-факторша Рудзевичъ, сдѣлавшаясь почти другомъ

дома, съ тѣхъ поръ, какъ Анна Ларіоновна стала модной красавицей въ Петербургѣ и объ ней заговорили всѣ, а въ особенности графъ Пыжницкій, къ которому та же факторша являлась въ кабинетъ и шепталась съ нимъ.

— Ну, что? какъ здоровье Анеты? спросила дружески Рудзевичъ хозяйку дома.

— Слава Богу, гораздо лучше, лихорадка слабѣетъ. Я думаю, что ей докторъ позволитъ скоро выѣхать.

— Дай Богъ! многозначительно выговорила гостья и, послѣ длинной паузы, продолжала вкрадчиво: — ужь начинаютъ, Богъ знаетъ, какіе слухи распускать по городу на счетъ Анеты.

— Что мудренаго! скорчивъ смиренную гримасу и съ глубокимъ вздохомъ отвѣтила Абрютина. — Злые люди ничего не пощадятъ; но когда совѣсть чиста, то, право, клевета не можетъ огорчить глубоко. Кажется, всѣ должны видѣть, какъ я исполняю свой долгъ къ сиротѣ!

— Кто же можетъ усомниться въ вашей любви къ племянницѣ, поспѣшно замѣтила гостья.

— Я не для людей выполняю святую обязанность, возложенную на меня Богомъ, отвѣтила на это Абрютина и потомъ съ грустью спросила гостью: — что же такое говорятъ о моей Анетѣ?

— Все глупости, Лизавета Игнатьевна, однѣ сплетни враговъ, утѣшительнымъ голосомъ произнесла Рудзевичъ.

— Все же скажите, Евгенія Марковна.

— Право, не стоитъ разстроивать себя такими вещами.

— Однако, это дѣло касается моей племянницы; я отвѣчаю за нее передъ Богомъ и обществомъ, а потому и прошу васъ сказать мнѣ все, что выдумали на нее злые языки.

— Только вы не огорчайтесь пожалуйста; право, я только такъ замѣтила вамъ, — уговаривала гостья Абрютину; но та съ смиренною настойчивостью стояла на своемъ. Тогда Рудзевичъ начала разсказывать, съ дурно сдержаннымъ удовольствіемъ.

— Слухи ходятъ по городу, что Анетъ больна вслѣдствіе домашнихъ непріятностей, что она не любитъ своего жениха, а ее приневоливаютъ выдти за него.

Абрютина съ постнымъ видомъ выслушала о клеветѣ, взводимой на нее, и только злобно улыбнулась; когда же гостья смолкла, пытливо смотря ей въ глаза, то она тихо и печально вздохнула.

Рудзевичъ сладкимъ голосомъ опять заговорила:

— Вы, Лизавета Игнатьевна, такъ высоко стоите во мнѣніи хорошаго общества, что должны презирать эти клеветы! Кто знаетъ васъ, тотъ цѣнитъ ваши добродѣтели. Мой совѣтъ дружескій: если бы и было такъ, что ваша племянница, по вѣтренности своей, заупрямилась, такъ

я бы на вашемъ мѣстѣ все-таки выдала ее поскорѣе замужъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Евгенія Марковна! Не съ моимъ сердцемъ приневоливать дѣвушку выходить замужъ.

— Полноте, Лизавета Игнатьевна; вѣдь вы это сдѣлаете для ея же счастья.

— Разумѣется, такой другой партіи ей уже не дождаться. Да и я-то становлюсь все слабѣе здоровьемъ. Мірская суета меня тяготитъ, я бы желала чаще бесѣдовать съ Богомъ да испрашивать у него милости моимъ грѣхамъ. Но, что̀ дѣлать,— надо терпѣть, пусть моя сестра видитъ съ небесъ, что я дѣлаю для ея дочери; можетъ, она и молится за меня тамъ!

— Молится, Лизавета Игнатьевна, молится! утвердительнымъ тономъ произнесла гостья, оправляя кружева и бантики на своемъ лифѣ.

— Дай-то Богъ, дай-то Богъ! вздыхая и покачивая головой отвѣтила Абрютина, и набожно прибавила: — увижусь ли я грѣшная съ ней тамъ?

— Увидитесь, увидитесь, Лизавета Игнатьевна! Ваши добрыя дѣла зачтутся тамъ, и вы отдохнете послѣ своего земнаго страдальческаго поприща.

Рудзевичъ говорила это такимъ утѣшительно-увѣреннымъ тономъ, что Абрютина совершенно успокоилась на счетъ своего свиданія съ сестрой

за гробомъ и обратилась къ прерванному разговору, сказавъ:

— Я отъ васъ не хочу скрывать, Евгенія Марковна: я знаю, что вы родственное принимаете участіе во мнѣ и въ моей Анютѣ и потому только вамъ одной и сказала о сватовствѣ Скобницкаго. А вѣдь это дѣло еще легко можетъ и разстроиться...

— Однако, Лизавета Игнатьевна, вы, какъ мать Анетъ, должны не допускать этого и дѣйствовать высшей властью. Васъ никто не осудитъ за то, да и сама Анетъ на всю жизнь останется признательна вамъ, какъ вы устроите ея судьбу.

— Все такъ!... Но не тѣ времена, чтобы дѣти повиновались родительской власти, данной намъ отъ Бога! Не тѣ времена, Евгенія Марковна.

— Вотъ, охота смотрѣть на дѣтскіе капризы; просто прикажите вашей племянницѣ васъ слушаться, и все тутъ!

— Бѣда съ ней будетъ, если принять крутыя мѣры. У ней характеръ взбалмошный; она понятія не имѣетъ еще, какъ важно въ обществѣ заслужить хорошее мнѣніе; она по глупости можетъ надѣлать скандалу.... Да и у ней ужь нынѣшнія о всемъ понятія: неуваженіе къ совѣтамъ старшихъ, нелѣпая какая-то смѣлость.... Все-то онѣ знаютъ, лучше насъ понимаютъ.... да еще гордость.... Ахъ! не тѣ времена!

Абрютина говорила съ большимъ одушевленіемъ, а гостья печально поддакивала ей: да, да.

— Какая нравственность теперь всюду? продолжала Абрютина: — поѣдешь въ театръ, и вдругъ очутишься, Богъ знаетъ, въ какомъ сосѣдствѣ: съ одной сторонѣ француженка актриса, вся въ брилліантахъ, а съ другой какая нибудь уличная нѣмка сядетъ къ тебѣ спиной. Ну, скажите, съ чѣмъ это сообразно, что порядочныя дамы должны сидѣть рядомъ со всякою сволочью?

— Совершенно такъ! Нравственности никакой нѣтъ теперь. Я вчера еще говорила m-me Пятовой: какъ ей не стыдно было взять роль горничной въ благородномъ спектаклѣ, когда бывшая актриса будетъ играть барышню. Что за важность, что она теперь генеральша: она все-таки не родилась дворянкой!

— Да и какъ это не стыдно m-me Пятовой являться на разныя увеселенія, когда еще нѣтъ года, какъ умеръ у ней мужъ! Положимъ, она его не любила, и всѣмъ извѣстно было, что онъ ее истиранилъ всю при жизни; но все-таки приличіе надо сохранять во всемъ.

— Я ее и за это журила! торопливо подхватила Рудзевичъ. — Она вѣдь и сама понимаетъ, что дурно дѣлаетъ: учитъ роль, а сама плачетъ: что, говоритъ, если Андрей Кирилычъ видитъ, что я дѣлаю?

— Религіи нѣтъ! глубокомысленно замѣтила Абрютина; гостья подтвердила:

— Да, точно, въ молодыхъ дамахъ вовсе нѣтъ религіи. Ну, конечно, отчего и не потанцовать? Но все же надо чаще думать, что есть Око, которое на насъ смотритъ!

— Кажется, нынче люди совсѣмъ забываютъ о Богѣ; никакого смиренія нѣтъ; одна пустая суета, которая къ добру не ведетъ. Вы бы, Евгенія Марковна, изъ христіанскаго чувства посовѣтовали m-me Пятовой отказаться отъ низкой роли; ну, ужь пусть ее играетъ барышню.

— Говоритъ, что не по ея средствамъ роль барышни.

— А! ну такъ вы ей напомните, что за скандалъ имѣла m-me Грека съ подлой француженкой въ театрѣ. Она вѣдь тоже игрывала роли горничныхъ. Вотъ и съ ней будетъ то же.

Лицо Абрютиной приняло такое злое выраженіе, что не осталось и тѣни ея прежняго смиренія.

— Ахъ, какой ужасъ! Неужели же можетъ у насъ повториться такая безпримѣрная дерзость? воскликнула гостья.

— Какъ не повториться ей! Вѣдь развѣ эту подлую тварь наказали, какъ слѣдуетъ, за ея дерзость? почти съ пѣной у рта говорила Абрютина; гостья ей вторила въ томъ же тонѣ.

— Именно, хоть бы для примѣра подобныхъ

тварей хорошенько проучить, что значитъ поднять руку на дворянку!

— Засѣчь бы ее на площади, вото что надо было сдѣлать.

— Засѣчь, да, именно засѣчь!

Дамы, увлеченныя своими нравственными чувствами, забыли свое смиренное лицемѣріе другъ передъ другомъ и говорили отъ души, что имъ случалось рѣдко.

Хозяйка дома продолжала съ жаромъ.

— Все разныя нововведенія, которыми унижаютъ насъ, дворянъ, все эти университеты, гдѣ дворянинъ долженъ сидѣть возлѣ какой нибудь дряни изъ податнаго сословія, — все это и ведетъ къ тому, что мы можемъ увидѣть тѣ же ужасы, что видѣла Франція.

Гостья вздрогнула отъ такого пророчества и съ волненіемъ сказала:

— Ахъ, Лизавета Игнатьевна, какія вы страшныя вещи говорите! Неужели это возможно у насъ?

— Очень возможно, если все пойдетъ такъ! Надо бы просто запретить этой сволочи и азбукѣ-то учиться, а не то-что въ университетъ идти.... А то вѣдь ужь это такое дѣло: азбукѣ выучится, такъ не остановишь, — онъ и дальше пойдетъ.... Если ужь съ самаго начала не удержатъ, такъ послѣ, грамотнаго-то, труднѣе будетъ: онъ и до университета дойдетъ.... А какъ

въ университетѣ побываетъ, такъ ужь тутъ всякій мѣщанинъ подымаетъ носъ, точно всякому равный....

— Это такъ, такъ! Недавно мнѣ мой мужъ разсказывалъ, какой съ нимъ былъ случай. Ему, знаете, нужно было по какому-то дѣлу написать бумагу, онъ и призвалъ одного изъ своихъ чиновниковъ, который считается писателемъ, и говоритъ ему, что вотъ то-то и то-то надо изложить. Вдругъ этотъ господинъ начинаетъ ему противорѣчить и — знаете — даже руками машетъ. Мой мужъ и замѣтилъ ему, зачѣмъ онъ машетъ руками? Что же, вы думаете, онъ отвѣтилъ?... Я, говоритъ, махаю руками, потому что я человѣкъ; а если бы былъ собакой, такъ махалъ бы хвостомъ! А, каково?

— Чего же вы хотите отъ писателей? воскликнула съ яростью Абрютина. — Да ихъ всѣхъ надо перевѣшать! Это самая страшная язва для общества, они всему виной, что бываетъ безнравственнаго на свѣтѣ! Недавно вдругъ одна дама вздумала меня просить за какого-то писателя. Да я ее такъ осрамила, что она не знала, куда дѣваться. Потомъ-то я сожалѣла: мнѣ надо было бы помѣстить его, да попросить, чтобы потомъ его упекли хорошенько.... все бы однимъ мерзавцемъ было меньше на свѣтѣ.

— А знаете ли, что женихъ Анеты — прежде бывалъ въ обществѣ съ сочинителями? спросила

гостья разгоряченную хозяйку дома, которая рѣзко отвѣтила:

— Вздоръ!

— Я такъ слышала! обиженно замѣтила Рудзевичъ.

— Это невѣроятно! Вы сами подумайте, могъ ли бы тогда Скобницкій имѣть такія приличныя манеры и такъ хорошо идти по службѣ? Я знаю его дворянскій образъ мыслей, и могу васъ увѣрить, что это его чернятъ. Онъ дворянинъ въ полномъ смыслѣ этого слова, и держитъ себя по дворянски.

— Очень можетъ быть, но я вамъ передаю, что слышала отъ другихъ. Вотъ и еще передамъ — тоже слышала изъ очень достовѣрныхъ источниковъ, — что его прежній предметъ, одна дама, хочетъ разстроить его свадьбу.

— И это вздоръ! утвердительно, но ласково сказала Абрютина.—Ну, возможно ли, чтобы такой человѣкъ, какъ Скобницкій, на такой дорогѣ и въ виду хорошаго общества, такъ опрометчиво заводилъ и разрывалъ связи съ женщинами, что онѣ рѣшались бы на скандалъ? Это невозможно.

— Что онъ имѣлъ связь съ этой дамой, я знаю навѣрно! въ сердцахъ произнесла Рудзевичъ.

— Объ этомъ я не буду спорить; но готова, Богъ знаетъ, чѣмъ отвѣчать, что онъ взялъ всѣ предосторожности, чтобы не имѣть отвѣтственности передъ обществомъ.

— У нея есть дѣти отъ него!

— Это ничего не значитъ. Онъ, вѣроятно, такъ велъ себя, что не оставилъ въ ея рукахъ никакихъ уликъ, на то, чтобы онъ этихъ дѣтей признавалъ за своихъ. Впрочемъ я не боюсь, даже если бы и нашлась такая безнравственная женщина, которая рѣшилась бы разстроивать свадьбу. Анонимныя письма къ Анетъ не попадутъ въ руки; я на этотъ счетъ совершенно покойна.

Можетъ быть, въ первый разъ въ своей жизни Абрютина не подозрѣвала того, что она была обманута, и кѣмъ же? — самыми безхитростными людьми, прибѣгшими къ обману единственно вслѣдствіе крайней необходимости.

— Значитъ, свадьба будетъ? неожиданно спросила гостья.

— Кто же сомнѣвается! въ попыхахъ отвѣтила Абрютина, и торопливо прибавила: — если Анетъ будетъ согласна.

Гостья не слушала прибавленія и сказала:

— Есть одинъ человѣкъ, который покою мнѣ не даетъ съ этой свадьбой. Я сейчасъ отъ него.

Зеленые глаза заблистали у хозяйки дома, но она спросила съ притворнымъ равнодушіемъ.

— Кого же это такъ интересуетъ моя Анюта?

— Все графа, вашего сосѣда въ театрѣ, отвѣчала съ лукавой улыбкой генеральша-факторша.

А сосѣдомъ ложи Абрютиной былъ графъ Пыжницкій. Какъ-то это случилось неожиданно;

сначала онъ имѣлъ кресло посрединѣ въ первомъ ряду, а Абрютина сидѣла на противоположной сторонѣ посрединѣ; но потомъ она перемѣнила свою ложу на бенуаръ у самой сцены, а графъ свое кресло, и вслѣдствіе этого онъ очутился такъ близко возлѣ Анны Ларіоновны, что могъ не только разглядывать ее, но даже слышать каждое ея слово.

— У этого человѣка удивительная доброта; онъ такъ ласково всегда смотритъ на Анюту, точно она ему близкое существо.

Говоря это, Абрютина старалась придать своему голосу простодушный тонъ.

— Онъ ангелъ по сердцу; это рѣдко, чтобы въ его занятіяхъ сохранить такую нѣжность сердца. Обо всемъ-то онъ меня разспрашивалъ: не ревнивъ ли ея женихъ, не опрометчиво ли сдѣланъ выборъ.

Лицо Абрютиной сіяло; она подсѣла поближе къ гостьѣ и слэдкимъ и тихимъ голосомъ сказала:

— Будьте покойны; поступлено очень осмотрительно, мною все обдумано и взвѣшено. Положимъ даже, что Скобницкій и влюбленъ въ Анюту, какъ бываетъ влюбленъ обыкновенно пожилой человѣкъ въ очень молодую и хорошенькую дѣвушку; но онъ никогда не способенъ будетъ изъ какихъ нибудь глупостей портить себѣ карьеру. Онъ человѣкъ солидный, и будетъ ревновать свою жену только къ вѣтренымъ мальчишкамъ.

Я убѣждена, что если онъ женится, то захочетъ, чтобы его жена имѣла нѣкоторое вліяніе въ свѣтѣ, а расположеніе такого лица, какъ графъ, можетъ очень возвысить ее въ глазахъ свѣта.

— Оно такъ, Лизавета Игнатьевна; но Анетъ-то ваша очень странная дѣвушка! Вѣдь послѣдній разъ графъ былъ очень разсерженъ на нее въ театрѣ. Все время закрывалась отъ него вѣеромъ, и ни одного раза не взглянула на него ласково.

— Все это отъ молодости и отъ дурнаго воспитанія. Съ дѣтства ей не внушали уваженія къ достойнымъ лицамъ. Но будьте покойны, она сама скоро пойметъ, что за честь ей дѣлаетъ графъ.

— Еще бы! Да многія дамы съ ума бы сошли отъ такой чести!

— И она скоро оцѣнитъ его вниманіе. Вы бы удивились, что мнѣ было хлопотъ съ ней первое время. Она ни о чемъ не имѣла понятія. На свой ладъ хотѣла смотрѣть на вещи! О, много мнѣ было съ ней возни. Но она исправляется, и чѣмъ болѣе будетъ въ кругу людей солидныхъ, тѣмъ лучше ея образъ мыслей очистится отъ всякихъ дикостей. Анютѣ именно такой нуженъ мужъ, какъ Скобницкій, — съ характеромъ, съ честолюбіемъ и съ прекрасными понятіями объ обязанностяхъ людей, живущихъ въ обществѣ. Я выбрала ей надежнаго руководителя; только пусть графъ немедленно дастъ ему мѣсто своего

директора, какъ только Скобницкій женится на Анетъ; но не прежде, потому что Анетъ — дѣвушка безъ состоянія: надо, чтобы уравновѣшивались ихъ права.

Абрютина говорила все это время шопотомъ, какъ бы боялась, чтобы стѣны не разслушали ея словъ.

Гостья сидѣла близко къ ней, подставивъ свое ухо, и съ жадностью слушала хозяйку дома, и когда та замолкла, она сказала:

— А вы знаете, что ваше дѣло было испорчено директоромъ графа?

— Еще бы не знать! Да онъ мнѣ столько надѣлалъ вреда, что просто я ночи иногда не сплю по его милости. Скверный человѣкъ, не христіанинъ! Все только и думаетъ, какъ бы ближнему сдѣлать вредъ. Какъ эдакіе люди не боятся божескаго суда?

На лицѣ Абрютиной выступили красныя пятна, губы искривились и дыханіе ускорилось; она грозно продолжала:

— Я посмотрю, какъ она мнѣ будетъ дѣлать все на перекоръ, когда этого мерзавца выгонитъ графъ! Какъ-то будутъ подписываться тогда всѣ счеты, подаваемые ея протежѣ архитекторомъ?

И вмѣсто смѣха послышалось шипѣніе изъ устъ нравственной дамы.

Генеральша-факторша сіяла, упиваясь гнѣвомъ хозяйки дома и замѣтила ей съ простодушіемъ:

— Я боюсь одного, — что графиня не допуститъ своего мужа сдѣлать Скобницкаго директоромъ. Она мнѣ и такъ сдѣлала намекъ, что эта свадьба — одинъ разсчетъ съ обѣихъ сторонъ.

— Какая новость! А она выходила замужъ безъ разсчета? Она оказываетъ покровительство теперешнему директору тоже безъ расчета? Вотъ было бы мило, если бы я, какъ овечка, позволяла себя стричь! Да такіе люди, какъ она, давно бы меня съѣли.

— О, навѣрно! У ней нѣтъ никакого состраданія. Она ужь какъ, кажется, была расположена къ своему архитектору, а недавно сама меня просила поискать ему богатую невѣсту.

Абрютина радостно схватила гостью за руку и, сжимая ее, съ чувствомъ воскликнула:

— Поищемъ вмѣстѣ, поищемъ! Только такую невѣсту, которая бы всю жизнь свою срамила покровительницу своего супруга.

— Вы знаете, что онъ не прочь былъ бы жениться на Анетъ!

Это извѣстіе такъ озадачило Абрютину, что она ничего не нашла сказать въ первую минуту. Гостья продолжала:

— Я васъ удивлю, если по секрету скажу, что и графиня была бы не прочь женить его на Анетъ.

Абрютина встрепенулась; ярость такъ овладѣла ею, что она забыла хоть сколько нибудь скрыть

свое чувство. Она, дрожа всѣмъ тѣломъ, отвѣчала:

— Я знаю; я всѣ ея злые помыслы угадываю. Она боится Скобницкаго. Ей бы хотѣлось, чтобы Анетъ была женой преданнаго ей любовника, чтобы вооружить ее противъ меня и имѣть окончательно въ рукахъ своего мужа. Но этого не будетъ! Если бы Анетъ умирала отъ любви къ нему, я бы и тогда не согласилась выдать ее замужъ. Имъ не удастся ни разстроить свадьбы Анюты, ни свести ее съ любовникомъ графини! А я и не догадалась, зачѣмъ онъ вертится все у ней на глазахъ. Чего добраго, вообразилъ, что въ его румяное, глупое лицо такъ она и влюбится! Нѣтъ, онъ ужь пусть останется для такихъ старухъ, какъ графиня. Она, вѣрно, пріискала себѣ другаго, что....

Явился лакей въ комнату и прервалъ рѣчь барыни, доложивъ, что пріѣхалъ Скобницкій

Гостья встала: Абрютина уговаривала ее еще посидѣть, но Рудзевичъ дружески сказала:

— Нѣтъ, Лизавета Игнатьевна, третье лицо лишнее при свиданіи и первыхъ разговорахъ будущихъ родственниковъ.

— Такъ я беру съ васъ слово завтра заѣхать ко мнѣ.

— Буду; я надѣюсь, что вы не будете секретничать отъ меня, чѣмъ у васъ покончится дѣло.

— Ужь съ вами-то я стану секретничать!

И Абрютина самымъ дружескимъ пожатіемъ руки передала гостьѣ свое чувство. Но когда та пошла къ двери, она бросила на нее сердитый взглядъ и проворчала: старая лисица!

Абрютина очень раскаявалась, что увлеклась своей злобой и высказала многія тайны изъ своихъ плановъ. Она бы никогда не сдѣлала этого; но генеральша-факторша могла поспорить съ ней въ лицемѣрствѣ и хитрости. Однако Абрютина усѣлась на свое мѣсто и озаботилась теперь вооружиться своей лицемѣрной кротостью; она предчувствовала, что ей предстоитъ трудная сцена, которую надо разыграть очень ловко, потому что теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь, ей хотѣлось, чтобы именно Скобницкій былъ мужемъ ея племянницы, и врагъ ея, графиня, была поражена окончательно.

Почти съ самаго пріѣзда своей племянницы Абрютина задумала женить его на ней и такъ ловко наводила на эту мысль стараго холостяка, что, онъ, не подозрѣвая объ участіи посторонняго лица, осуществилъ планы хитрой старухи. Чиновническое честолюбіе Скобницкаго дозволяло Абрютиной питать пріятныя надежды, что онъ будетъ снисходителенъ къ кокетству своей жены съ вліятельными лицами и что такимъ образомъ подъ защитою ихъ, она, Абрютина, будетъ выигрывать самые неправые процессы и выторговы-

вать огромныя деньги отъ доставленія доходныхъ мѣстъ богатому чиновническому классу.

Одно пугало ее — это упрямство Анны Ларіоновны; но чтобы уничтожить ея упрямство, нужно было только выиграть время, а о средствахъ, какъ дѣйствовать, она не задумывалась: ихъ она съумѣетъ изобрѣсти.

Чтобы принять ласково гостя, Абрютина скорчила радостную улыбку; но она превратилась въ изумленную отъ мрачнаго лица жениха, вошедшаго въ комнату.

О наружности Скобницкаго можно было сказать только одно, что она выражала нахальнѣйшее сознаніе собственнаго достоинства, переходившее даже въ смѣшное. Впрочемъ это величіе въ его наружности много ему помогло при устройствѣ себѣ чиновнической карьеры. Это лицо, выражающее глубокое чувство самодовольства, умѣло также очень хорошо выражать и глубокое подобострастіе своимъ начальникамъ, которымъ, вѣроятно, пріятно было порабощать личность съ такой гордой осанкой. Но я, впрочемъ, послѣ поговорю о физическихъ и моральныхъ качествахъ Скобницкаго. Онъ вошелъ, какъ я уже сказалъ, съ мрачнымъ лицомъ, молча поклонился хозяйкѣ дома и усѣлся въ креслѣ, на которое она указала ему.

Развязность манеръ, изящность въ туалетѣ — доказывали ясно, что онъ принадлежалъ къ свѣтскимъ чиновникамъ.

Послѣ нѣкоторой непріятной паузы, онъ рѣзко сказалъ Абрютиной:

— Я пріѣхалъ объясниться съ вами.

— Что вамъ угодно? сладкимъ голосомъ спросила хозяйка дома.

— Я желаю видѣть Анну Ларіоновну....

— Она больна!... перебила его Абрютина и встревожилась отъ гнѣва, какимъ засверкали глаза гостя.

— Лихорадка, вслѣдствіе душевнаго потрясенія, поспѣшно прибавила Абрютина.

Гость замѣтно подавлялъ свое волненіе и, придавъ своему голосу неестественное равнодушіе, сказалъ:

— Въ послѣдній разъ, какъ я видѣлъ Анну Ларіоновну, я имѣлъ съ ней очень важный для меня разговоръ; но онъ былъ прерванъ, и я желалъ бы его окончить... Говорила ли она вамъ что нибудь объ этомъ разговорѣ? спросилъ онъ гнѣвнымъ тономъ.

— Говорила! явственно выговорила Абрютина, принявъ гордый видъ. Гость смутился, а Абрютина продолжала:

— Анюта очень откровенна со мной, даже въ пустякахъ.

— Вы знаете, что по городу распространились самые непріятные для меня слухи? съ отчаяніемъ выговорилъ Скобницкій, и, пытливо глядя на будущую свою родственницу, продолжалъ: — гово-

рятъ, что Анну Ларіоновну заставляютъ мнѣ дать слово.... Вы сознайтесь, что все это до крайности непріятно для меня. Да и кто могъ знать, что я сдѣлалъ ей предложеніе?

Скобницкій выходилъ изъ себя; Абрютина же только смиренно вздыхала и съ дрожащей слезой на глазахъ смотрѣла на потолокъ, такъ какъ неба не видно было съ дивана.

— Я не хочу разыгрывать такую глупѣйшую роль; я долженъ немедленно знать, что мнѣ отвѣчать на эти слухи....

Абрютина все молчала, и это молчаніе поставило въ тупикъ разгорячennаго гостя; онъ смолкъ, и наступилъ длинный и тягостный промежутокъ, въ которомъ хозяйка дома разыграла удачно мимическую сцену глубоко-обиженной благородной дамы, такъ что Скобницкій, смягчивъ свой голосъ, сказалъ:

— Вы извините меня, но я, право, потерялъ голову въ эти дни.

— Совѣсть моя чиста, Евграфъ Семеновичъ. Вотъ одно мое оправданіе. Еще могу вамъ сказать, что у Анетъ уже были женихи (Абрютина лгала), но подобныхъ исторій не было, и никакихъ толковъ не ходило по Петербургу. Впрочемъ, они обратились прямо ко мнѣ: я стороной говорила съ Анютой и узнавала расположеніе ея къ нимъ. И все это такъ вышло, что Анетъ даже не знаетъ до сихъ поръ, что у ней были женихи, да

и въ обществѣ ничего не говорили о ихъ сватовствѣ.

— Извините, я вижу, что я поступилъ неосторожно! насмѣшливо замѣтилъ Скобницкій.

— Я нахожу, что очень было поступлено неосторожно съ вашей стороны: говорить о такомъ важномъ предметѣ съ дѣвушкой, которая такъ неопытна, что не съумѣла ничего скрыть. Вы думаете, что никто, кромѣ васъ, не обращалъ на нее вниманія? Да меня уже мѣсяцъ тому назадъ спрашивали: не женихъ ли вы? Но такъ какъ я знала, что Анюта не имѣетъ еще никакого расположенія выходить замужъ, да и вы такъ маскировали свои чувства къ ней, то я утвердительно отвѣчала, что все это вздоръ. Даже, когда мнѣ Анюта передала вашъ разговоръ, я была въ недоумѣніи, что мнѣ было думать о васъ? И, признаюсь, обвинила Анюту въ вѣтрености.

— Признаюсь, я ничего не вижу страннаго, что пожелалъ узнать прежде расположеніе Анны Ларіоновны и потомъ уже дать гласность своему сватовству.

— Чтобы никто не могъ принудить ее дать вамъ слово? съ шипѣніемъ вмѣсто смѣха спросила Абрютина жениха, который при этомъ очень сконфузился.

— Я не скрою отъ васъ, Евграфъ Семенычъ, ласково продолжала Абрютина: — что недовѣріе

ваше меня огорчило и ваши подозрѣнія меня глубоко оскорбили.

— Помилуйте, я.... я самъ понимаю.... въ смущеніи произнесъ Скобницкій.

— Ну, оставимъ это! я незлопамятна! Для счастья Анюты я готова все перенести, потому что считаю васъ за благороднаго человѣка, который увлекся своими чувствами, Я душевно буду рада, если Анюта будетъ вашей женой.

Голосъ, какимъ Абрютина произнесла послѣднія слова, звучалъ сомнѣніемъ, такъ что женихъ измѣнился въ лицѣ и поспѣшно спросилъ:

— Развѣ Анна Ларіоновна не расположена ко мнѣ?

— Ничего не знаю! Такъ какъ вы не пожелали моего участія въ этомъ дѣлѣ, то я и не говорила ни слова съ ней объ васъ.

— Вы столько лѣтъ знали меня, что я питалъ надежду на ваше ко мнѣ хорошее расположеніе.

— И не ошиблись; я считаю за честь, что вы сдѣлали предложеніе моей племянницѣ.

Скобницкій наклонилъ голову въ знакъ благодарности и сказалъ:

— Я бы желалъ теперь знать мнѣніе о мнѣ Анны Ларіоновны, чтобы быть счастливымъ и спокойнымъ.

— Я убѣждена, что она о васъ очень хорошаго мнѣнія; но какъ дѣвица, она ни за что не ска-

жетъ вамъ этого въ глаза такъ, какъ я, старуха, говорю вамъ.

Лицо гостя просіяло: онъ вспомнилъ слова Абрютиной, что она прежде вывѣдывала мнѣніе своей племянницы о ея женихахъ и потомъ съ ними разговаривала.

— Я потому такъ настойчиво желаю знать рѣшеніе своей участи, что мнѣ хочется наконецъ прекратить глупые толки о себѣ.

— Я очень понимаю ваше непріятное положеніе, но право, все это произошло отъ болѣзни Анюты. Все же я васъ предупрежаю, что я, во избѣжаніе всякихъ нареканій, не буду вмѣшиваться въ это дѣло. Пусть она сама вамъ дастъ отвѣтъ. Я только буду объ одномъ васъ просить, — чтобы вы меня считали вашимъ преданнымъ другомъ, съ любезностью прибавила Абрютина.

— Благодарю васъ! съ чувствомъ отвѣтилъ ей женихъ.

— Такъ позвольте мнѣ, въ качествѣ вашего друга, дать вамъ дружескій совѣтъ. Вы не смотрите на мою Анюту, какъ на взрослую: она до пріѣзда въ Петербургъ была воспитана, какъ дитя природы. Потомъ, у ней страшная недовѣрчивость и застѣнчивость: это, вѣроятно, ей было внушено дурными наставницами. Мать у ней была больная женщина и потому не могла сама неусыпно слѣдить за воспитаніемъ своей дочери. А

ужь чужой глазъ не то, что свой!... Она вообразила, что тотъ только мужчина любитъ дѣвушку, кто дѣлаетъ разныя выходки, и потому она никакъ не можетъ себѣ вообразить, чтобы вы любили ее, потому что ваша любовь была спокойна и благоразумна.

— Я въ такихъ лѣтахъ, что считаю предосудительнымъ разыгрывать влюбленнаго мальчика.

— Я ей то же самое говорила, что одни глупые мальчишки выставляютъ на показъ свою любовь. До и сама-то она ни за что не покажетъ, къ кому она расположена; а напротивъ, будетъ съ тѣмъ человѣкомъ до неприличія холодна.

Скобницкій радостно улыбнулся; онъ не могъ похвастать, чтобы Анна Ларіоновна оказывала ему особенную нѣжность. Можетъ быть, покажется страннымъ читателю, какъ же онъ рѣшился все-таки жениться на ней? Но бо́льшая часть пожилыхъ, и, по какимъ либо отношеніямъ, значительныхъ холостяковъ, точно такъ женится на молодыхъ дѣвушкахъ. Они такъ погружены въ свое собственное величіе, такъ высоко цѣнятъ себя, что имъ и въ голову не приходитъ подумать, что молодую дѣвушку могутъ силою выдать за нихъ. Скобницкій, кромѣ естественнаго желанія имѣть красивую, молодую супругу, также сообразилъ и другія выгоды. Онъ мечталъ такъ устроить свой салонъ, чтобы всѣ вліятельные лю-

ди были у ногъ его красавицы-жены, которая, кокетничая съ ними до извѣстной степени, могла бы ихъ вліяніемъ доставлять ему чины и почетъ въ свѣтѣ и питать его самолюбіе.

Абрютина замѣтила, что онъ начинаетъ поддаваться на ея лесть, и залпомъ наговорила ему пропасть самыхъ пріятныхъ вещей. Онъ спросилъ:

— Значитъ, я могу надѣятся, что Анна Ларіоновна приметъ благосклонно мое предложеніе.

—Я увѣрена, но только не торопитесь, не запугивайте ее, дайте ей свыкнуться съ мыслью, что вы ее любите; она никакъ не ожидала, чтобы могла вамъ понравиться. Да и для меня было бы лучше, если бы вы не спѣшили; можетъ, вы бы и подмѣтили какіе нибудь недостатки въ характерѣ Анюты.

— Что же дѣлать, я буду терпѣливъ, покорно отвѣчалъ Скобницкій.

— И прекрасно; она въ это время попривыкнетъ къ вамъ. А насчетъ городскихъ сплетенъ, — я знаю, кто въ нихъ замѣшанъ.

Скобницкаго передернуло: онъ торопливо спросилъ:

— Я желалъ бы знать, кто это такой....

— Нашъ общій врагъ! уклончиво отвѣчала Абрютина и прибавила успокоительно: — будьте покойны; до Анюты не дойдутъ никакіе слухи. Вы знаете, что ни одна свадьба не обходится

безъ завистниковъ и клеветниковъ? А счастью Анюты многіе могутъ завидовать.

Гость всталъ, чтобы проститься съ Абрютиной, но она остановила его слѣдующими словами:

— Ахъ, позвольте мнѣ, Евграфъ Семенычъ, вамъ сообщить самый главный недостатокъ въ Анютѣ. Она — бѣдная невѣста, и кромѣ меня у ней нѣтъ никого, кто бы принялъ въ ней участіе. Но вы знаете, что я люблю ее, какъ своихъ дѣтей.

На послѣднюю фразу нравственная дама старалась сдѣлать удареніе, чтобы женихъ могъ сообразить о будущемъ наслѣдствѣ отъ нея. Объ отцѣ своей невѣсты онъ имѣлъ уже понятіе, и потому ничего не надѣялся получить. Скобницкій понялъ намекъ Абрютиной и обрадовался, но скрылъ эту радость и небрежно отвѣчалъ:

— Для меня рѣшительно все равно — богата или бѣдна Анна Ларіоновна.

— Я очень вѣрю; но все же я обязана была васъ предупредить, хоть для формы.

И Абрютина привстала съ своего мѣста, чтобы оказать почетъ будущему своему родственнику, котораго успѣла обмануть въ будущемъ наслѣдствѣ, въ расположеніи своей племянницы и въ томъ, что она невинна въ распространеніи слуховъ о его сватовствѣ. Она разсчитала очень вѣрно, что Скобницкій, самолюбивый до болѣз-

ненности и упрямый до крайности, настоитъ на своемъ, если дойдутъ до него слухи, что ему отказала Анна Ларіоновна. И она не ошиблась въ своемъ разсчетѣ; онъ теперь страшился больше всего на свѣтѣ, чтобы не разошлась свадьба, и готовъ былъ слѣдовать совѣтамъ женщины, которую онъ зналъ за самую хитрую, злую и неспособную шагу сдѣлать для другаго, безъ какихъ нибудь себялюбивыхъ цѣлей.

— Итакъ, Евграфъ Семенычъ, сладкимъ голосомъ сказала Абрютина:—прошу васъ отбросить теперь всѣ пустыя церемоніи со мной и считать мой домъ, какъ родной вамъ. Я всегда и во всякое время рада буду васъ видѣть; вѣроятно, найдутся и другія, которыя васъ будутъ встрѣчать съ этими же чувствами, но только подъ наружной холодностью или равнодушіемъ.... Прощайте! до скораго свиданія!...

Будущіе родственники разстались очень довольные другъ другомъ. Каждый воображалъ, что онъ перехитрилъ и ловко скрылъ свои настоящія чувства и цѣли.

Теперь я объясню читателю, что такое за личность женихъ Анны Ларіоновны. Выше я уже сказалъ нѣсколько словъ о его величаво-самодовольной физіономіи. Но я долженъ еще паспортнымъ тономъ описать его наружность. Въ сущности это даже лишнее, потому что каждый изъ читателей вѣроятно встрѣчалъ въ своей жизни

не одного Скобницкаго; а они всѣ на одно лицо, —по крайней мѣрѣ, выраженіе одно и то же. Но слѣдуя обычаю, опишу его примѣты: росту виднаго, полноты умѣренной, бѣлокуръ, всегда отлично вычесанъ и выбритъ; черты лица не рѣзкія, но не красивы; глаза маленькіе, сѣрые, болѣе хитрые, чѣмъ умные. Но самое главное — сіяніе самодовольства, озаряющее не только физіономію, но и всю фигуру. Впрочемъ нужно сказать, что это выраженіе величія и довольства не было у него природнымъ, а появлялось и росло постепенно, по мѣрѣ повышенія въ чинахъ, и достигло до такихъ смѣшныхъ размѣровъ только уже при полученіи генеральскаго чина. Не знаю, гдѣ бы еще онъ могъ взять новую дозу величія при полученіи слѣдующаго чина? Вѣроятно это обстоятельство доставитъ ему не мало затрудненія, такъ какъ навѣрное можно сказать, что съ повышеніемъ въ чинѣ онъ непремѣнно захочетъ производить все болѣе эффекта и своей наружностью. Можетъ быть, читателю придетъ въ голову басня Крылова о лопнувшей лягушкѣ; но на этотъ счетъ можно быть спокойнымъ: подобнаго несчастія никогда не можетъ случиться съ свѣтскимъ, да и со всякимъ чиновникомъ:—ихъ эластичность во всѣхъ отношеніяхъ изумительна. Скобницкій явился въ Петербургъ еще въ ранней молодости. Тогда онъ былъ бѣденъ: объ этомъ могутъ засвидѣтельствовать содержатели маленькихъ ресто-

ранчиковъ, куда собираются всѣ бѣдняки-чиновники съ полусвѣтскими стремленіями. Въ молодости Скобницкій только, можетъ быть, въ свои именины обѣдывалъ въ модныхъ свѣтскихъ ресторанахъ. Кто бы могъ тогда подумать, что этотъ, никому неизвѣстный, хотя и щепетильно одѣтый молодой господинъ, черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ съѣдать дорогіе обѣды въ этихъ же великолѣпныхъ ресторанахъ и небрежно отвѣчать на раболѣпные вопросы хозяина: доволенъ ли онъ заказаннымъ обѣдомъ? Съ какой благодарностью и умиленіемъ содержатель дорогаго ресторана теперь принимаетъ небрежное киваніе его головы при входѣ, когда прежде даже не отвѣчалъ ему на вѣжливый его поклонъ! Но что дѣлать! Петербургъ такъ наводненъ бѣдняками, молодыми чиновниками съ высшими стремленіями къ свѣтскости, что трудно озабоченному содержателю гостинницы предугадывать ихъ великую будущность! Эти господа являются и исчезаютъ такъ же незамѣтно, какъ въ жаркій лѣтній день, послѣ теплаго дождя, на дорожкахъ сада показывается безчисленное множество маленькихъ лягушекъ, и потомъ вдругъ опять неизвѣстно куда исчезаютъ эти скользкія твореньица. Впрочемъ бываютъ во всемъ исключенія, и изъ числа этихъ-то рѣдкихъ исключеній былъ Скобницкій.

Я сейчасъ постараюсь объяснить, какимъ образомъ такого рода молодые чиновники, безъ со-

стоянія и покровителей, съ одними упорными стремленіями къ карьерѣ и способностями къ свѣтскости, достигаютъ виднаго положенія въ обществѣ. Одни на начальническихъ балахъ вытанцовываютъ себѣ покровительство пожилыхъ дамъ, не ниже шестаго класса. Потомъ ихъ женятъ на богатыхъ невѣстахъ, и разбитые на ноги танцоры дѣлаются очень видными лицами и роскошничаютъ на чужія деньги. Другія же чиновники, съ высокими стремленіями свѣтскости и тщеславнаго честолюбія, высиживаютъ въ департаментахъ чиновническую премудрость, которая несложна: надо ловко подкапываться подъ своихъ сослуживцевъ, чтобы обратить вниманіе начальника, затѣмъ—добиться чести говорить съ нимъ глазъ на глазъ; тогда чиновникъ отмѣченъ въ толпѣ своихъ собратовъ. Рабской лестью и унизительной угодливостью онъ расположитъ къ себѣ начальника, тотъ выдвинетъ его на видное мѣсто въ департаментѣ, а хорошій окладъ доставитъ ему и видное положеніе въ полусвѣтскомъ обществѣ, если у него есть высшія стремленія къ аристократизму.

Но съ такимъ громаднымъ честолюбіемъ и раздраженнымъ самолюбіемъ, какимъ былъ зараженъ Скобницкій, онъ не могъ удовлетворяться виднымъ мѣстомъ въ чиновническомъ мірѣ и полусвѣтѣ. Ему нужна была власть, которой бы онъ могъ утолить свое раздраженное самолюбіе, которое столько лѣтъ оскорблялось его свѣтскимъ и

чиновническимъ ничтожествомъ. И энергія его въ достиженіи повышеній не знала границъ....

Заговорившись о чиновнической натурѣ Скобницкаго, я ничего не сказалъ о его родословной, даже о его родителяхъ; но это потому, что Скобницкій хранилъ глубокое молчаніе о своихъ родителяхъ, а со стороны мнѣ не было случая слышать объ нихъ. Но вѣрно было то, что онъ принадлежалъ къ дворянскому сословію: это могутъ засвидѣтельствовать его носовые платки, на которыхъ всегда была вышита дворянская корона. Состояніе, которое имѣлъ въ сію минуту Скобницкій, досталось ему самымъ страннымъ образомъ. У него были двѣ троюродныя тетки, о которыхъ онъ почти забылъ, потому что онѣ имѣли близкихъ наслѣдницъ послѣ своей смерти; но судьба забросила его по службѣ именно въ тотъ губернскій городъ, гдѣ проживали эти двѣ старыя дѣвы, и онѣ до того прониклись благоговѣніемъ къ чиновному своему троюродному племяннику, что, устранивъ прежнихъ своихъ наслѣдницъ, завѣщали ему все свое имущество. Такимъ образомъ онъ уже получилъ значительныя деньги отъ одной умершей тетки и долженъ былъ еще вдвое получить отъ другой. Получивъ средства удовлетворять своимъ аристократическимъ претензіямъ, Скобницкій сдѣлался въ короткое время завиднымъ женихомъ въ полусвѣтскомъ обществѣ. Но онъ не могъ рѣшиться взять себѣ

въ жены полусвѣтскую барышню. Онъ такъ боялся насмѣшекъ аристократическихъ свѣтскихъ людей, съ которыми былъ только тактирно знакомъ, что ни за что бы не женился и на Аннѣ Ларіоновнѣ, если бы ею не восхищались всѣ истинно свѣтскіе и полу-свѣтскіе мужчины въ цѣломъ Петербургѣ.

Скобницкій потому такъ долго не женился, что никогда не могъ увлечься сердцемъ! Послѣ полученія наслѣдства онъ сталъ подумывать о женитьбѣ, и то болѣе для комфорта. Но, увидавъ красивую и молоденькую дѣвушку съ оригинальнымъ характеромъ, онъ нашелъ, что такую жену еще можно бы ему имѣть, если только придать ей аристократическій лоскъ. Когдаж е Анна Ларіоновна сдѣлалась предметомъ всеобщаго вниманія въ Петербургѣ, то мысль о женитьбѣ начала его преслѣдовать и наконецъ такъ имъ овладѣла, что онъ спалъ и видѣлъ—имѣть блистательный салонъ, въ которомъ всѣ сановитые волокиты—старики и аристократическая молодежь будутъ у ногъ жены его. Скобницкій рѣшилъ, что Анна Ларіоновна будетъ его женой, какъ онъ нѣкогда рѣшилъ достичь генеральскаго чина.

ГЛАВА X.

Всѣми докторами признано, что путешествіе есть самое лучшее средство лѣченія противъ

всѣхъ душевныхъ болѣзней. Но я сомнѣваюсь, чтобы это средство очень успѣшно дѣйствовало на дѣвственныхъ и живописныхъ дорогахъ нашего отечества. Путешествующему въ Россіи надо имѣть значительный чинъ, дормезъ и курьера, чтобы на станціяхъ его не задерживали лошадьми, не запрягали ему хромыхъ и еле-дышащихъ клячъ; чтобы ему открывались чистыя, топленыя комнаты, безъ угару; чтобы ему дали обѣдъ изъ свѣжей провизіи; чтобы его не держали у перевоза по 5 часовъ, а немедленно подавали бы крѣпкій дощаникъ съ достаточнымъ числомъ народа, который вытащилъ бы изъ грязи его экипажъ при подъемѣ въ гору. При такихъ условіяхъ есть возможность странствовать и по Россіи, и даже, можетъ быть пріятнѣе, чѣмъ за границей, гдѣ шоссе до несносности гладко, лошади всегда готовы, и гдѣ подъ-гору и въ-гору не скачутъ сломя голову, а спускаются и подымаются осторожно.

Многіе русскіе гордятся скорой ѣздой въ Россіи, и даже доказываютъ ею величіе народнаго духа. Но, къ сожалѣнію, далеко не передъ всѣми раскрывается это величіе: имъ могутъ наслаждаться и вдохновляться къ патріотизму только путешественники значительнаго чина, ѣздящіе въ удобныхъ дормезахъ, да лихіе офицеры, да еще по особой милости судьбы — мелкіе чиновники, спѣшащіе по казеннымъ надобностямъ, —

въ родѣ закупки винъ къ предстоящему балу у начальника, или осмотра земли, которую онъ хочетъ купить. Путники же, не имѣющіе подобныхъ привилегій, обыкновенно еле-еле тащатся на изувѣченныхъ лошадяхъ, терпятъ безпрерывныя остановки и просиживаютъ по нѣскольку часовъ въ грязи, изъ которой обыкновенно ихъ вытаскиваютъ грубые и невѣжественные проѣзжіе мужики.

Мнѣ часто приходило въ голову: что, если бы грубый нашъ мужичокъ былъ такъ же равнодушенъ къ несчастью путешественниковъ въ дорогѣ, какъ всегда бываютъ равнодушны образованные проѣзжающіе? Пришлось бы многимъ, засѣвъ въ грязи, умереть отъ холода и голода.

Въ нашихъ соотечественникахъ вообще замѣчается умилительная любовь къ природѣ: но это похвальное чувство иногда очень невыгодно отзывается на бокахъ бѣдныхъ путешественниковъ, принимая слишкомъ уже идиллическій и консервативный характеръ. Изъ любви къ живописнымъ ландшафтамъ, у насъ оставляютъ неприкосновенными трясины, ухабы, обрывы и грязь по проѣзжимъ дорогамъ. Если гдѣ образовалась яма или громадная лужа, въ родѣ болота, такъ и будетъ она стоять неопредѣленно-долгое время, точно какая святыня или такое явленіе природы, съ которымъ справиться нѣтъ силъ человѣческихъ....

Карсановъ поѣхалъ на перекладныхъ, потому что, какъ извѣстно, у насъ надо родиться въ сорочкѣ, а можетъ, и въ двухъ, чтобы получить мѣсто въ дилижансѣ, не записавшись заранѣе мѣсяцемъ, а весной — такъ и двумя. Удобство ѣзды на перекладныхъ знакомо, конечно, многимъ изъ нашихъ читателей. Какъ ни былъ Карсановъ одушевленъ цѣлью своего путешествія, однако онъ не могъ не почувствовать боли въ груди отъ толчковъ телѣги по замерзшему шоссе, боли въ желудкѣ отъ рубленныхъ котлетъ изъ неизвѣстнаго мяса и боли въ головѣ отъ угарныхъ комнатъ на станціяхъ, гдѣ его заставляли по три часа ждать лошадей. Съ каждымъ шагомъ комфортабельнаго путешествія жолчь все болѣе накипала въ груди его, — и не отъ однѣхъ дорожныхъ непріятностей, неизбѣжно преслѣдующихъ у насъ путешественника, ѣдущаго на перекладныхъ, да еще притомъ нигдѣ не служащаго: кромѣ личныхъ своихъ непріятностей, Карсановъ былъ безпрестанно и глубоко возмущаемъ печальными и мрачными сценами изъ русскаго быта, которыхъ обыкновенно не видятъ счастливцы, разъѣзжающіе въ спокойныхъ дормезахъ. Нищенскій видъ деревень и ихъ обитателей, который также не совсѣмъ доступенъ наблюденію изъ дормезовъ и отъ котораго самъ Карсановъ отвыкъ было нѣсколько, вслѣдствіе долгаго удаленія отъ

сельскихъ видовъ, также наполнилъ теперь грудь его новою горечью....

Какъ ни торопился Карсановъ, но онъ пробылъ въ дорогѣ долго, не смотря на то, что не спалъ ни одной ночи, а все ѣхалъ и оправдывалъ пословицу: «тише ѣдешь — дальше будешь;» онъ потратилъ много денегъ, чтобы его везли скорѣе; ямщикъ дѣйствительно, вслѣдствіе обѣщанной прибавки, скакалъ минутъ пять сломя голову, но за то десять минутъ исправлялъ потомъ оборванную постромку. А сколько времени пропало даромъ у Карсанова въ ожиданіи перевоза, лошадей на станціи, и сколько перепорчено крови разговорами съ станціонными смотрителями!... За все это Карсановъ вознаграждалъ себя отрадною надеждою спасти любимую дѣвушку. Но по мѣрѣ приближенія къ цѣли путешествія, силы его все болѣе истощались, а съ тѣмъ вмѣстѣ слабѣла и надежда. При концѣ пути даже какой-то безотчетный страхъ и смущеніе овладѣли имъ....

Карсановъ прибылъ въ деревню Ларіона Петровича вечеромъ, совершенно измученный. Не смотря на темноту поздняго осенняго вечера, онъ различалъ знакомыя ему избы, бывшія гнилыми еще во время его дѣтства, а теперь имѣвшія уже до того безобразный видъ, что не вѣрилось, чтобы тутъ могли жить люди. Въ немногихъ избахъ горѣла лучина и пропускала въ узкое окошечко тусклый свѣтъ на землю, да и тотъ засти-

лался чьей нибудь фигурой, бросившейся посмотрѣть на проѣзжающаго. Знакомый лай жучекъ и шавокъ встрѣтилъ Карсанова и проводилъ по всей деревнѣ. Проѣзжая черезъ деревню, Карсановъ невольно припомнилъ всѣ ужасы безчисленныхъ горестей и страданій, видѣнныхъ имъ почти въ каждой избѣ, когда онъ еще мальчикомъ бывалъ въ нихъ, то съ своимъ дѣдушкой, приходившимъ туда исповѣдывать умирающихъ, то одинъ, по просьбѣ крестьянина — написать письмецо въ далекую сторону какому нибудь члену семейства, сосланному въ Сибирь или отданному въ солдаты.

«Что это, столько горя вездѣ?» грустно думалъ Карсановъ, въѣзжая въ околицу и приближаясь къ барскому дому....

Какъ водится, дворня радостно встрѣтила Карсанова, не потому, чтобы она особенно его любила, а просто потому, что рада была всякому новому лицу. Съ первыхъ же словъ Карсановъ узналъ отъ дворни, что Ларіонъ Петровичъ уже извѣщенъ о женихѣ Анны Ларіоновны. Это чрезвычайно огорчило Карсанова, и, желая дать исходъ своей тоскѣ и безпокойству, онъ хотѣлъ ссйчасъ же говорить съ Ларіономъ Петровичемъ объ участи его дочери. Но было уже поздно, баринъ почивалъ, и пылкій юноша долженъ былъ остаться въ томительномъ ожиданіи до слѣдующаго дня.

Карсановъ не хотѣлъ быть помѣщеннымъ близко къ Ларіону Петровичу, а пожелалъ устроиться въ комнатѣ Анны Ларіоновны, не смотря на то, что дѣвичья давно была переведена во флигель къ нѣмкѣ, и комнаты были нетоплены и пусты.

При входѣ въ холодную, почти пустую комнату Анны Ларіоновны, онъ почувствовалъ такую грусть, какъ будто бы вошелъ въ могильный склепъ. Фортепьяно, комодъ, стулья, даже портреты знаменитыхъ писателей, подаренные Карсановымъ Аннѣ Ларіоновнѣ, — все было унесено. Оставалась одна кровать, два стула изъ дѣвичьей, да столъ у окна, гдѣ всегда сидѣла Палагея за своей работой. Старикъ лакей, въ длинномъ сѣромъ сюртукѣ изъ толстаго сукна, съ высокимъ воротникомъ, растапливалъ печь и съ лакейской заискивающей привѣтливостью объяснялъ Карсанову, что горница скоро согрѣется и что онъ сейчасъ подастъ самоваръ.

Этого лакея Карсановъ зналъ давно: онъ нѣкогда пользовался благоволеніемъ барскимъ за свое шутовство и наушничество, даже одно время былъ управляющимъ въ деревнѣ, но вскорѣ снова занялъ мѣсто лакея съ титломъ наушника. Фигура старика не располагала въ его пользу. Онъ былъ очень тощъ, лицо небольшое, покрытое крупными морщинами, лобъ узкій, голова острая, покрытая рѣдкими, длинными, выцвѣвшими

каштановыми волосами съ небольшой просѣдью; сѣрые, маленькіе живо бѣгающіе глаза, заискивающая улыбка, медовый тонъ голоса, мягкія лакейскія манеры,—все говорило въ немъ, что онъ мелкой руки плутъ и принадлежитъ къ тѣмъ типамъ старыхъ дворовыхъ лакеевъ, о которыхъ съ такимъ сочувствіемъ вспоминаютъ многіе помѣщики, сожалѣя, что въ новомъ поколѣніи дворни нѣтъ уже такихъ типовъ и такого умилительнаго, искренняго подобострастья....

— Какъ затопишь печь, Епифанъ, позови ко мнѣ Палагею и Дуняшу, сказалъ Карсановъ лакею, который, кряхтя, всталъ съ колѣней и съ лакейской любезностью отвѣчалъ:

— Авдотьѣ Агѣвнѣ я доложу-съ, какъ изволитъ проснуться баринъ. Онѣ-съ завсегда при нихъ въ это время: вѣдомость читаютъ, пока Ларіонъ Петровичъ дремлетъ-съ.

Карсановъ подивился вѣжливому тону Епифана о Дуняшѣ, которую тотъ самъ прежде преслѣдовалъ, называя ублюдкомъ и полубарышней.

Епифанъ продолжалъ послѣ нѣкотораго промежутка:

— А на счетъ Палагеи, я осмѣлюсь доложить вашей милости, что не могу вамъ ее послать.

— Это почему? она жива, здорова? торопливо спросилъ Карсановъ.

— Жива-съ! многозначительно произнесъ Епифанъ и какъ-то весело прибавилъ: — ея ужь нѣтъ

во дворѣ; сослали на деревню. — Улыбка злорадства замерла на его старческихъ губахъ.

Карсановъ былъ пораженъ такимъ неожиданнымъ извѣстіемъ.

— Скоро годъ, камъ самъ баринъ далъ приказъ, чтобы ея нога не была на барскомъ дворѣ, не токмо въ барскихъ покояхъ, важно продолжалъ Епифанъ.

— За что же это? разскажи скорѣе, пугливо произнесъ Карсановъ.

Епифанъ съ большою охотою исполнилъ желаніе гостя.

— Хоть Палагея и ходила въ Кіевъ на богомолье послѣ отъѣзда своей барышни, началъ онъ наставительнымъ тономъ: — но о душеспасительномъ смиреніи не подумала. Какъ увидала это она, вернувшись, что дѣвичья-то переведена на нѣмкину половину, да и ключи-то отъ барскаго добра всѣ у ней, вотъ наша старуха и взбѣленилась, что не она теперь домоправительница. Я ей тогда же говорилъ: «что вы, молъ, Палагея Тихоновна, хотите своей гибели, что вы обносите барскія приказанія?» Такъ она тогда меня же облаяла, «ты, говоритъ, извѣстный подлипало, у тебя, говоритъ, нѣтъ ни души, ни совѣсти.» Ну, все это, знаете, и дошло до барина. А тутъ она не стала пущать Авдотью Агѣвну во флигель. А онѣ-съ тихонько убѣгали. Старуха пуще бранить ихъ-съ.... Вотъ разъ нѣмка и по-

жалуйся барину на Палагею, да знаете, — такъ и скажи, что Палагея не хочетъ пускать Авдотью Агѣвну во флигель къ ней, и разное другое передала, — стѣрухины штуки. Да и выбрала она такое время жаловаться, когда Ларіонъ Петровичъ изволили находиться во всей своей барской силѣ. Вы вѣдь знаете, какъ опасливо имъ тогда поперечить или осердить ихъ чѣмъ? Ихъ милость сами пошли къ Палагеѣ. А она, шальная, какъ окрысится, — встала поперегъ порога, гдѣ спрятала Авдотью Агѣвну, да таково дерзко какъ крикнетъ: — «не пущу ее, говоритъ, задушу лучше своими руками, чѣмъ мнѣ видѣть, какъ ее сгубятъ.» — Подняла перстъ къ небу да и прикрикни на барина-то: «Ты, говоритъ, — думаешь, не накажетъ тебя Богъ! Нѣтъ, говоритъ, онъ все видитъ.» — Ну, сами извольте посудить, пріятно ли, чтобы холопка учила барина страху божьему?... Извѣстно, Ларіонъ Петровичъ осерчали и своей барской важности не уронили.... Тутъ она точно снопъ грохнулась объ полъ. Видѣвши этакую неприличность, Ларіонъ Петровичъ ужь совсѣмъ разгнѣвались, вытащили Палагею на крыльцо и ножкой пихнули, а намъ всѣмъ настрого приказали не трогать ея, а какъ очнется, такъ прогнать съ барскаго двора.... Мы думали: не встанетъ молъ, наша старуха; гдѣ ужь! Лежитъ точнехонько мертвая; ночь-то была такая морозная, свѣтлая, мѣсяцъ такъ-таки пря-

мо и свѣтитъ ей въ лицо.... Намъ даже точно какъ будто страшно стало, и ушли мы, оставили ее.... Одначе, за ночь пропала она. Два дня ни слуху, ни духу не было о ней.... потомъ нашли ее у дороги. Видите, — поджидала все Анну Ларіоновну, чтобы жаловаться да просить защиты.... Совсѣмъ рехнулась старуха. Только и словъ, что ея барышня скоро пріѣдетъ....

И Епифанъ пожалъ плечами и поучительно заключилъ свой разсказъ:

— Глупая, вздорная баба, сударь! Жила бы себѣ покойно, кабы не вздумала поперечить барской волѣ. Думала, что уважутъ ее!... Какъ же! Вотъ и ходи теперь нищенкой, гдѣ день, гдѣ ночь проводи.... Разъ она повстрѣчалась барину, — онъ изволилъ съ охоты ѣхать Вотъ было смѣху-то! Она побѣги отъ него, а собаки-то глупыя за ней.... Чуть ее не разорвали. Да Палагея такъ испужалась, что влѣзла на дерево. Ей-богу! просто на-диво, какъ это она могла вскарабкаться, — старая этакая....

Епифанъ тихо и невинно ухмылялся. Карсановъ слушалъ Епифана съ дрожью ужаса и негодованія, и не въ силахъ былъ произнести слова. Онъ даже облокотился руками о столъ и закрылъ лицо, чтобы не видать фигуры разсказчика, въ чертахъ котораго, впрочемъ, вовсе не было той страшной жестокости, съ какой онъ описывалъ мученія бѣдной старухи. Обезсмысленный своей

жизнью, старикъ находилъ дикую отраду въ подробномъ изображеніи чужихъ бѣдствій, происшедшихъ вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, отъ которыхъ и самъ онъ потерпѣлъ не мало.

— Вѣрно опочивать желаете послѣ дороги? спросилъ медовымъ голосомъ Епифанъ, видя, что Карсановъ сидитъ неподвижно:—я принесу скорѣе самоварчикъ, извольте-ка на здоровье выкушать чайку, да и въ постельку....

Епифанъ вернулся въ комнату черезъ четверть часа, неся самоваръ, и нашелъ Карсанова все въ той же позѣ.

Карсановъ чувствовалъ какое-то томительное оцѣпенѣніе. Все тѣло его было разбито отъ дороги, дрема клонила его, а между тѣмъ голова горѣла отъ мрачныхъ думъ и представленій. Въ его разгоряченномъ воображеніи живо нарисовались ужасныя картины,—какъ несчастная старуха лежитъ на снѣгу и мѣсяцъ свѣтитъ въ ея полумертвое лицо, какъ она бродитъ по лѣсу, какъ карабкается на дерево отъ собакъ... Точно кошмаръ началъ душить Карсанова: ему стало казаться, что онъ видитъ все это предъ собою въ сію минуту.

Онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и перемѣнилъ положеніе, но не вдругъ очнулся совершенно. Машинально смотрѣлъ онъ на Епифана, дѣлавшаго ему чай, а самъ блуждалъ мысленно, Богъ знаетъ, гдѣ.

— Вы вотъ изволите смотрѣть на меня, Дмитрій Степанычъ, да чай думаете, какъ я состарѣлся? спросилъ гостя Епифанъ со вздохомъ. — Да какъ не состариться! Денно-ночно все о барскомъ добрѣ радѣешь, вся жизнь моя въ эвтомъ прошла. Доложу вамъ, вотъ хоть бы намеднись, всю ночь не сплю. Меня бабушка Афросинья.... Ваша милость помните Афросинью?

Карсановъ кивнулъ головой, не слушая старика.

— Такъ она и спрашиваетъ меня: что ты, говоритъ, все ворочаешься, да охаешь: «не спится, говорю; все, молъ, думается о барскомъ добрѣ». Она мнѣ и отвѣчаетъ: ужь ты родной, говоритъ, и такъ весь извелся за барское-то добро.... Я, доложу вашей милости, ужь такимъ уродился. Кажись, если бы баринъ видѣлъ мою внутренность, такъ и цѣны бы мнѣ не далъ. А то, вѣрите ли, сударь, — вѣдь вотъ надрываешься для барской пользы, а какая милость ихъ будетъ теперь мнѣ подъ старость? Вотъ хоть бы управлять ихъ мужиками, — я ли ужь, кажется, дурно управлялъ? Не одну тысячу имъ, небось, положилъ въ карманъ. Лѣсъ теперича я продалъ ихній, — такъ покупщика-то плакать заставилъ!.. Ужь такъ, какъ я старался для пользы барской, врядъ ли найдетъ другаго такого слугу Ларіонъ Петровичъ. А что я получилъ за все мое радѣніе ихъ милости? Хоть бы ласковое слово: «спа-

сибо, молъ, тебѣ, Епифанъ». И того нѣтъ! Что я теперь такое значу? подъ началомъ у всякаго нѣмца. Я небось плевалъ на мужика-то, когда управлялъ имѣніемъ-то: свѣтилъ бы, молъ, мѣсяцъ, а до звѣздъ мнѣ нужды нѣтъ. Пусть мужики орутъ, что я у нихъ отнялъ луга, да подъ барское взялъ, — я ни въ чемъ не упущу барскую выгоду. Да и что взяли мужики, какъ пришли жаловаться на меня баринѣ? Ничего! ихъ же баринъ изругалъ. Да извѣстно, — барину и не слѣдъ дворового слугу на мужика мѣнять. Мужикъ, осмѣлюсь доложить вамъ, сударь, что такое? Онъ объ себѣ да о своемъ семействѣ думаетъ, а я, и всякій дворовый слуга, такъ, не жалѣючи своего живота, заботишься о барскомъ добрѣ.... Да я вотъ, для одной барской потѣхи, имя, данное мнѣ при святомъ крещеніи, промѣнялъ на прозвище — Рюмочкинъ. Вотъ вы меня никогда такъ не называете, а вѣдь всѣ другіе — Рюмочкинъ да Рюмочкинъ. Мнѣ становой разъ говоритъ: «что это ты себѣ такое прозвище, старикъ, избралъ?» Да развѣ я по охотѣ? Все для барской забавы. Изъ шутки все оно и вышло. Увидалъ меня баринъ, что я, знаете, послѣ стола эдакъ хлебнулъ изъ барской рюмки. Ихъ милость погрозили да и изволили сказать: «ахъ ты Рюмочкинъ». И сами разсмѣяться изволили; даже барыня улыбнулась. На другой день послали меня въ городъ за виномъ, я привезъ счетъ

барину, да и подпиши счетъ: отъ Рюмочкина. Баринъ съ барыней опять очень тѣшились. Съ тѣхъ вотъ поръ я и пошелъ за Рюмочкина. Кажись, точно всѣ имя-то мое настоящее забыли.... Рюмочкинъ да Рюмочкинъ.... Что же это вы не изволите кушать чай-то, Дмитрій Степанычъ? спросилъ вдругъ старикъ, до того увлекшійся разсказами о самомъ себѣ, что только тогда вспомнилъ о чаѣ, когда окончилъ говорить и обратилъ вниманіе на Карсанова, который по прежнему сидѣлъ глубоко задумавшись.

— Постелю вамъ постельку, и съ Богомъ, отдохните-ка, прибавилъ Епифанъ, отправляясь стлать постель, но не могъ, чтобы опять не заговорить о себѣ, и началъ съ тяжелымъ вздохомъ.

— Эхъ, эхъ! вспомянетъ еще Рюмочкина! Небось присланный-то изъ Петербурга управляющій форсисто держитъ себя. Небось денегъ грош не дастъ, какъ надо посылать за виномъ. Теперь только одну волюшку и имѣетъ, что во дворѣ. Видимъ, все видимъ; шила въ мѣшкѣ не утаишь. Самъ-то не хочетъ признаться, что имѣнье-то теперь у нѣмца подъ начальствомъ; да мы вѣдь видимъ, что нѣмецъ только и слушаетъ, какъ что изъ Петербурга прикажутъ.... Вотъ и постелька готова вашей милости, закончилъ свою болтовню Епифанъ. Но, послѣ нѣкотораго молчанія, онъ откашлянулся, подошелъ къ

столу и, принявъ раболѣпно-льстивый видъ, слезнымъ голосомъ произнесъ:

— Я къ вашей милости прибѣгаю, Дмитрій Степановичъ.

— Что такое? спросилъ Карсановъ старика.

— Да изъявите вашу милость, попросите за вѣрнаго барскаго слугу нашу барышню, Анну Ларіоновну.

— О чемъ?

— Чтобы они потребовали меня у папеньки къ себѣ въ услуженіе-съ. Говорятъ, ихъ будущій супругъ очень богаты-съ; значитъ, нуженъ будетъ вѣрный слуга, чтобы порадѣть о барскомъ добрѣ. А ужь Рюмочкинъ постоитъ за себя, будетъ такъ же служить съ душевнымъ усердіемъ, какъ ихъ маменькѣ и папенькѣ.

И старикъ заплакалъ.

— О чемъ же ты плачешь? Да и почему ты думаешь, что Анна Ларіоновна непремѣнно выйдетъ за этого жениха замужъ? спросилъ Карсановъ.

— Это ужь вѣрно-съ, вытирая себѣ глаза, увѣренно отвѣчалъ старикъ.—Лизавета Игнатьевна изволили писать объ этомъ барину и просили, чтобы они прислали письмо, и чтобы было дано родительское ихъ благословеніе и согласіе-съ.

— Письмо послано? съ такимъ испугомъ воскликнулъ Карсановъ, что старикъ вздрогнулъ и вытаращилъ на него глаза.

— Писалъ, что ли? нетерпѣливо воскликнулъ Карсановъ. Епифанъ посмотрѣлъ на него и съ разстановкой отвѣчалъ:

— Не могу доложить-съ, Дмитрій Степанычъ. Авдотья Агѣевна, можетъ, изволитъ знать.

— Позови ее скорѣе ко мнѣ, въ волненіи сказалъ молодой человѣкъ и заходилъ по комнатѣ. Но старикъ остановилъ его, упавъ передъ нимъ на колѣни. Карсановъ упрашивалъ его встать, но старикъ хныкая сказалъ:

— Смѣю васъ просить, не оставьте просьбу несчастнаго старика! Меня нѣмецъ здѣсь убьетъ. Онъ и такъ разъ меня избилъ ногайкой, такъ что я впалъ въ безчувствіе-съ.

— Какъ же онъ смѣлъ?

— Да онъ никого не боится-съ; я, говоритъ, здѣсь баринъ!.. Ей-богу-съ, спросите, кого хотите. А меня онъ хочетъ извести за то, что я открылъ его кляузы, да и послалъ письмецо къ Лизаветѣ Игнатьевнѣ. Она ему выговоръ, а кто-то и снаушничалъ нѣмцу, что я писалъ письмо. Вотъ онъ меня и мучитъ теперь.

— Да ты встань сперва съ колѣнъ, а то я тебя не буду слушать, твердилъ ему Карсановъ, и старикъ приподнялся.

— Ну, а что же Ларіонъ Петровичъ не защитилъ тебя? спросилъ Карсановъ; Епифанъ отчаянно махнулъ рукой и мрачно отвѣчалъ:

— Да вы теперь барина-то и не узнаете! Нѣ-

мецъ-то съ нѣмкой на него напустили просто порчу какую-то. По ночамъ не спитъ, только вотъ послѣ обѣда эдакъ часу со втораго до десяти, и то Авдотья Агѣвна должна находиться при нихъ, чтобы кто не вошелъ съ черными умыслами. Такой сталъ сердитый, — просто бѣда. Чуть увидитъ кого съ веселымъ лицомъ, такъ и вскинется на того. Иной разъ самъ расправится, а то и нѣмцу дастъ приказаніе.... А нѣмецъ, — это какъ есть разбойникъ! Я знаю, онъ меня ужь подведетъ подъ барскій гнѣвъ. Подкапывается! Кабы не Авдотья Агѣвна, кажись, нѣмецъ.... ухъ, — что̀ бы надѣлалъ!...

Разговоръ съ Епифаномъ произвелъ самое горестное впечатлѣніе на Карсанова: онъ сталъ рѣшительно отчаяваться въ успѣшности своего ходатайства за Анну Ларіоновну. Все какимъ-то мракомъ подернулось въ его душѣ, и даже закралось въ голову невольное сомнѣніе о томъ, будетъ ли какая нибудь возможность Аннѣ Ларіоновнѣ жить вмѣстѣ съ одичалымъ и помѣшаннымъ человѣкомъ, если бы онъ даже и захотѣлъ взять ее отъ тетки. Успокоивъ Епифана обѣщаніемъ передать его просьбу Аннѣ Ларіоновнѣ, Карсановъ опять попросилъ его позвать Дуняшу. Епифанъ проворно вышелъ, чтобы исполнить его просьбу.

Оставшись одинъ въ комнатѣ, Карсановъ сѣлъ на стулъ близь растопившейся печки и погрузился въ воспоминанія своего дѣтства и юности.

Какъ любила, бывало, Анна Ларіоновна, еще маленькой дѣвочкой, сидѣть въ сумерки въ своей комнатѣ, при свѣтѣ разгорѣвшейся печки, и слушать его расказы изъ читанныхъ имъ путешествій по дикимъ странамъ! Какъ потомъ, когда она выросла, онъ любилъ этотъ полумракъ, въ которомъ онъ могъ какъ-то смѣлѣе говорить съ ней. Какъ живо онъ помнитъ ее въ ситцевомъ платьицѣ, съ дѣтски-ясными взглядами, съ безпечнымъ смѣхомъ и болтовней, среди которой вдругъ появлялась въ ней по временамъ какая-то инстинктивная стыдливость, если рѣзвость ея переходила мѣры и она подмѣчала вспыхнувшую краску на щекахъ своего бывшаго товарища дѣтскихъ игръ. Пока не надѣлъ Карсановъ студенческаго мундира, Анна Ларіоновна, при встрѣчѣ съ нимъ, послѣ долгой разлуки и при прощаньи, бросалась ему на шею и крѣпко цаловала его. Но потомъ она стала стѣсняться въ изъявленіяхъ своихъ чувствъ. Хотя потомъ, попривыкнувъ къ мундиру, она по прежнему, слушая его чтеніе, склоняла на его плечо свою голову или бѣгала съ нимъ по саду, взявшись за руки, но Палагея постоянно стыдила ее за такія вольности въ обращеніи и наконецъ вбила ей въ голову, что это неприлично. Впрочемъ и самъ Карсановъ годъ отъ года дѣлался серьёзнѣе въ обращеніи съ Анной Ларіоновной, а когда наконецъ замѣтилъ въ себѣ любовь

къ ней, то въ обращеніи съ ней началъ чувствовать большую неловкость и застѣнчивость.

Шорохъ въ дверяхъ прервалъ воспоминанія Карсанова. Онъ повернулъ голову и увидалъ въ комнатѣ дѣвушку, еще очень молоденькую и красивую, но типа совершенно противоположнаго Аннѣ Ларіоновнѣ. Смуглота, смѣлое выраженіе лица, огненные черные глаза, худощавость еще не совсѣмъ сложившейся фигуры, даже небольшой ростъ ея, — все составляло рѣзкій контрастъ съ бѣлокурой, высокой и граціозной фигурой Анны Ларіоновны. И при всемъ томъ, не смотря на рѣзкое различіе типовъ, въ этихъ двухъ дѣвушкахъ нельзя было съ перваго же взгляда не замѣтить чего-то общаго. Въ расположеніи этихъ красивыхъ чертъ лица, въ очертаніи рта и нѣжномъ абрисѣ головы у обѣихъ было такъ много родственнаго, что при взглядѣ на одну невольно припоминалась другая.

— Дуняша! нерѣшительно произнесъ Карсановъ, вставъ со стула.

— Вы меня не узнали, Дмитрій Степанычъ? спросила Дуняша, и въ звукѣ ея голоса тоже было сходство съ Анной Ларіоновной.

— Боже мой, какъ вы выросли! сказалъ Карсановъ, подходя къ дѣвушкѣ, которая вспыхнула, какъ зарево, отъ его пристальнаго взгляда и потупила глаза, но тотчасъ же опять подняла ихъ на гостя и съ сожалѣніемъ сказала:

— А вы такъ очень похудѣли, точно больной какой!

— Я очень усталъ съ дороги. Но вы скажите мнѣ скорѣе, что̀ такое у васъ тутъ дѣлается? Просто, я своимъ ушамъ не вѣрю.... За что бѣдную Палагею выгнали отсюда?

Дуняша измѣнилась въ лицѣ и торопливо спросила:

— Барышня здорова-съ?

— Она васъ обѣихъ по прежнему любитъ и поминаетъ. Платочекъ вамъ прислала.... я выну послѣ изъ чемодана.... Что же вы мнѣ не отвѣчаете ничего о Палагеѣ? съ упрекомъ спросилъ Карсановъ.

— Правда-съ, что барышня выходитъ за богатаго замужъ? опять задала вопросъ Дуняша, замѣтно уклоняясь отъ отвѣта.

— Напротивъ, она хочетъ пріѣхать сюда.

Дуняша слегка вздрогнула и съ замѣтной досадой выговорила:

— Ну ужь, что имъ тутъ дѣлать: онѣ отъ скуки съ ума сойдутъ здѣсь! Да одного страху-то что натерпятся, какъ баринъ начнетъ чудесить. Ружья заряжаетъ, двери и окна заставляетъ въ своей комнатѣ.... просто иной разъ волосъ дыбомъ встанетъ, — такой онъ страшный!.. Нѣтъ, не надо имъ ѣхать сюда, пусть за самаго послѣдняго жениха выходятъ, а имъ не надо воротаться въ деревню.

Дуняша, потчи задыхаясь отъ волненія, проговорила все это очень скоро.

Карсановъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за Дуняшей и, видя, что она какъ-то нервно дрожала, ласково сказалъ ей:

— Вы очень любите Анну Ларіоновну и боитесь за нее, что ей здѣсь будетъ дурно жить? Но вѣдь ей, бѣдной, и тамъ нехорошо оставаться. Она думала, что ея возвращенію вы всѣ обрадуетесь?

— У нихъ есть богатый женихъ: чѣмъ же онѣ бѣдныя? спросила съ наивностью Дуняша.

— Да она его не любитъ.

— Такъ пускай выйдутъ за того, кого онѣ любятъ, отвѣчала Дуняша, бросивъ пристальный взглядъ на Карсанова, который настолько былъ наивенъ, что даже покраснѣлъ отъ полунамека дѣвочки на его любовь.

Дуняша не безъ умысла сдѣлала этотъ намекъ; она, можетъ быть, первая подмѣтила въ Карсановѣ его любовь къ своей барышнѣ. Вертясь въ дѣвичьей, въ застольныхъ и лакейскихъ, дѣвочка слышала толки дворни, что не слѣдъ къ барышнѣ въ комнату пускать молодаго поповскаго сына,— чего добраго, еще за него выйдетъ замужъ, и они должны будутъ служить поповичу. Потомъ она стала подмѣчать за молодымъ человѣкомъ и увидала, что онъ точно краснѣетъ и дичится барышни, когда она разрѣзвится съ нимъ. Дуняшѣ да-

же хотѣлось самой ему понравиться и выйти за него, на зло всей дворнѣ. Какой бы она ходила тогда барыней, въ шляпѣ и шелковыхъ салопахъ! Еще почти ребенкомъ думала она объ этомъ, потому что Палагея, въ-сердцахъ на Карсанова, сказала разъ въ дѣвичьей, что «вонъ ему кто жена», и указала на Дуняшу.

— Анна Ларіоновна никого не любитъ и не хочетъ выходить замужъ, съ грустью, но выразительно отвѣтилъ Карсановъ на намекъ Дуняши, которая скороговоркой отвѣчала, какъ бы разсуждая сама съ собой:

— Завсегда такъ! Кого всѣ любятъ, тѣ никого не любятъ.

Карсановъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Дуняшу; онъ никакъ не ожидалъ отъ нея подобныхъ разсужденій.

— Развѣ вы не хотите, чтобы всѣ любили Анну Ларіоновну? съ упрекомъ спросилъ онъ.

Дуняша потупила глаза и нахмурилась. Ясно можно было видѣть, что она не очень пріязненно расположена къ своей барышнѣ. Этимъ открытіемъ молодой человѣкъ былъ очерь огорченъ, и, чтобы допытаться до истины, онъ съ намѣреніемъ спросилъ Дуняшу:

— Скажите мнѣ прямо, Дуняша, любите ли вы еще настолько Анну Ларіоновну, чтобы помочь мнѣ спасти ее отъ большаго несчастія? Только говорите правду!

— Что же я могу сдѣлать для барышни? съ ироніею спросила Дуняша.

— Говорятъ, Ларіонъ Петровичъ васъ.... началъ было говорить Карсановъ, но Дуняша, вся вспыхнувъ и засверкавъ глазами, съ досадою перебила его.

— А! вамъ ужь успѣли на меня насказать.... Я не корчу барышню, я знаю, что сегодня меня сажаютъ за барскій столъ, а завтра сошлютъ тарелки мыть. Нечего сказать, есть чему завидовать мнѣ! Кто бы зналъ, что я терплю! Небось дѣлу меня не хотятъ учить: какъ просила барина, чтобы меня учили играть на фортепьянахъ, — такъ нѣтъ! Читать сама научилась, а то бы и этого не знала. А небось цыгана нанялъ меня учить — пѣть ихъ пѣсни да плясать. Весело, что ли, мнѣ шутихой-то быть, какъ съѣдутся у него гости? Танцуй да пой имъ всю ночь. Вино пей, насильно въ ротъ вольютъ. Послѣдній разъ чуть жива осталась; такъ меня много заставили пить! Я и плакала-то, и стояла на колѣняхъ передъ бариномъ, ничего не хотѣлъ слышать. Право, иной разъ хоть утопиться хочется! Кому меня пожалѣть, — только всѣ бранятъ.

И Дуняша горько заплакала, прислонясь къ стѣнѣ.

Карсановъ взялъ за руку бѣдную дѣвушку и печально, растроганнымъ голосомъ, сказалъ ей:

— Мнѣ васъ очень, очень жаль, Дуняша.

Карсановъ понялъ естественную непріязнь ея къ Аннѣ Ларіоновнѣ, участь которой ей казалась такой завидной: о той и сожалѣютъ, и заботятся, тогда какъ о Дуняшѣ никто даже добраго слова не скажетъ.

— Вы обѣ несчастны, что родились въ этомъ домѣ! прибавилъ Карсановъ въ волненіи.

— Я родилась во дворѣ: пусть бы лучше меня не брали въ горницы, всхлипывая замѣтила Дуняша.

— Увѣряю васъ, Дуняша, что не много счастливѣе Анна Ларіоновна отъ того, что не въ избѣ родилась. Какія между вами могутъ быть непріятности? Вы должны любить другъ друга.

— Отъ моей любви никому не будетъ ни теплѣе, ни холоднѣе жить на свѣтѣ, сердито отвѣтила Дуняша, вытирая глаза.

— Почемъ знать, можетъ, гораздо было бы теплѣе, если бы вы захотѣли, хоть напримѣръ, защитить бѣдную Палагею. Она васъ такъ любила! Изъ-за васъ же и пострадала.

— Ну ужь, хорошо мнѣ и отъ нея доставалось! Такъ меня завсегда бранила, что просто страхъ. Очень любила!

Послѣднія слова дѣвушка выговорила ядовито-насмѣшливо.

— Можетъ, она дѣлала вамъ много непріятностей, но вы теперь не дитя и можете сами обсу-

дить: вѣдь то, чего она боялась за васъ, начинаетъ сбываться.

Дуняша закрыла лицо руками и хотѣла выбѣжать изъ комнаты.

Карсановъ удержалъ ее и продолжалъ съ нѣжнымъ упрекомъ.

— Полноте, Дуняша, останьтеся, поговоримъ о васъ. Право, мнѣ васъ искренно жаль.

— Пустите, пустите меня! съ дикимъ отчаяніемъ твердила она, вырываясь изъ рукъ Карсанова, но онъ удержалъ ее и продолжалъ говорить все искреннѣе и нѣжнѣе.

— Дуняша, выслушайте меня; я вамъ отъ всего сердца желаю добра. Я васъ помню ребенкомъ! Я, какъ братъ вашъ, хочу не осуждать васъ, а остеречь, спасти васъ. Узнавъ вашу жизнь, кто рѣшится васъ обвинять? Я, можетъ быть, не съумѣлъ дать вамъ совѣтъ, обидѣлъ васъ? Такъ простите меня.

Дуняша, какъ будто магнитизируемая ласковыми словами Карсанова, утихала и наконецъ осталась предъ нимъ въ неподвижной задумчивости. Лицо ея горѣло яркимъ румянцемъ, и она съ благодарностью и съ удивленіемъ глядѣла на своего утѣшителя. Онъ уже замолкъ, а она все еще смотрѣла ему въ глаза, какъ бы желая, чтобы онъ продолжалъ говорить.

— Вы не сердитесь на меня теперь, Дуняша? прервалъ Карсановъ молчаніе дѣвушки.

Дуняша покачала головой, не спуская съ него своихъ огненныхъ глазъ.

— Что же вы такъ смотрите на меня? спросилъ Карсановъ.

— Я?... какъ бы очнувшись выговорила Дуняша, стыдливо опустивъ глаза. — Я все думала, какъ бы хорошо было мнѣ жить, если бы хоть кто нибудь говорилъ со мной такъ, какъ вы. Никто со мной такъ ласково никогда не говорилъ. А вѣдь я не такая еще злая.... я вотъ теперь для васъ, хоть въ огонь пойду.

И лицо Дуняши приняло такое восторженное выраженіе, что Карсановъ даже испугался. Онъ увидалъ, что Дуняша полна дикой пылкости, о которой она сама не имѣетъ понятія. Надо было дѣйствовать на нее осторожно и не увлекать ея, избыткомъ новыхъ ощущеній, изъ грубаго міра дѣйствительности.

— Въ огонь я васъ ни за что не пошлю, а только попрошу васъ приготовить Ларіона Петровича, что я хочу его видѣть и поговорить съ нимъ объ Аннѣ Ларіоновнѣ, которую силой хотятъ выдать замужъ.

— Какъ же барыня писала, что она влюблена въ своего жениха? спросила Дуняша.

— Нѣтъ, это не правда.

Дуняша мрачно поглядѣла на Карсанова, который продолжалъ:

— Анна Ларіоновна никого не любитъ и ни за

кого замужъ не хочетъ, а желаетъ, чтобы взяли ее отъ тетки, потому что это очень дурная и злая женщина.

— Вы часто видались съ барышней?

— Ни разу съ тѣхъ поръ, какъ видѣлся съ ней здѣсь передъ ея отъѣздомъ. Меня не допустили даже передать ей самой въ руки письмо отца.

— Какъ же вы знаете, что она не хочетъ выходить замужъ? пытливо спросила дѣвушка.

— Она писала мнѣ объ этомъ.

Дуняша задумалась, потомъ отвѣчала.

— Съ Ларіономъ Петровичемъ сегодня вамъ нечего и говорить. Онъ только вчера гостей проводилъ. Очень сердитъ сегодня.... А завтра я вамъ скажу, когда можно будетъ, съ нѣкоторымъ сознаніемъ своей важности сказала Дуняша и уходя прибавила тихо: — я къ вамъ опять приду, только узнаю, не спрашивалъ ли онъ меня.

И она дружески и кокетливо кивнула головой молодому человѣку и скрылась.

— Несчастная! замѣтилъ ей вслѣдъ Карсановъ.

Не успѣлъ онъ придти въ себя отъ свиданія съ Дуняшей, какъ въ попыхахъ вошелъ Епифанъ въ комнату и радостно сказалъ:

— Дмитрій Степанычъ! Палагея пришла!

Карсановъ радостно и поспѣшно воскликнулъ:

— Гдѣ же она? веди ее сюда!

— Что вы! Какъ можно ее пустить въ горни-

цу! Я спряталъ ее въ чуланъ. Она какъ увидала, вѣрно, огонь въ комнатѣ барышни, такъ и прибѣжала, да и стоитъ во дворѣ. Я это иду и вижу ее. Она мнѣ бултыхъ въ ноги. Дай, говоритъ, хоть въ щелку на мою родную посмотрѣть, а тамъ, говоритъ, хоть изрѣжьте меня на куски. Я, знаете, и согласись, только отперъ дверь сначала въ чуланъ, потомъ повелъ ее въ сѣни, да какъ поровнялся съ чуланомъ, пихнулъ ее туда, да и заперъ.

И Епифанъ старчески смѣялся, идя за Карсановымъ въ сѣни и продолжая говорить:

— Вы не извольте къ ней близко-то подходить: нелегкая ее знаетъ, — вѣдь не въ своемъ разумѣ. Поди тутъ!

Карсановъ вошелъ со свѣчой въ рукахъ въ длинный чуланъ, гдѣ валялся всякій хламъ. Въ самомъ углу, прижавшись къ стѣнѣ, стояла Палагея въ грязномъ и ободранномъ рубищѣ. Она дико смотрѣла на приближавшагося къ ней Карсанова; тотъ ужаснулся, какъ исхудала несчастная, какое страдальческое, пугливое выраженіе появилось у ней въ лицѣ.

— Палагея Тихоновна! окликнулъ ее осторожно Карсановъ.

Старуха не шевелилась, только глаза у ней какъ-то раскрылись больше.

Карсановъ подошелъ къ ней близко, поставил свѣчу на какой-то ящикъ и сказалъ:

— Я вамъ привезъ поклонъ отъ вашей барышни, Анны Ларіоновны.

Полагея вся задрожала.

— Она васъ цѣлуетъ.... скоро будетъ здѣсь.

Изъ груди старухи вырвался радостный вопль, и она ринулась на грудь Карсанову, обняла его голову и стала цаловать, потомъ судорожно сжала его шею руками, повисла на ней да такъ и замерла. Карсановъ не замѣчалъ, что у него самого слезы лились изъ глазъ. Онъ бережно посадилъ старуху на ящикъ, гдѣ стояла свѣча, когда ея ослабѣвшія руки выпустили его шею.

Палагея просидѣла нѣсколько минутъ въ какомъ-то забытьи, потомъ подняла голову, поглядѣла кругомъ и болѣзненнымъ голосомъ произнесла:

— Мнѣ показолось, что она стояла здѣсь?

— Нѣтъ, она въ Петербургѣ; но скоро пріѣдетъ къ вамъ, сказалъ Карсановъ.

Палагея вздохнула и жалобно сказала:

— Ахъ, кабы поскорѣе! Мочи моей нѣтъ, какъ мнѣ тяжело безъ нея!

— Пойдемте въ комнату, Палагея Тихоновна.

Старуха пугливо вскочила на ноги, но Карсановъ удержалъ ее и ласково сказалъ:

— Я васъ никому не дамъ обидѣть!

Палагея бросилась ему въ ноги съ дикимъ воплемъ.

— Защити, защити хоть ты меня, голубчикъ; не дай меня псамъ на съѣденіе!

— Что вы, полноте, Палагея Тихоновна! подымая ее съ колѣнъ и самъ чуть не плача, говорилъ Карсановъ. — Вотъ скоро пріѣдетъ Анна Ларіоновна; мы по прежнему заживемъ. Пойдемте; я ужь васъ не дамъ въ обиду.

И Карсановъ повелъ Палагею за руку изъ чулана.

Старуха на каждомъ шагу пугливо озиралась и крѣпко жала руку своего проводника. Она торопливо прошла дѣвичью, но на порогѣ дѣтской, гдѣ столько лѣтъ провела съ барскимъ ребенкомъ, она остановилась, какъ бы припоминая что-то тяжелое, и не шла въ комнату. Карсановъ грустно глядѣлъ на бѣдную жертву материнской преданности чужому ребенку, и въ немъ подымалось яростное чувство озлобленія. У него у самого начинало мутиться въ головѣ.... Однако онъ сдѣлалъ усиліе надъ собой и осторожно ввелъ старуху въ комнату.

Увидавъ постель Анны Ларіоновны, Палагея кинулась къ ней, припала на нее лицомъ и, упавъ на колѣни, осталась неподвижна.

Карсановъ стоялъ возлѣ, погруженный въ какое-то полудремотное, чрезвычайно мучительное состояніе. Рыданія старухи заставили его очнуться; эти вопли навели на него ужасъ: точно она плакала надъ могилой Анны Ларіоновны.

— Полноте плакать, Палагея Тихоновна: вы вѣдь этимъ очень огорчите Анну Ларіоновну, сказалъ Карсановъ, не зная, какъ прекратить вопли старухи.

Слова эти произвели магическое дѣйствіе. Старуха быстро встала, вытерла слезы и довольно бодро сѣла къ печкѣ на стулъ, на который усадилъ ее Карсановъ, обложивъ ее подарками, купленными имъ для нея на дорогѣ, по просьбѣ Анны Ларіоновны. Палагея, собравъ ихъ всѣ въ кучу, положила себѣ на грудь и крѣпко прижала руками.

Карсановъ налилъ ей чаю; старуха съ аппетитомъ выпила его и замѣтила:

— Я давно не пила ничего горячаго. А ужь какъ хотѣлось иной разъ погрѣться. Господи, Господи! За что это меня Богъ наказываетъ?

— Забудьте старое; поговоримъ объ Аннѣ Ларіоновнѣ.

— Я только о ней все и думаю; все она у меня на умѣ. Утромъ проснусь да и думаю: кто ей ножки закутаетъ, какъ она одѣяльце во снѣ сброситъ? Кто ей, моей родной, чайку сдѣлаетъ хорошенькаго? Бѣлье-то хорошо ли у ней вымыто, да въ порядкѣ ли? А кто приласкаетъ ее, кто уложитъ ее въ постельку да перекреститъ?... Бывало, не заснетъ, ежели я выйду изъ комнаты. Ахъ ты, моя красавица! не забыла меня! спасибо, спасибо!

Старуха говорила, все понижая голосъ, и закончила шопотомъ, и задумалась. Какая-то тишина разлилась по страдальческому лицу Палагеи; ей вѣроятно чудилось, что она держитъ на рукахъ свою маленькую барышню и убаюкиваетъ ее.

Карсановъ сидѣлъ смирно, не желая нарушить спокойствія Палагеи, котораго она давно не испытывала. Но вдругъ дверь съ шумомъ распахнулась, и Дуняша вошла въ комнату съ банкой варенья. Увидавъ Палагею, она вскрикнула: — ахъ!!

Палагея быстро повернулась на стулѣ и, увидавъ Дуняшу, медленно стала подниматься, дрожа всѣмъ тѣломъ, и дикими глазами впивалась въ нее.

Карсановъ взялъ банку изъ рукъ оробѣвшей дѣвушки и хотѣлъ ее ободрить; но Палагея съ сжатыми кулаками кинулась на нее. Дуняша отчаянно вскрикнула и спряталась за Карсанова, который всталъ между старухой и дѣвушкой.

— Пустите меня, дайте мнѣ задушить эту злодѣйку. Я лучше возьму грѣхъ на душу, а ужь избавлю отъ этой змѣи Анну Ларіоновну.

Карсановъ силою усадилъ старуху на стулъ и повелительно сказалъ ей:

— Я не позволю васъ никому обидѣть, и ее не дамъ вамъ обижать. Она сама у васъ попроситъ прощенья, въ чемъ виновата. Но не забудь-

те, что она еще почти дѣвочка, и ежели дѣлала зло какое, такъ по глупости, по наущенію дурныхъ людей. Надо старшихъ винить, а не ее!

— Нѣтъ, она, она виновата! мотая грозно головой, твердила старуха. И, выпрямясь, она съ отвращеніемъ сказала:

— Вонъ отсюда, тварь! Не ходи въ эту комнату съ своимъ распутствомъ.

Дуняша бросилась на колѣни и въ отчаяніи воскликнула:

— Палагея Тихоновна, голубушка, поклянусь передъ образомъ!... Дмитрій Степанычъ, не вѣрьте, я кля.....

И Дуняша застонала, припавъ головой къ землѣ.

— Вонъ, вонъ! кричала старуха, стоя надъ ней съ сжатыми кулаками.

— Палагея Тихоновна, простите ее; вѣдь она бѣдная сирота, умоляющимъ голосомъ произнесъ Карсановъ.

Палагея подозрительно посмотрѣла на рыдавшую у ея ногъ дѣвушку и произнесла торжественно:

— Поклянись передъ образомъ....

— Къ чему клясться! вѣдь она разскаялась во всемъ, — прервалъ старуху Карсановъ и продолжалъ:

— Вы лучше приласкайте ее, да поплачьте вмѣстѣ объ вашей общей горькой участи. И безъ

васъ найдется много людей, которые будутъ корить ее. Простите ее хоть для Анны Ларіоновны: она думала, что вы безъ нея бережете и ласкаете Дуняшу.

Палагея въ изнеможеніи упала на стулъ, слезы потекли у ней по щекамъ, и она кротко сказала:

— Развѣ мнѣ самой-то легко все это? Я боюсь, чтобы она, моя голубушка, не узнала обо всемъ, что здѣсь дѣлается....

Карсановъ подозвалъ Дуняшу къ Палагеѣ; та робко встала передъ ней на колѣни. Карсановъ взялъ руку старухи и положилъ ей на голову.

— Ну, простите же сей всѣ ея вольные и невольные грѣхи.

— Богъ тебя проститъ! съ тяжкимъ вздохомъ выговорила старуха. Дуняша уткнула свою голову въ колѣни старухи и рыдала горько.

Карсановъ съ растерзаннымъ сердцемъ глядѣлъ на эту группу и думалъ: на какихъ таинственныхъ законахъ основывается жребій людской.... и проч.

Разсужденія Карсанова о справедливости въ обществѣ были прерваны Епифаномъ, который, просунувъ свою голову въ дверь, торопливо крикнулъ: «Авдотья Агѣвна, васъ баринъ къ себѣ требуетъ», — и скрылся.

Палагея схватила голову Дуняши, прижала къ груди и сказала ей:

— Не ходи; лучше убѣжимъ въ лѣсъ.

— Пустите ее, Палагея Тихоновна. Ларіонъ Петровичъ сегодня очень сердитъ, замѣтилъ Карсановъ старухѣ.

— Ну, пусть опять придетъ самъ сюда! Дуняша, ты не ходи! Теперь есть кому за насъ заступиться, говорила старуха, лаская дѣвушку.

— Я, Палагея Тихоновна, не только въ лѣсъ готова пойти съ вами, да хоть въ прорубь броситься,—такъ мнѣ тошна моя жизнь, съ искренностью отвѣчала Дуняша.

— Да, не ходи, не ходи! твердила свое старуха, гладя по головѣ Дуняшу, которая, не смотря на Карсанова, говорила ему:

— Божусь вамъ, моя жизнь, Дмитрій Степанычъ, не лучше каторги. Легко ли мнѣ день и ночь, какъ привязанной собакѣ, быть возлѣ полоумнаго. Иной разъ онъ какъ звѣрь рычитъ на меня. А его-то еще дразнятъ, — то Амалія Ивановна, то Карлъ Карлычъ.... Ну, силъ нѣтъ, просто измучишься въ это время: все видите, надо веселить его, чтобы онъ не серчалъ.

Въ комнату вбѣжалъ блѣдный мальчикъ и, задыхаясь, съ ужасомъ выговорилъ.

— Авдотья Агѣвна, голубушка, иди скорѣе. Ларіонъ Петровичъ на Рюмочкина осердился.

Дуняша было бросилась къ двери, но остановилась, смотря вопросительно на Карсанова, который ей сказалъ печально-ласковымъ голосомъ:

— Идите! и прибавилъ, обращаясь къ Палагеѣ: — не мѣшайте ей сдѣлать доброе дѣло!

И онъ дружески и одобрительно кивнулъ Дуняшѣ головой на дверь.

Дѣвушка радостно ему улыбнулась и выбѣжала изъ комнаты. Палагея подошла къ образу, стала на колѣни и начала усердно молиться.

Карсановъ не могъ оставаться въ комнатѣ: его мучила неизвѣстность, что то дѣлается съ Дуняшей и съ Епифаномъ. Заперевъ на ключъ двери за собой, чтобы Палагея на ушла, онъ отправился въ застольную.

Въ большой, низкой и грязной избѣ, освѣщенной сальной плошкой, толпилась почти вся дворня; говоръ былъ страшный, такъ что никто не замѣтилъ въ первую минуту присутствія гостя. Но когда увидали его, толпа раздалась, и Карсановъ увидѣлъ Епифана; онъ сидѣлъ на скамейкѣ и всхлипывалъ. Завидѣвъ Карсанова, старикъ всталъ съ мѣста, упалъ ему въ ноги и завылъ. Карсановъ усадилъ старика и спросилъ его о Дуняшѣ.

Но тотъ заговорилъ о себѣ.

— Вотъ-съ, Дмитрій Степанычъ, смѣю доложить вашей милости, что за мою заслугу я получилъ!...

Карсановъ поспѣшилъ уйти изъ мрачной и душной избы. Онъ пошелъ-было прямо къ Ларіону Петровичу, чтобъ вразумить его и высвобо-

дить Дуняшу; но его не допустила прислуга, увѣряя, что Дуняшѣ будетъ плохо за его заступничество. Карсановъ долженъ былъ отправиться назадъ къ себѣ въ комнату. Онъ чувствовалъ головокруженіе отъ всего, что видѣлъ и слышалъ по прибытіи своемъ въ это пріятное и тихое по наружности сельское уединеніе.

Палагея продолжала молиться, когда онъ вернулся въ комнату.

Измученный душой и тѣломъ, Карсановъ бросился на постель, думая о томъ, какъ трудно исполняется желаніе человѣка дѣлать добро ближнему, между тѣмъ какъ — лишь задумай онъ дѣлать вредъ и зло людямъ, — какое раздолье ему представляется всюду!...

Нѣсколько безсонныхъ ночей, проведенныхъ Карсановымъ въ дорогѣ, взяли свое. Онъ сталъ засыпать и только смутно, какъ бы въ туманѣ, носился передъ нимъ образъ Анны Ларіоновны, то ребенкомъ, то дѣвочкой, то разцвѣтшей красавицей въ блистательномъ нарядѣ, то опять въ черномъ платьѣ....

Но вдругъ онъ вздрогнулъ, почувствовалъ чью-то руку на своей головѣ. Онъ открылъ глаза; Палагея стояла возлѣ него и сказала ему своимъ прежнимъ голосомъ, какимъ говаривала, бывало, еще при Аннѣ Ларіоновнѣ.

— Я хотѣла тебя спросить, Дмитрій Степанычъ.

— О чемъ?

— Да за чѣмъ ты пріѣхалъ сюда? не свататься ли на ней?

— Нѣтъ! съ тяжелымъ вздохомъ отвѣтилъ Карсановъ.

— Да ты очень ее, что ли, любишь?

— Очень!

— А она не хочетъ выходить за тебя замужъ?

— Нѣтъ, она меня не любитъ! почти съ рыданіемъ произнесъ Карсановъ и уткнулъ лицо въ подушку.

— Какъ слѣдуетъ быть барышня! пробормотала съ гордостью старуха и отошла отъ постели.

Тоска и волненіе усилились во всемъ организмѣ Карсанова отъ прерваннаго сна и отъ неумѣстногорькихъ допросовъ и замѣчаній старухи. Онъ не могъ лежать и всталъ.

Палагея сидѣла у стола своего и перебирала въ ящикѣ брошенные тамъ обрывки отъ старыхъ чулокъ, да моточки нитокъ.

— Что же ты не спишь? спросила она его.

— Да не могу; мнѣ все думается, что не хорошо будетъ Аннѣ Ларіоновнѣ теперь жить здѣсь?

— И я все объ этомъ тоже думала, пугливо произнесла старуха и въ волненіи быстро заговорила: — нѣтъ, пусть ее живетъ у тетки; здѣсь ее загубятъ, мою голубушку!

Карсановъ вполнѣ раздѣлялъ безпокойство Палагеи.

— Но вотъ какое горе, Палагея Тихоновна: — ей и тамъ-то тяжело жить. Хотятъ ее силою замужъ выдать. Вотъ я пріѣхалъ сюда, чтобы Ларіонъ Петровичъ, какъ отецъ....

— Отецъ! отецъ! въ отчаяніи воскликнула старуха, и, съ силою ударивъ по столу кулакомъ, съ дико блуждающими глазами продолжала: — отецъ у ней нищій! деревня запродана вся, съ его плотью и кровью! Ты поѣзжай скорѣе къ ней, скажи, чтобы она просила тамъ у всѣхъ защиты. Ее ограбили, она сирота, разскажи все, все, что видѣлъ здѣсь. Пусть за нее заступятся! Вѣдь есть же добрые люди; неужто все злодѣи на свѣтѣ?

Карсановъ глубоко разскаявался, что привелъ опять въ дикое отчаяніе только что успокоившуюся бѣдную старуху.

— Хорошо, Палагея Тихоновна, только успокойтесь, я все сдѣлаю.

— Ты защитишь ее? будешь жаловаться въ Петербургѣ?

— Все сдѣлаю, лягте-ка, да отдохните, и я тоже лягу.

И Карсановъ самъ легъ на полу на своей шинели, уступивъ постель старухѣ, но она осталась на стулѣ, говоря безъ умолку, что она сама пойдетъ въ Петербургъ просить за сироту свою ба-

рышню, и то браня Абрютину, то грозясь на Ларіона Петровича.

Карсановъ такъ и заснулъ подъ безконечныя, мрачныя и несвязныя угрозы старухи.

ГЛАВА XI.

На другое утро Карсановъ былъ пробужденъ словами Епифана.

— Господи, Господи, что за страсти у насъ творятся!

— Что случилось? поспѣшно вставая на ноги спросилъ Карсановъ и, не видя Палагеи въ комнатѣ, прибавилъ: — гдѣ Палагея?

— Я вашей милости докладывалъ, что ее нельзя было пускать въ горницу. Вонъ она что накуралесила!... Скверная эдакая баба! — съ упрекомъ отвѣчалъ Епифанъ и моталъ головой въ отчаяніи.

— Ты не ругайся, а дѣло говори, строго замѣтилъ ему Карсановъ.

— Да если бы вы знали, Дмитрій Степанычъ, что она шальная надѣлала?... Пробралась къ барину! съ ужасомъ выговорилъ Епифанъ: — ломилась къ нимъ въ дверь; ругательски ругалась, грозилась, что пойдетъ жаловаться на нихъ въ Петербургъ.... Ей-богу!

— Ну, что же Ларіонъ Петровичъ? спросилъ Карсановъ.

— Что? Подняли весь домъ вверхъ дномъ!...

— Ты молчи; я скажу, что я ее увидалъ и впустилъ къ себѣ въ комнату, замѣтилъ Карсановъ старику. Но тотъ ему отвѣчалъ печально:

— Я и то молчалъ, да поганый нѣмецъ подведетъ меня! Коли онъ съ своей подружкой, Амаліей Ивановной, подвелъ подъ барскій гнѣвъ Авдотью, такъ ужь меня просто загубятъ!

И старикъ, въ отчаяніи, махнулъ рукой.

— Что же такое они могли насказать про Дуняшу? спросилъ Карсановъ, удивясь, что старикъ ее уже болѣе не величаетъ.

Епифанъ подошелъ ближе къ Карсанову и тихо сказалъ:

— Изъ-за васъ все вышло. Насказали ему и невѣсть чего про васъ и про нее! Онъ кричитъ, что вы пріѣхали сюда съ черными мыслями противъ него....

— Онъ ужь совсѣмъ выжилъ изъ ума!

— О, нѣтъ-съ! какъ повелъ допросы да распросы, — такъ точно какой становой.... Вы бы ужь, Дмитрій Степанычъ, уѣхали отъ грѣха скорѣе. Право, поѣзжайте, я вамъ лошадку спроворю у садовой калитки.

Карсановъ улыбнулся на совѣты старика и сказалъ ему:

— Я пойду къ нему и поговорю съ нимъ.

— Что вы это! Царь мой небесный! что вы! въ испугѣ воскликнулъ Епифанъ и прибавилъ съ

ужасомъ: — да онъ теперь страшнѣе лютаго звѣря. Какъ онъ грозится-то на васъ!

Карсановъ пожалъ плечами и пошелъ къ двери, но старикъ заслонилъ ему дорогу и умоляющимъ голосомъ сказалъ:

— Не ходите, батюшка!

— Да странный ты какой! Ну, что онъ можетъ сдѣлать со мной?

— Какъ что?... да все! отвѣчалъ старикъ самымъ положительнымъ тономъ

Карсановъ отсторонилъ старика отъ двери, но тотъ, ухвативъ его за руку, жалобно проговорилъ:

— Батюшка, Дмитрій Степанычъ, пожалѣйте насъ-то! Вѣдь опять намъ же достанется, какъ онъ осердится. Да и Авдотью-то пожалѣйте: вчера и то ей досталось, а сегодня еще пуще достанется! Нѣмецъ отвелъ на ней свою душеньку, а она хоть бы слово пикнула....

Карсановъ толкнулъ старика, чтобы бѣжать, но въ дверяхъ его остановила Дуняша: она была блѣдна, какъ полотно. Онъ схватилъ ея голову, прижалъ къ своей груди и поцаловалъ ея густые волосы. Слезы навернулись у него на глазахъ, и онъ чуть слышно прошепталъ: «страдалица!»

— Ежели вамъ жаль меня, такъ уѣзжайте скорѣе отсюда, сказала Дуняша тихимъ, умоляющимъ голосомъ.

Карсановъ съ содроганіемъ смотрѣлъ на бѣдную дѣвушку.

— Проси хорошенько: я пойду за лошадью! грубо шепнулъ Дуняшѣ Епифанъ, уходя изъ комнаты.

Увидѣвъ, что Дуняша подверглась барской опалѣ, онъ лишилъ ее своей прежней лакейской учтивости.

— Дуняша, сказалъ Карсановъ съ тяжелымъ вздохомъ: — вы требуете, чтобы я сдѣлалъ низость. Я оставлю васъ безъ защиты, тогда какъ я былъ причиной вашихъ страданій?... Нѣтъ, это невозможно!

И Карсановъ страшно взволновался.

— Дмитрій Степанычъ, вы тутъ ни при чемъ! отвѣчала Дуняша. — Нѣмцу давно хотѣлось этого... ну, онъ и радъ теперь.

Лицо дѣвушки на минуту приняло грозное выраженіе.

— Онъ васъ не любитъ? спросилъ ее Карсановъ.

Дуняша задыхаясь отвѣчала на этотъ вопросъ:

— Я его ненавижу!

Карсановъ догадался, въ чемъ дѣло, и пришелъ еще въ большій ужасъ за Дуняшу.

— Вамъ нельзя здѣсь дня оставаться! вскрикнулъ онъ.

— Куда же я дѣнусь? раздирающимъ голосомъ спросила Дуняша.

Карсановъ молчалъ, придумывая средства,

чѣмъ бы ей пособить. Но онъ напрасно ломалъ себѣ голову.

— Чѣмъ, чѣмъ мнѣ помочь вамъ? со стономъ обратился Карсановъ къ дѣвушкѣ, потерявшись самъ отъ безвыходности ея положенія.—Научите меня. Я готовъ все для васъ сдѣлать.

Лицо Дуняши озарилось радостной улыбкой; она заплакала и проговорила сквозь слезы:

— Какой вы добрый!

Карсановъ не могъ видѣть ея слезъ; онѣ разрывали его сердце.

— Дуняша, не плачьте! умоляющимъ голосомъ сказалъ онъ, а у самого лились по лицу слезы въ три ручья. — Я буду за васъ хлопотать, какъ пріѣду въ Петербургъ.

Дуняша покачала головой и съ убійственнымъ спокойствіемъ возразила ему.

— Нѣтъ, ужь не надо понапрасну вамъ хлопотать. Коли онъ не взялъ деньги за меня, значитъ мнѣ умереть здѣсь придется!...

— Кто же васъ выкупалъ?

— Да такой же, изъ его гостей.... Вы ужь, Дмитрій Степанычъ, обо мнѣ-то не думайте. Я безъ васъ знаю, какъ сладить съ нѣмцемъ.... Только уѣзжайте сами-то скорѣе.

— Скажите пожалуйста, чего вы боитесь за меня? Я ни за что не поѣду, если только вы думаете, что онъ можетъ быть мнѣ страшенъ.

— Для меня, для меня, Дмитрій Степанычъ,

уѣзжайте, торопливо сказала Дуняша, и потомъ продолжала:

— И что вы съ нимъ станете говорить? Онъ и на человѣка-то не похожъ теперь. Вы думаете его устыдить словами? Ахъ, Дмитрій Степанычъ! Да онъ и слушать-то васъ не станетъ; только введете вы въ грѣхъ какой насъ несчастныхъ....

— Чѣмъ же я могу кого въ грѣхъ ввести?

— Да мало ли какое онъ дастъ приказаніе! Можетъ, не всѣ послушаются, — вотъ и будетъ бѣда...

— Вы очень напуганы, Дуняша.

— Нѣтъ, ужь ради Христа уѣзжайте скорѣе, сказала Дуняша и хотѣла опуститься на колѣни, но Карсановъ не допустилъ и взялъ ее за руку.

Въ эту минуту Епифанъ, просунувъ голову въ дверь, сказалъ: «Лошадь готова!» и спрятался. Карсановъ почувствовалъ, какъ Дуняша вздрогнула. Онъ печально произнесъ.

— Если вы только убѣждены, что мой отъѣздъ вамъ необходимъ, — я ѣду. Если же вы боитесь только за меня, — я останусь.

Дуняша съ рыданіемъ вскрикнула «Прощайте!» бросилась къ Карсанову, обхватила руками его шею и крѣпко прижала свою голову къ его груди.

Карсановъ не могъ сказать на прощанье бѣдной дѣвушкѣ ни одного утѣшительнаго слова; какая-то судорога захватывала его горло, и онъ чувствовалъ, что ноги у него подкашиваются.

— Богъ дастъ, мы увидимся! едва могъ выговорить Карсановъ, поцаловавъ Дуняшу съ такимъ тяжкимъ ощущеніемъ, какъ будто бы онъ прощался съ покойницей.

— Да, свидимся, — на томъ свѣтѣ, отвѣчала она, рыдая.

— Полноте, Дуняша, вы еще такъ молоды, что о смерти вамъ нечего думать.

— Я смерти не боюсь.

— Очень вѣрю; но зачѣмъ же желать, чтобы она пришла преждевременно? Мало ли что можетъ еще случиться! Все перемѣнится.... Будемъ лучше надѣяться, что свидимся скоро!

По лицу Дуняши видно было, что она не раздѣляетъ надеждъ Карсанова. Однакожь она перестала плакать и съ чувствомъ сказала:

— Дай вамъ Богъ всякаго счастья въ жизни! Вы одни меня пожалѣли, приласкали, какъ мать родная! Я до смерти этого не забуду.

— Что это вы, Дуняша!... Вы лучше старайтесь быть осторожнѣй теперь... Потерпите еще: въ этомъ, правда, ничего нѣтъ утѣшительнаго; но что же дѣлать!

— Все сдѣлаю, что велите, Дмитрій Степанычъ, покорно отвѣчала Дуняша и сама подала ему фуражку.

Карсановъ надѣлъ шинель, торопливо пожалъ руку дѣвушки и скоро пошелъ изъ комнаты.

Дуняша шла за нимъ и говорила:

— Ваши вещи мы пришлемъ въ Сосновку.

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ Карсановъ.

Когда они пришли въ садъ, то увидали у калитки Епифана съ лошадью. Онъ имъ замахалъ рукой, чтобы шли скорѣе. Карсановъ еще разъ пожалъ руку Дуняши и быстро пошелъ къ лошади.

Молодому человѣку было горько и стыдно за свое бѣгство: онъ не могъ себѣ отдать опредѣлительнаго отчета, дѣлаетъ ли онъ благоразумно, что не видѣлся съ Ларіономъ Петровичемъ и повиновался своему сердцу, которое разрывалось въ немъ отъ состраданія къ несчастной и страха, чтобы не усилить ея страданій.

Епифанъ, подавая поводъ, чмокнулъ Карсанову руку, которой онъ далъ ему деньги.

Молодой человѣкъ порывисто отдернулъ отъ него свою руку съ поводомъ, лошадь рванулась въ сторону и поскакала. Карсановъ повернулъ голову и посылалъ прощальные знаки Дуняшѣ, недвижно стоявшей въ голомъ саду и напоминавшей надгробную статую, среди обнаженныхъ деревьевъ, ветхихъ заборовъ и всей этой печальной обстановки.

Пріѣхавъ въ губернскій городъ, Карсановъ немедленно отправился къ одному дѣловому господину, знавшему его еще мальчикомъ, и разсказалъ ему положеніе бѣдной Дуняши. Дѣловой го-

сподинъ очень внимательно и равнодушно выслушалъ молодаго человѣка.

Мрачная исторія, произведшая такое потрясающее впечатлѣніе на Карсанова, не произвела на дѣловаго господина ровно никакого дѣйствія.

— Чего же вы хотите? Я васъ не понимаю, спросилъ дѣлецъ Карсанова, когда тотъ просилъ его совѣта, какъ бы спасти дѣвушку. Этотъ вопросъ такъ озадачилъ Карсанова, что онъ отъ удивленія онѣмѣлъ.

Дѣловой господинъ сказалъ наставительно:

— Эхъ, жаль мнѣ васъ! Чему же это вы учились въ университетѣ-то?... Какое невѣдѣніе!... Гм.. жаль!... Я помню вашего отца, онъ былъ человѣкъ съ головой.

И дѣловой господинъ съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на Карсанова, который страшно вспылилъ и рѣзко ему отвѣчалъ:

— Я пришелъ просить у васъ не сожалѣній обо мнѣ, а совѣта, какъ у человѣка свѣдущаго въ такого рода дѣлахъ.

— Я и далъ вамъ совѣтъ, перебилъ его дѣловой господинъ. — Вы не обижайтесь, я вѣдь васъ мальчикомъ знавалъ! Выслушайте-ка меня такъ же покойно, какъ я васъ слушалъ... Мой искренній совѣтъ — бросить вамъ навсегда дурную привычку впутываться въ такія дѣла. Думайте о себѣ-то хорошенько! Чай, чинъ-то малый? Ну, намъ съ вами надо служить, мы не дворяне, не-

кому будетъ кормить насъ... Бросьте, бросьте все! Не дѣло, право, не дѣло затѣяли.

— Нѣтъ, я не брошу этого дѣла, рѣшительно отвѣчалъ Карсановъ.

— Я вамъ вотъ что скажу: если вы будете много разговаривать въ городѣ о Ларіонѣ Петровичѣ, то можете нажить себѣ непріятностей. Ларіона Петровича всѣ здѣсь знаютъ. Никого не удивишь разсказами о томъ, что онъ, потѣшникъ, творитъ подъ дурной часъ. Всѣ это знаютъ, да вѣдь всѣ также помнятъ и его хлѣбъ-соль прежнюю. И до сихъ поръ разикъ, другой въ году угоститъ, — ну, и не дадутъ его въ обиду... А ежели онъ точно несправедливъ, такъ вѣдь его накажетъ Богъ: а ужь вамъ тутъ нечего горячиться.

Но Карсановъ, не смотря на эти утѣшительныя убѣжденія, страшно горячился и спорилъ. Однако дѣловой господинъ успѣлъ наконецъ усмирить его, доказавъ ему фактически, что онъ своимъ заступничествомъ только надѣлаетъ вреда дѣвушкѣ. Разумѣется, дѣловой человѣкъ не могъ надивиться долго, изъ чего это Карсановъ такъ убивался, добро бы, полюбилась она ему очень, а то и этого нѣтъ, — такъ, изъ одной жалости.

Въ самомъ дѣлѣ, водятся же такіе люди на свѣтѣ! Но это все отъ того, что многимъ съ дѣтства легко достаются всѣ познанія житейской премудрости, а другимъ куда какъ тяжко! Карсановъ испытывалъ послѣднее на себѣ, когда побѣжден-

ный дѣловымъ господиномъ, снова ѣхалъ на телѣгѣ, и его грудь ныла уже не отъ толчковъ телѣги, которыхъ онъ и не замѣчалъ теперь, а отъ гнета безвыходной тоски, подавлявшей его разсудокъ, такъ что ему приходило желаніе, проѣзжая по горѣ и черезъ рѣку, броситься внизъ головой. Къ довершенію мрачнаго настроенія духа Карсанова, и на обратномъ пути его встрѣтили тѣ же обыкновенныя картины русской жизни, которыя такъ возмущали его во время недавняго переѣзда изъ Петербурга.

Карсановъ видѣлъ, какъ дюжій обозчикъ рыдалъ, точно ребенокъ, надъ изувѣченными своими лошадьми, лежащими съ возами въ канавѣ.

Лихой курьеръ, везшій значительную особу въ дормезѣ, не могъ простить обозчику, что высокая особа за маленькую остановку сдѣлала выговоръ ему, и за это два воза свалилъ въ канаву....

Впрочемъ скаканье этого дормеза оставляло еще и не такіе слѣды на шоссе. Карсановъ видѣлъ издыхающую лошадь съ переломленной ногой...

Куда спѣшилъ такъ дормезъ, — трудно себѣ объяснить, потому что этотъ же самый дормезъ, станціи черезъ двѣ, простоялъ часа полтора, пока высокая особа обѣдала и потомъ подремывала на диванѣ, покуривая сигару.

Карсановъ нерадостно подъѣзжалъ къ Петербургу; онъ совершенно былъ боленъ, физически

и морально. Даже видъ сѣверной столицы, всегда производящій унынiе въ подъѣзжающемъ къ ней не первый разъ, — не усилилъ мрачнаго расположенiя Карсанова; такъ велика была тоска его...

Карсановъ по возможности описалъ Аннѣ Ларіоновнѣ весь мракъ и ужасъ жизни Дуняши и Палагеи въ деревнѣ и умолялъ ее употребить всѣ средства, чтобы скорѣе помочь имъ. Онъ заключилъ свое письмо слѣдующими строками: «я положительно убѣдился, что нахожусь не въ здравомъ разсудкѣ! Возможно ли предполагать, чтобы большинство людей, зная, какiя страданiя терпятъ другiе люди, смотрѣло на это спокойно, какъ будто такъ и должно быть. Отчего же мнѣ такой-то фактъ кажется безчеловѣчнымъ, внѣ всякаго смысла, а для всѣхъ другихъ онъ очень ясенъ и даже забавенъ. Я сумасшедшiй! Я погибшiй человѣкъ!... Прощайте! Я слагаю съ себя титулъ вашего совѣтчика, данный мнѣ вами, — я не достоинъ носить его! Простите меня, что я осмѣливался вамъ нѣкогда давать наставленiя, какъ надо жить въ обществѣ, чего добиваться отъ жизни, чтобъ быть счастливой. Это были бредни фантазера, который самъ не былъ еще знакомъ съ дѣйствительной жизнью. Этотъ несчастный фантазеръ даже осмѣливался думать, что его жизнь будетъ небезполезна для общества въ об-

щемъ трудѣ его членовъ. Сумасшедшій! сумасшедшій!»

Карсановъ искренно сознавалъ себя неспособнымъ сдѣлать что нибудь полезное въ своей жизни. Онъ испробовалъ столько неудачъ и странныхъ разочарованій, ища средствъ помочь бѣднымъ тремъ женщинамъ, съ которыми онъ провелъ свое дѣтство и юность, съ которыми онъ сроднился любящимъ своимъ сердцемъ.... Печальная участь этихъ трехъ женщинъ уяснила ему его ничтожество и разбила въ прахъ всѣ его юношескія фантазіи.

Карсанова постигло еще несчастье: Анна Ларіоновна перестала ему писать. Онъ никакъ не могъ разгадать причины. Но это отъ того, что молодой человѣкъ не принадлежалъ къ свѣтскому обществу въ Петербургѣ, не бывалъ даже на Невскомъ, и потому не зналъ никакихъ свѣтскихъ городскихъ новостей, наполняющихъ пустоту свѣтской жизни.

Въ клубахъ, въ театрѣ, въ салонахъ и салончикахъ, даже на Невскомъ — только и говорили, что о скоромъ замужствѣ Анны Ларіоновны и о ея женихѣ, Скобницкомъ.

А Карсановъ ничего не зналъ, сидя цѣлые дни за работой, въ своей квартирѣ, въ той части города, гдѣ лица жителей дѣлаются веселѣе, когда такса на говядину понижается.

Впрочемъ никто не находилъ ничего необы-

кновеннаго въ этой свадьбѣ, а говорили о ней потому, что невѣста была модной полусвѣтской красавицей. Надо сознаться, что свѣтское общество въ Петербургѣ всѣмъ одинаково интересуется, — какъ свадьбой какой нибудь красивой барышни, такъ и дорогимъ приданымъ невской лоретки. Цѣлыми толпами посѣщаютъ магазинъ, гдѣ выставлено это приданое на показъ.

Разумѣется, свѣтскія дамы стараются прикрывать свое завистливое любопытство величавымъ презрѣніемъ къ этого рода женщинамъ. Но кого онѣ обманутъ? Развѣ лоретки, танцовщицы и французскія актрисы не знаютъ, что ими интересуются свѣтскія дамы потому, что ихъ мужья, братья и возлюбленные бываютъ связаны съ ними самыми неразрывными узами. Очень часто случается, что фея, выдѣлывающая антрша на сценѣ, имѣетъ полное право гордиться тѣмъ, что въ ея жилахъ течетъ чистая кровь старинной важной фамиліи. А хоть бы, напримѣръ, неприступная графиня Пыжницкая, сидящая въ ложѣ и съ презрѣніемъ лорнирующая эту фею, не имѣетъ никакого права гордиться своимъ родомъ! Будь еще это тайной для общества, все бы ничего. Но ничуть не бывало: это знаетъ и фея, выдѣлывающая антрша, знаетъ и сама гордая дама, знаетъ даже и публика, которая хоть сколько нибудь вращается въ свѣтскомъ кругу И какое значеніе имѣетъ для нихъ это обстоятельство!...

Пышная свадьба Скобницкаго не могла назваться особенно веселою. Величавый женихъ дѣлалъ надъ собой страшныя усилія, чтобы скрыть свое негодованіе на блѣдную, дрожащую невѣсту, стоявшую съ потупленными глазами. Анна Ларіоновна въ минуту вѣнчанія почувствовала стыдъ и досаду на себя за то, что̀ она позволила съ собой сдѣлать. Внутренній голосъ и прежде возставалъ въ ней противъ замужства съ Скобницкимъ; но она заглушала этотъ голосъ разными доводами житейской разсчетливости, которая съ невѣроятной быстротой проникаетъ въ душу человѣка, попавшаго въ свѣтское общество, какія бы прекрасныя начала ни таились въ его душѣ. Но когда ей надо было съ такой торжественностью подтвердить публично ложь, которая на всю жизнь связывала ее съ нелюбимымъ человѣкомъ, — испугъ и стыдъ до того охватилъ сердце еще неразвращенной дѣвушки, что она вдругъ какъ бы обезумѣла. Ей казалось, что всѣ смотрятъ на нее съ презрѣніемъ, а будущій ея мужъ съ отвращеніемъ, какъ на женщину, продавшую себя за деньги. Дикая мысль блеснула въ помрачившейся головѣ невѣсты: убѣжать изъ церкви. Она оглянулась назадъ и содрогнулась: сплошная масса зрителей загородила ей дорогу, а впереди стоялъ священникъ и держалъ ее уже за руку.

Абрютина еще никогда не испытывала такого

волненія изъ-за своей племянницы, какъ теперь: она угадывала ея мысль и ея страданія, даже разгадала, что̀ зна́чилъ поворотъ ея головы назадъ и содроганіе во всемъ тѣлѣ.

Абрютина нашла благоразумнымъ оставить невѣсту на произволъ судьбы, чтобы своимъ совѣтомъ не вызвать въ ней какой нибудь неприличной выходки. Она ограничивалась тѣмъ, что очень громко замѣтила Рудзевичъ:

— Я говорила Анетъ, что она не вынесетъ такого узкаго платья. Хотѣлось блеснуть своей таліей.

— Какъ же это вы ей дозволили? Она можетъ упасть въ обморокъ, отвѣчала весело Рудзевичъ, наслаждаясь усиліями Абрютиной скрыть свое безпокойство.

— Да я, вы знаете, не умѣю ее заставлять меня слушаться. Сама виновата, — очень избаловала ее.... Господи! пошли ей счастья въ новой жизни! набожно прибавила Абрютина и стала усердно молиться.

Еще было въ церкви лицо, которое очень взволновалось блѣдностью невѣсты. Это графиня Пыжницкая, укутанная въ непроницаемый вуаль и скрывавшаяся въ темномъ углу церкви, но стоявшая на стулѣ, чтобы лучше видѣть свадьбу. Она съ радостнымъ трепетомъ ждала, что невѣста упадетъ въ обморокъ и произведетъ скандалъ, — и гнѣвно посматривала на клиросъ, гдѣ, какъ она

знала, былъ скрытъ ея супругъ съ биноклемъ въ рукахъ, чтобы лучше видѣть Анну Ларіоновну. Онъ потомъ говорилъ своимъ сверстникамъ по лѣтамъ и службѣ, и собратамъ по разврату, что блѣдная Анна Ларіоновна ему казалась еще прелестнѣе и напоминала одну изъ мадоннъ Рафаэля.

Самолюбіе жениха испытывало страшную пытку: всѣ ясно могли видѣть, какъ нерадостно смотрѣла невѣста на свое супружество. Если бы Скобницкій очутился въ эту минуту наединѣ съ Анной Ларіоновной, то онъ звѣрски отомстилъ бы ей за ея неумѣнье владѣть собой. Жениху и въ голову не приходило утѣшиться хоть тѣмъ, что если она не любитъ его, то въ ней есть по крайней мѣрѣ стыдъ и совѣсть, которая ручается ему въ вѣрности ея супружеской жизни. Впрочемъ Скобницкій и не искалъ семейнаго счастья: ему нужна была красивая жена, чтобы ею тщеславиться и извлекать выгоды для своей чиновнической ненасытной карьеры. Для него важнѣе всего было найдти въ будущей своей женѣ умѣнье лицемѣрить изящно и тонко, достойно высшаго круга. Когда окончился обрядъ и губы жениха коснулись до блѣдной щеки невѣсты, — всѣ могли опять замѣтить, какъ она вздрогнула и отшатнулась отъ него.

Кусая губы отъ бѣшенства, женихъ принималъ поздравленія гостей съ улыбкой, а невѣста стояла въ какомъ-то оцѣпенѣніи, точно она была глухо-

нѣмая. Впрочемъ за нее улыбались и тараторили Рудзевичъ и Абрютина, и очень скоро повели ее домой.

Когда невѣста вернулась изъ церкви, то въ ея лицѣ произошла престранная перемѣна; оно выражало нервическое раздраженіе: краснѣло, блѣднѣло, глаза блестѣли и губы судорожно улыбались.

Рудзевичъ не утерпѣла, чтобы не кольнуть Абрютину, уже успокоившуюся, такъ какъ все благополучно окончилось.

— Вы замѣтили, Лизавета Игнатьевна, какъ вдругъ измѣнилась невѣста? Не обидѣлъ ли ее чѣмъ женихъ, когда они ѣхали домой? У ней просто нервная лихорадка; надо какъ нибудь предупредить, чтобы не было истерики. Изъ этого, Богъ знаетъ, что могутъ сочинить.

— Ахъ, Евгенія Марковна, какая вы добрая и какое принимаете родственное участіе во мнѣ! Благодарю васъ, но что же мнѣ дѣлать? Вы знаете, какъ я нравственно воспитала Анюту; очень понятно, что она встревожилась, что должна будетъ сегодня оставить мой домъ и ѣхать къ мужу. Все таки онъ — мужчина прежде всего. Развѣ мы съ вами не такъ же трусили въ этотъ день? Мои дочери.... да и я сама ни за что не хотѣла оставаться одна съ мужемъ. Я плакала, цаловала руки у моей матери, которая была почти святая женщина.... я вамъ скажу: какая бы была

нравственность въ молодой дѣвушкѣ, если бы она не боялась остаться въ первый разъ съ мужемъ вдвоемъ! Развѣ ужь старая и погибшая какая нибудь дѣвица.

Рудзевичъ улыбаясь, но съ злобою въ душѣ, слушала колкости Абрютиной, знавшей, что она вышла замужъ пожилой дѣвицей и имѣла до свадьбы, можетъ, не одну интригу. Она сказала на это Абрютиной самымъ покойнымъ тономъ:

— Разумѣется, Боже насъ сохрани, чтобы благовоспитанныя дѣвицы дошли до такой безнравственности, чтобъ имъ былъ ни почемъ этакой день въ ихъ жизни. Да тогда на чемъ же опиралась бы вся женская добродѣтель, вѣрность мужьямъ нашимъ? Вы какъ истинная христіанка и добродѣтельная женщина, знаете, какъ важна для мужа вѣрность жены. Я не могу вамъ выразить, какое презрѣніе заслуживаютъ тѣ безнравственныя женщины, которыя позорнымъ образомъ попираютъ свою клятву, данную ими предъ алтаремъ въ супружеской вѣрности....

Вотъ, гдѣ проявляется высокое значеніе свѣтскаго образованія, которымъ гордятся люди, составляющіе опору незыблемой общественной нравственности. Хвала, хвала тебѣ, свѣтское приличіе! Ты укрощаешь человѣка и дѣлаешь изъ него какое-то чудо смиренія и кротости къ самымъ жестокимъ обидамъ. Имѣй такой разговоръ дамы не свѣтскія — какой бы скандалъ могъ выйдти!

А свѣтскія и нравственныя дамы прелюбезно разстались другъ съ другомъ, какъ будто высказали другъ другу самыя нѣжныя чувства, — и, встрѣтясь снова, такъ же радушно протянутъ другъ другу руки, какъ и прежде!...

ГЛАВА XII.

Недѣли черезъ двѣ послѣ свадьбы Скобницкаго, въ его только-что парадно отдѣланной квартирѣ происходила слѣдующая сцена. Два лакея, наглой наружности, съ развязными манерами, въ штиблетахъ, стояли въ передней у вѣшалки и глумились надъ поношенной шинелью. Лакей помоложе, переворачивая шинель двумя пальцами и съ гримасой на лицѣ, говорилъ:

— Эка гадость! Страмъ на вѣшалку повѣсить. Чуть не стошнило, какъ я снялъ съ него шинель.

— Вольно же было снимать! отвѣчалъ ему другой лакей, гораздо старѣе и гораздо наглѣе на лицо, и продолжалъ поучительно: — сейчасъ видно, что живалъ въ такихъ домахъ, что зачастую шлялись такіе гости. Нѣтъ, я завсегда эту шушеру самихъ заставляю и снимать, и надѣвать свое тряпье.

— Смотрите-ка, Егоръ Петровичъ,—заплата! радостно вскрикнулъ молодой лакей и, проворно вытащивъ перочинный ножикъ изъ кармана сво-

его жилета, сдѣлалъ большую прорѣху на крѣпкомъ мѣстѣ и расхохотался надъ своимъ изобрѣтеніемъ.

— Пусть-ка его лакей еще положитъ заплатку, проговорилъ онъ со смѣхомъ.

Пожилой лакей, важно усѣвшись на рѣзной стулъ и растопыривъ ноги, обутыя въ башмаки, съ презрѣніемъ замѣтилъ:

— Есть ли еще у него, на что нанять-то лакея?... Настоящаго барина сейчасъ видно, только взглянетъ.... А этотъ взошелъ, точно воръ какой, и говоритъ: «доложите». Ну, что это за баринъ? Просто какой нибудь учителишка либо чиновничишка.

— Ужь какой вы дока, право, Егоръ Петровичъ, съ умиленіемъ замѣтилъ пожилому лакею его собратъ.

— Будешь и ты дока, какъ поживешь съ мое!

— Ну, а скажите же, Егоръ Петровичъ, зачѣмъ же нашей-то было выскочить къ нему въ залу да такъ обрадоваться?

— Блажь!... А можетъ—и сама-то изъ такихъ же.

— Ай, что вы? Она изъ дворянокъ!

— Эка штука!... Изъ дворянокъ!... Кабы сказалъ — изъ графскихъ, а то изъ дворянокъ!... Ахъ ты, простофиля!... Да къ нашему-то барину ходятъ чиновники-дворяне, а онъ ихъ иной разъ

такъ облаетъ, что не лучше насъ съ тобой. А иной ждетъ, ждетъ его, мается по передней, просто смѣхъ смотрѣть.... Вѣдь знаешь, что баринъ лежитъ-себѣ на диванѣ да ногти точитъ, а говоришь: занятъ, нельзя.... Ну, вотъ тебѣ и дворянинъ.... чиновникъ!...

— А можетъ, у ней много крѣпостныхъ есть?

— Очень много! Чай одна своя душа!

— Вы-то почемъ знаете, Егоръ Петровичъ?

— Я-то?... да я всю подноготную знаю про нее, съ гордостью произнесъ лакей и, зѣвнувъ, прибавилъ небрежно: — не проведутъ.... А не ладно у нихъ!

— Что вы? съ удивленіемъ воскликнулъ лакей и подсѣлъ къ своему старшему товарищу.

— Думаютъ, ужь у насъ и глазъ нѣтъ? продолжалъ пожилой лакей. — Какъ же!... Не видали мы молодыхъ! Не глядятъ другъ на друга, учтивостью-то да французскимъ языкомъ насъ не проведешь! Все видимъ!...

— Марья Кириловна говоритъ, что ея барыня все плачетъ у себя въ комнатѣ, замѣтилъ молодой лакей.

Егоръ Петровичъ грубо ему отвѣчалъ:

— Что мнѣ твоя Марья Кириловна! Я три года живу при баринѣ-то и получше всѣхъ васъ знаю, когда онъ въ духѣ бываетъ, а когда нѣтъ.

— А что, очень сердитъ сталъ?

— Тебя въ рыло бы ужь не одинъ разъ съѣз-

дилъ!... Извѣстно, не доводишь его, держишь ухо востро!... За это время, какъ женился, точно звѣрь сталъ! Что намялъ рубашекъ вчера, послѣ того, какъ, помнишь, за столомъ они много такъ говорили. Вишь воротнички дурно накрахмалены! Да, воротнички! Воротнички винотаты! лукаво проговорилъ Егоръ Петровичъ, язвительно улыбаясь при послѣднихъ словахъ.

— Вотъ тебѣ и молодые.... А какъ же это, Егоръ Петровичъ, за что же онъ сердится на барыню?

— Извѣстно, оплошалъ, надули: сулили, можетъ, чортъ знаетъ чего, а какъ обвѣнчался, и показали кукишъ.

Молодой лакей было засмѣялся, но Егоръ Петровичъ строго крикнулъ на него:

— Ну, что зубы-то скалишь?

— А вѣдь она у насъ все-таки красавица? замѣтилъ молодой лакей.

— Эка невидаль, красавица! Мало что ли красавицъ ходитъ по Петербургу-то!... Бывало ихъ — и у насъ.... Ему надо было жену-барыню, да денегъ!

— Что же, Егоръ Петровичъ, на нее тоже нельзя, кажись, пожаловаться; барыня добрая.

— Что ты видалъ, дуракъ! Да вотъ посмотри, — какъ баринъ узнаетъ, что такая шваль сидитъ у него въ гостиной, такъ что онъ надѣлаетъ....

Вотъ ужь рубашкамъ-то достанется: всѣ воротнички будутъ у него дурно накрахмалены.

Егоръ Петровичъ такъ подмигнулъ при этихъ словахъ, что молодой лакей залился смѣхомъ.

Егоръ Петровичъ погрозилъ ему кулакомъ и сердито сказалъ:

— Въ конюшнѣ, что ли, ты сидишь? Услышитъ баринъ, что ты такъ орешь, такъ онъ тебя взашей изъ дому. Да и мнѣ-то будетъ нахлобучка, что я такого лакеишку рекомендовалъ.

Молодой лакей испугался и принялъ такую же позу, какъ Егоръ Петровичъ, и снова принялись они разсуждать о своихъ молодыхъ господахъ, позѣвывая и потягиваясь отъ томившей ихъ праздности.

Шинель, надъ которой такъ глумились лакеи, принадлежала Карсанову, явившемуся къ Аннѣ Ларіоновнѣ по ея просьбѣ.

Карсановъ, какъ ни старался свыкнуться съ страшной для него мыслью, что Анна Ларіоновна можетъ не сегодня, такъ завтра, выдти замужъ, если не за Скобницкаго, такъ за кого нибудь другаго, но когда получилъ отъ молодой записку, въ которой она приглашала его къ себѣ, то онъ точно такъ же былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, какъ будто бы ему сказали о бѣдствіи самомъ невѣроятномъ и никогда не приходившемъ ему въ голову.

Первые порывы его отчаянія были почти истерическіе. Впрочемъ онъ все еще не могъ поправиться хорошенько послѣ своей поѣздки въ деревню и чувствовалъ страшное раздраженіе нервовъ и какое-то общее ослабленіе силъ, и физическое, и нравственное; лѣчиться онъ не хотѣлъ, да и не было у него на лѣченье ни времени, ни денегъ: онъ много потратился, по своимъ средствамъ, для поѣздки въ деревню, да кромѣ этого еще послалъ денегъ Палагеѣ и Дуняшѣ, питая тайную надежду, что онѣ съумѣютъ какъ нибудь бѣжать въ Петербургъ. Для вознагражденія своихъ издержекъ Карсановъ усиленно работалъ, что тоже разстроивало ето нервы. Разумѣется, Карсановъ рѣшился не видать Анны Ларіоновны, и если возможно уѣхать даже изъ Петербурга; но кончилъ тѣмъ, какъ видите, что сидѣлъ въ роскошной гостиной, въ квартирѣ Скобницкихъ.

Въ первую минуту своей встрѣчи съ Анной Ларіоновной, Карсановъ такъ обрадовался, что забылъ все,—и гдѣ онъ сидитъ, и откуда явился онъ къ ней, и даже то, что она уже замужемъ. Но когда онъ очнулся и опомнился, то ему прежде всего бросилось въ глаза то, что Анна Ларіоновна вовсе не похожа на молодую, по грустному выраженію ея лица. При этомъ открытіи онъ не могъ не ощутить какого-то радостнаго чувства въ своемъ истерзанномъ сердцѣ, хотя оно и было преисполнено желаніемъ полнаго счастья

любимой имъ женщинѣ.... Личный эгоизмъ, противъ его воли, вкрался въ его душу. Онъ не смѣлъ ее разспрашивать о ея положеніи, потому что она просила его не касаться этого предмета, а обѣщала все разсказать подробно современемъ. Впрочемъ напрасно молодая не хотѣла говорить о своемъ новомъ положеніи: она совершенно безсознательно высказывала его, бесѣдуя съ Карсановымъ о прошлой ихъ жизни.

Какое теплое состраданіе почувствовалъ Карсановъ къ бѣдной женщинѣ, убѣдясь, что ни дурное воспитаніе, ни всѣ старанія Абрютиной развратить ее, не могли заглушить въ ней природные инстинкты и исказить чистоту ея сердца!... Карсановъ не могъ обвинить Анну Ларіоновну за ея замужство. Вспоминая свои безплодныя попытки, свои неудавшіеся планы, онъ не могъ не сознать, что если онъ долженъ былъ покоряться разнаго рода обстоятельствамъ, противорѣчившимъ его убѣжденіямъ, то тѣмъ менѣе имѣлъ онъ право требовать отъ молоденькой, неопытной дѣвушки твердости характера въ борьбѣ съ полными властелинами ея судьбы.... И все-таки, несмотря на ясность здраваго сознанія, — тоскливая зависть кипѣла въ его душѣ отъ мысли, что предложи онъ ей не нищенскую свою любовь, а такія же матеріальныя удобства: ковры, бронзы и проч., онъ могъ бы купить себѣ счастье, какъ купилъ его ея мужъ. «Да, участь европей-

ской бѣдной женщины такъ же продажна, какъ и въ Турціи», невольно подумалъ Карсановъ....

Послѣ долгой разлуки бесѣда старыхъ друзей шла очень живо, и очень понятно, что они не обращали вниманія на время, такъ что Скобницкій, вернувшись со службы къ обѣду, нашелъ свою молодую супругу въ обществѣ незнакомаго ему гостя.

Заслышавъ шаги своего мужа, хозяйка дома дѣтски испугалась. Карсановъ догадался, чьи шаги приближаются къ нимъ, и не менѣе ея смутился. Онъ безсознательно вскочилъ, чтобы уйти, но Анна Ларіоновна торопливо произнесла: «это мой мужъ», и удержавъ за руку Карсанова, прибавила:

— Надо же вамъ съ нимъ познакомиться!

И она довольно спокойно отрекомендовала гостя своему супругу, вошедшему въ гостиную съ очень непривѣтливымъ выраженіемъ въ лицѣ.

Скобницкій много слышалъ о Карсановѣ отъ своей невѣсты и зналъ, что она намѣрена была его принимать, какъ роднаго своего брата. Однако это не заставило Скобницкаго полюбезнѣе обойтись съ Карсановымъ: онъ ему протянулъ только два пальца, когда гость, не владѣя собою, въ волненіи, протянулъ ему первый свою дрожащую руку и отнялъ ее быстро, едва прикоснувшись къ пальцамъ своего соперника.

Кровь прилила къ головѣ Карсанова, лицо его

пылало, голосъ былъ слабъ и не твердъ, когда Скобницкій заговорилъ съ нимъ съ убійственной ироніей, осматривая его съ ногъ до головы.

Желая ободрить молодаго человѣка, Анна Ларіоновна старалась вмѣшиваться въ разговоръ своего супруга и страшно страдала за своего гостя.

Карсановъ самъ сознавалъ свое неловкое положеніе и, негодуя на себя, давалъ еще болѣе пищи для насмѣшки Скобницкому. Величавый чиновникъ разговаривалъ съ нимъ, съ той уничтожающей свѣтской улыбкой, которая убиваетъ наповалъ людей, благоговѣющихъ передъ величіемъ свѣтскости. Но Карсановъ не имѣлъ понятія о высшей свѣтскости и о всевозможныхъ притязаніяхъ на нее .Подобнаго рода стремленій онъ и не подозрѣвалъ въ сколько нибудь умномъ человѣкѣ. И потому когда онъ пришелъ нѣсколько въ себя и пытливо взглянулъ на Скобницкаго, то уничтожающую свѣтскую его улыбочку принялъ за очень смѣшную гримасу, а всѣ его развязныя свѣтскія позы и движенія за неприличное кривлянье, которое показалось ему жалкимъ и отвратительнымъ....

Но еще болѣе, чѣмъ ломаньемъ Скобницкаго, возмутился Карсановъ чахлымъ чиновническимъ либерализмомъ его, немедленно проскользнувшимъ въ разговорѣ. Думая совершенно уничто-

жить молодаго человѣка въ глазахъ жены, Скобницкій хотѣлъ блеснуть передъ нимъ своими современными идеями, своимъ европейскимъ образованіемъ и завелъ либеральный разговоръ, не замѣчая самъ, что въ немъ высказывается только его чиновническое чванство и отсталость.

Карсановъ забылъ о своемъ смущеніи и смѣло сталъ спорить съ Скобницкимъ, при чемъ тотчасъ же успѣлъ неумышленно, но чувствительно уязвить напыщенное самолюбіе либеральнаго генерала. Разговоръ принялъ непріязненный тонъ.

Скобницкій немедленно постарался принять свойственную ему начальническую, уничтожающую въ прахъ осанку и съ презрительнымъ величіемъ сказалъ Карсанову:

— Извините меня за откровенность; но вашъ образъ мыслей слишкомъ одностороненъ. Рубить съ плеча вѣковые обычаи—это нелѣпость. Надо глубоко изучить матеріальныя средства страны, степень развитія массы, и главное — потребности образованнаго класса, для того, чтобы имѣть смѣлость предлагать измѣненія въ существующемъ порядкѣ. Да и при введеніи даже самыхъ необходимыхъ реформъ, нужно прежде всего заботиться о томъ, чтобы не нарушить административный механизмъ, безъ котораго, какъ вамъ должно быть извѣстно, не можетъ существовать

государство. Если вы изучали исторію, то знаете, что это доказано многими опытами.

— И вы меня тоже извините за откровенность, отвѣчалъ Карсановъ. — Но я не считаю особенно нужнымъ дорожить неприкосновенностью такого административнаго механизма, который на каждомъ шагу оказывается недостаточнымъ, испорченнымъ, вреднымъ для того самаго дѣла, которому онъ долженъ бы служить по своему назначенію. Я не считаю справедливымъ, для охраненія гнилой бюрократической мечты, заставлять большинство людей страдать отъ нищеты и голода и доводить ихъ до самаго жалкаго разврата. Не понимаю я и того, какія же особенныя предосторожности нужно брать, замѣняя вѣковые предразсудки здравыми человѣческими понятіями. По моему, это все пустыя отговорки, придуманныя тѣмъ, кому сладко ѣстся и пьется на свѣтѣ.

— Я вижу, что вы на все смотрите съ пролетарской точки.

— Я надѣюсь, что она человѣчнѣе всякой другой точки зрѣнія.

— Напрасно надѣетесь. Вы начитались фразистыхъ брошюрокъ, недавно шумѣвшихъ между мальчишками. Но знаете ли вы, что въ Европѣ теперь ученые и умные люди смѣются надъ всѣми этими бреднями?

— Мало ли какіе ученые и умные люди есть на свѣтѣ! Иные не стыдятся доказывать пользу боль-

шой смертности въ бѣдномъ классѣ народа, потому что она, уменьшая густоту потребляющаго населенія, способствуетъ развитію богатства частныхъ лицъ, имѣющихъ благодѣтельное вліяніе на искусства, образованность, торговлю, и такъ дальше....

— Я долженъ вамъ сказать, что смотрю на государство съ объективной точки, и считаю смѣшнымъ дѣлать его богадѣльной. Мало развѣ Франція и Англія искореняли нищету въ низшихъ классахъ? Всѣ филантропическія мѣры только еще сильнѣе развили тунеядство и нищету.

— Потому что были приняты не коренныя мѣры для уничтоженія этого чудовища.

— Такъ по вашему нужно для необразованной массы жертвовать всеобщимъ благосостояніемъ? Но согласитесь сами, что это нелѣпо! Это все дѣтская болтовня, въ которой не отдаютъ себѣ отчета даже тѣ, кто говоритъ подобныя вещи. Они хотятъ только польстить массѣ, пріобрѣсти популярность.

— Согласитесь однако, что это очень безкорыстная лесть. За эту лесть люди терпятъ горе и преслѣдованія, умираютъ съ голоду внѣ своего отечества....

— Потому что они ни на что негодны своему отечеству, съ своими мальчишескими фантазіями.

— Повѣрьте, что хотя бы и дѣтская, но честная фантазія людей, одушевленныхъ любовью

къ добру и къ своимъ несчастнымъ собратьямъ, можетъ оказаться гораздо полезнѣе для отечества, нежели разсчетливое благородство и корыстный патріотизмъ какого нибудь чиновнаго либерала, съ запальчивостью отвѣтилъ Карсановъ.

Скобницкій грозно взглянулъ на него и, ни слова не сказавъ, вышелъ изъ комнаты, съ побѣлѣвшими губами отъ злобы. Онъ принялъ послѣднія слова Карсанова на свой счетъ.

Анна Ларіоновна съ упрекомъ посмотрѣла на Карсанова. Онъ стоялъ передъ ней съ понуренной головой, потомъ грустно взглянулъ на нее и произнесъ машинально:

— Вы несчастливы?

Она пугливо посмотрѣла на Карсанова, зарыдала и, быстро вставъ, ушла въ свою спальную, махнувъ ему, чтобы уходилъ.

Лакеи не пошевельнулись на своихъ рѣзныхъ стульяхъ при входѣ Карсанова въ переднюю, и только перемигнулись между собой. Карсановъ не обратилъ на нихъ никакого вниманія; надѣлъ самъ свою шинель и, идя по улицѣ въ мрачномъ раздумьи, мысленно все твердилъ: «за что же она загубила свою жизнь?»

Не успѣлъ еще Карсановъ сойти съ лѣстницы отъ молодыхъ, какъ они опять сошлись въ той же самой гостиной; оба были блѣдны и взволнованы.

— Вы желаете говорить со мной, спросила

Анна Ларіоновна своего супруга, въ волненіи расхаживавшаго по комнатѣ.

— Я хотѣлъ васъ предупредить, что вашему знакомому, другу дѣтства, я велѣлъ отказывать отъ моего и вашего имени.

Анна Ларіоновна вся вспыхнула, сѣла на диванъ и молчала.

— Потомъ я долженъ васъ также предупредить, что я вовсе не намѣренъ играть унизительную роль, которую вы хотите навязать мнѣ.

Анна Ларіоновна съ упрекомъ подняла свои глаза на мужа; никогда еще онъ не былъ такъ противенъ.

Бѣшенство исказило лицо Скобницкаго, и въ эту минуту вся гадость и грубость его натуры рѣзко выразилась въ его физіономіи.

— Для чего вы желали меня видѣть? Чтобы повторить всѣ ваши упреки мнѣ? гордо спросила Анна Ларіоновна. — Вы меня ужь и такъ довольно оскорбляли ими съ той минуты, какъ я сдѣлалась вашей женой.... Чего вы хотите отъ меня?.. Притворства? Я притворяюсь, на сколько могу!

— Очень неискусно! такъ что я сегодня разгадалъ цѣль вашего поведенія. Вы очень ошибетесь, если будете думать, что я дозволю вамъ меня дурачить. Вы не желали выходить за нищаго и искали себѣ богатаго мужа; теперь, найдя его, вы хотите возобновить свои будто бы дружескія отношенія.

Анна Ларіоновна вспыхнула отъ негодованія, услышавъ отъ своего супруга такія оскорбительныя и такъ цинически высказанныя предположенія. Она не въ силахъ была отвѣчать ему и хотѣла скорѣе уйдти, чтобы избѣжать тяжелой сцены, но онъ загородилъ ей дорогу и задыхаясь сказалъ:

— Нѣтъ, вы все, все выслушаете; я не намѣренъ болѣе возвращаться къ подобнымъ объясненіямъ съ вами. Они унижаютъ меня.

Анна Ларіоновна съ мучительной тоской оглядѣлась кругомъ, какъ бы ища защиты. Но бѣглый взоръ, брошенный вокругъ себя, только убѣдилъ ее въ ея совершенномъ безсиліи и безпомощности. Она умоляющимъ голосомъ сказала мужу:

— Пустите меня, я не въ силахъ васъ слушать въ сію минуту.

— Должны! крикнулъ Скобницкій.

Анна Ларіоновна зарыдала, но эти слезы, проливаемыя беззащитнымъ существомъ, не могли тронуть Скобницкаго.

— Нельзя ли безъ слезныхъ сценъ? крикнулъ онъ: — меня онѣ не растрогаютъ.

— Господи! Чего вы хотите отъ меня? отчаяннымъ голосомъ вдругъ воскликнула Анна Ларіоновна.

— Я требую отъ васъ, чего я въ правѣ требовать.... Вы добровольно вышли за меня замужъ?

Анна Ларіоновна отвѣчала не вдругъ.

— Но я васъ не обманывала: не увѣряла, что люблю васъ!

— Это забавно! Какая уловка! дерзко замѣтилъ Скобницкій.

Анна Ларіоновна грозно на него посмотрѣла.

— Вы можете чувствовать ко мнѣ, что вамъ угодно: я буду совершенно равнодушенъ къ этому. Но я требую отъ васъ сохраненія приличій, чтобы я не былъ сказкой для города. Я знать не хочу, что у васъ на душѣ горе, мечтанія о возлюбленномъ; вы должны быть веселы, чтобы не указывали на меня пальцами и не сожалѣли о моей глупости! Я съ соей стороны буду вамъ доставлять всѣ удобства жизни, какъ женщинѣ, носящей мое имя. Мнѣ кажется, я требую слишкомъ мало отъ васъ, какъ отъ своей жены.

— Послѣ сегоднишней сцены, твердымъ голосомъ начала Анна Ларіоновна: — намъ гораздо лучше будетъ разъѣхаться! Я никогда не забуду оскорбленій, которыя вы мнѣ сдѣлали.

Скобницкій насильственно засмѣялся, воскликнувъ:

— Вотъ отличное предложеніе. Сегодня даютъ мнѣ согласіе выдти за меня замужъ, а завтра я долженъ быть героемъ скандальной исторіи въ городѣ! Нѣтъ-съ, этого никогда не будетъ! никогда!

— Я приму на себя всю вину, вы не будете ни въ чемъ виноваты.

— Я не хочу скандалу въ городѣ.... понимаете? скандалу!

— Неужели для васъ будетъ лучше жить съ женщиной, которая васъ ненавидитъ?

— Если вы имѣете наклонности Ляфаржъ, то я приму свои мѣры.

— Дѣлайте, что хотите, въ отчаяніи отвѣчала Анна Ларіоновна: — но я не стану притворяться всю жизнь изъ-за вашихъ глупыхъ приличій. Я васъ предупреждаю, что не буду скрывать своихъ чувствъ къ вамъ ни передъ кѣмъ!... Лучше вамъ принять мое предложеніе и разъѣхаться со мной.

Анна Ларіоновна говорила это въ какомъ-то лихорадочномъ жару, въ ея сверкающихъ глазахъ было столько рѣшимости, что Скобницкій оторопѣлъ; онъ никакъ не ожидалъ найти въ свѣтской барышнѣ столько энергіи.

Разумѣется, гдѣ было бы Аннѣ Ларіоновнѣ взять безразсудной энергіи, если бы ей дали вполнѣ свѣтское воспитаніе съ дѣтства! Но къ несчастію, она выросла дикаркой въ деревнѣ и слишкомъ поздно попала въ добрыя руки своей тетушки. Вотъ почему и оказалась она такой непослушной, безнравственной и злобной.

Если бы Анна Ларіоновна не заплакала послѣ своей реплики, Скобницкій, можетъ быть, даже смягчился бы, испугавшись нежданнаго отпора. Но ея слезы напомнили ему, что предъ нимъ все-таки слабая женщина, ничтожная передъ властью

мужчины! Поэтому онъ, совершенно овладѣвъ собой, съ ироническою учтивостью отвѣчалъ ей:

— Вы высказали мнѣ свое послѣднее рѣшеніе: позвольте и мнѣ сказать вамъ мое. Я считаю всякую образованную женщину не въ здравомъ разсудкѣ, когда она нарушаетъ приличіе свѣта и подвергаетъ своего мужа скандалу. Если вы приступите къ своему рѣшенію, я сдѣлаю то, что сдѣлалъ недавно одинъ извѣстный вамъ мужъ съ своей женой! Помните, вы еще такъ горячо негодовали на тирана мужа... Но что же прикажете дѣлать? Иногда мужья по неволѣ должны являться «тиранами», по вашему выраженію, когда ихъ жены забываютъ свои клятвы, честь и приличіе.

И Скобницкій, торжествуя, вышелъ изъ комнаты, повидимому очень довольный изобразившимся на лицѣ жены чувствомъ оцѣпенѣлаго ужаса.

Аннѣ Ларіоновнѣ было отъ чего ужаснуться: исторія, о которой упомянулъ Скобницкій, была ей хорошо извѣстна. Это была исторія одного чиновника и свѣтскаго господина, который выдалъ свою жену за сумасшедшую и отправилъ ее на житье къ нѣмцу доктору, въ какой-то германскій городокъ. Надо еще прибавить, что несчастная была изъ высшаго круга, имѣла много родственниковъ, огромное состояніе. Никто не защитилъ ее, когда ее силою тащили изъ собственнаго ея богатаго дома и разлучили съ дѣтьми. Въ обще-

ствѣ всѣ сожалѣли мужа, хотя знали очень хорошо жестокій характеръ его, жадность къ деньгамъ и связь въ домѣ съ француженкой, гувернанткой дѣтей. Никто изъ родныхъ, боясь хлопотъ и скандала, не захотѣлъ вступиться за бѣдную женщину, никто не потребовалъ отъ энергическаго супруга отчета въ его самоуправствѣ, никто не призналъ звѣрскимъ и дикимъ его распоряженіе, по которому незнакомый нѣмецъ, увезя несчастную женщину, могъ дѣлать съ ней, что хотѣлъ. Она такъ была богата, что могла бы сотни тысячь пожертвовать для своего излѣченія, а супругъ платилъ нѣмцу-тюремщику всего три тысячи.

Общественное мнѣніе, надо сознаться, очень сонливо; оно проспало и этотъ возмущающій душу, звѣрскій и наглый случай, какъ и множество ему подобныхъ. Поговорили въ городѣ объ этомъ очень мало, гораздо болѣе говорили въ это время о карликѣ и великанѣ, пріѣхавшихъ въ Петербургъ. Супругъ всюду показывался въ обществѣ и въ публикѣ, но никто даже не указывалъ на него пальцемъ: онъ былъ важенъ, богатъ и на деньги, которыми завладѣлъ отъ жены, умѣлъ закупить себѣ расположеніе свѣтскаго общества.

Какого же состраданія и защиты могла себѣ ожидать Анна Ларіоновна отъ родныхъ и общества, въ которомъ жила? Разумѣется никакого!.. Она это сознавала и ея отчаяніе было безпре-

дѣльно. Ей казалось, что она уже точно помѣшалась.... Впрочемъ будущность такъ мало сулила ей радости, что не много бы она потеряла, если бы и въ самомъ дѣлѣ сошла съ ума въ эту минуту.... Анна Ларіоновна невольно вспомнила жизнь своей несчастной тетки, исповѣдь которой она читала передъ своимъ отъѣздомъ въ Петербургъ. Ей тогда казалось дикимъ то время, въ которое могли такъ тиранить беззащитную женщину. Тогда она думала, что давно уже миновала возможность подобныхъ фактовъ. Теперь, напротивъ, она находила, что угнетеніе приняло только другія формы, болѣе утонченныя, но за то и болѣе крѣпкія, сильнѣе сдавливающія.... Тетушка ея могла хоть въ лѣсу укрыться; а куда скроется она отъ этого звѣрства, прикрытаго приличіями и лицемѣрствомъ?...

ГЛАВА XIII.

Прошло три мѣсяца послѣ свиданія Карсанова съ Анной Ларіоновной. Былъ конецъ апрѣля, и Петербургъ наслаждался однимъ изъ самыхъ лучшихъ весеннихъ дней своихъ: солнце палило, а въ тѣни холодный вѣтеръ оледенялъ человѣка; пыль, въ родѣ метелицы, крутилась по улицамъ и засыпала глаза; всѣ рѣчки и каналы уже въ пятый разъ несли на своихъ мутныхъ струяхъ глыбы неопрятныхъ льдинъ, явившихся съ са-

мыхъ дикихъ мѣстъ и смотрѣвшихъ совершенными провинціалами на столичные берега съ великолѣпными домами....

Извѣстно, что петербургская свѣтская публика, любящая зимою музыку, — до масляницы легкую, а съ поста серьёзную, — около святой проникается всегда любовью къ природѣ, и потому жадно пользуется восхитительными апрѣльскими днями для прогулокъ въ Лѣтнемъ саду, въ которомъ въ это время еще не оттаяла земля и нѣтъ ни малѣйшаго признака зелени.... Движеніе въ саду начинается съ полудня, но самая аристократическая публика и самые яростные подражатели ея изъ полусвѣтскаго общества — прогуливаются обыкновенно около пяти часовъ, когда жаръ нѣсколько спадетъ....

Въ описанный нами прелестный день нарядная толпа также прохаживалась, съ обычной величавостью и суровостью, по главной аллеѣ Лѣтняго сада. Между гулявшими былъ и Скобницкій подъ руку съ Анной Ларіоновной. Она обращала всеобщее вниманіе высшей публики, которая, не церемонясь, лорнируетъ полусвѣтскихъ красавицъ и вслухъ дѣлаетъ свои замѣчанія. Въ этотъ день Анна Ларіоновна могла выдержать самую взыскательную критику, какъ по туалету, такъ и по одушевленному выраженію своего лица. Посреди апатичныхъ и зеленоватыхъ красавицъ Петербурга, оно поражало своимъ яркимъ румянцемъ,

блескомъ своихъ глазъ, въ которыхъ искрилась какая-то внутренняя сила, и своей живою улыбкой, то гордою, то насмѣшливою....

Скобницкій былъ вполнѣ доволенъ, что могъ наконецъ показать публикѣ свое семейное счастіе, и отъ того былъ величавъ и важенъ болѣе, чѣмъ когда нибудь.

Анна Ларіоновна послѣ угрозъ своего мужа нѣсколько дней была нездорова; но когда справилась, то поразила его своею покорностью. Впрочемъ онъ все еще не былъ доволенъ, потому что Анна Ларіоновна пренебрегала своимъ туалетомъ, впадала въ странную задумчивость въ обществѣ, иногда какъ-то грозно посматривала на мужа. Онъ, вмѣстѣ съ Абрютиной, время отъ времени повторялъ легкія увѣщанія женѣ, и въ послѣднее время она какъ бы переродилась: съ охотой всюду ѣздила съ мужемъ, наряжалась, даже мило кокетничала, и тѣмъ привлекала къ себѣ толпы поклонниковъ. Смотря на нее, Скобницкій окончательно убѣдился, что восточный взглядъ на женщину необходимъ: если она съ дѣтства не была воспитана, какъ покорная одалиска, и строго не выдержана въ свѣтскомъ отношеніи, то приходится трудиться надъ нею въ зрѣломъ возрастѣ. А безъ этого никакъ не обойдешься....

Радуясь перерожденію Анны Ларіоновны, Скобницкій уже мечталъ, что скоро для него насту-

питъ и медовый мѣсяцъ, котораго ему не пришлось испытать послѣ своей свадьбы.

Абрютина тоже была довольна своей племянницей въ послѣднее время, потому что она терпѣливо выслушивала ея нравственныя наставленія и не возражала на нихъ мрачными взглядами и дикими выходками. А Абрютина въ своихъ наставленіяхъ проповѣдывала очень полезныя вещи для молодой свѣтской женщины: какъ надо ей заботиться о своей репутаціи; какія для этого нужно принять мѣры; какъ необходимо молодой женщинѣ найти преданнаго, почтенныхъ лѣтъ, но сильнаго друга, интимность съ которымъ никогда не унижаетъ, а напротивъ возвышаетъ молодую женщину въ свѣтѣ. «Многія женщины думаютъ,— поучала Абрютина, — будто надо жить пока молоды; но это все нелѣпо; жить человѣкъ всегда хочетъ, а съ лѣтами еще сильнѣе, и потому гораздо легче съ молоду жертвовать чѣмъ нибудь для будущихъ благъ, нежели начать хлопотать тогда, когда надо думать, какъ бы пожить веселѣе. И женщина въ лѣтахъ, при своей опытности, гораздо лучше наслаждается жизнью, чѣмъ тѣ, кто вздумаетъ начать жить въ своей молодости.» Наставленія свои Абрютина не разъ заключала фразой: «Звѣрь—и тотъ заготовляетъ себѣ кормъ на зиму или спокойное лежанье; какъ же человѣку не заботиться о своемъ будущемъ?»

Генеральша Рудзевичъ съ своей стороны также

была въ послѣднее время довольна Анной Ларіоновной.

Почтенная факторша почти прямо выразила Аннѣ Ларіоновнѣ желаніе графа Пыжницкаго имѣть ее своей любовницей.

— Вы такъ хороши собой, Анетъ, говорила она: — что вамъ надо пользоваться вашей красотой. Вы можете увѣрить другихъ, но меня не увѣрите, что любите своего властелина. Нѣтъ, я знаю, какъ ваша тетушка заставила васъ принять его предложеніе. Она нарочно заставляла своихъ уродливыхъ дочекъ васъ оскорблять, чтобы вы, бѣдненькая, скорѣе рѣшились дать слово вашему мужу. Она нарочно увѣряла васъ, что будетъ жить съ ними: знала, что этимъ всего скорѣе заставитъ васъ бѣжать изъ ея дома.... Ну, да объ этомъ нечего говорить! А вотъ вы теперь только не оплошайте. Въ вашихъ рукахъ теперь сдѣлаться главой въ домѣ. Только скажите слово! . Вы, можетъ, боитесь, что могутъ узнать? Какой вздоръ! Да я вамъ могу указать тысячу дамъ, которыя имѣютъ свиданія, интриги, а ихъ мужья, родные и не подозрѣваютъ. Я васъ увѣряю, что только та женщина теряетъ свою репутацію въ свѣтѣ, которая очень глупа или неопытна. Ну, скажите, кто бы могъ узнать, что вы видѣлись хоть бы положимъ съ графомъ, если бы пріѣхали ко мнѣ? Вашъ экипажъ и человѣкъ ждутъ васъ, а вы чрезъ мои комнаты и другой

ходъ уѣдете, пріѣдете назадъ. Да даже и этого не надо: просто будете сидѣть у меня. Кто же можетъ узнать? Вы были у меня!... Я вамъ скажу откровенно: я прожила свою молодость очень печально, и потому я готова помогать всегда молодой женщинѣ, чтобы она весело пожила на свѣтѣ. А какъ вамъ будутъ завидовать ваши кузины, когда вашъ мужъ будетъ повышаться и вы будете имѣть право выѣзжать на самые высшіе балы! Вы затьмите всѣхъ, и Богъ-знаетъ, какъ вы высоко станете....

Рудзевичъ приняла молчаніе и краску на лицѣ молодой своей слушательницы за знакъ согласія и радостно сообщила графу, что онъ можетъ надѣяться на скорое свиданіе съ упрямой красавицей.

Графъ Пыжницкій, затянутый, разрумяненный и раскрашенный, также гулялъ въ Лѣтнемъ саду и нашелъ въ этотъ день Анну Ларіоновну очаровательнѣе, чѣмъ когда нибудь; она въ первый разъ посмотрѣла на него пристально и съ улыбкой. Впрочемъ она точно такъ же улыбнулась и сторожу при выходѣ изъ сада, когда садилась въ экипажъ, а онъ снялъ фуражку, что̀ дѣлалъ только передъ военными генералами и блестящими экипажами.

Въ этотъ самый день, около двѣнадцати часовъ ночи, Абрютина находилась въ дальней комнатѣ своего дома, гдѣ стояли одни сундуки и

шкафы, въ которыхъ хранилось безчисленное множество разныхъ сортовъ товару шелковаго, полотнянаго, кружевъ, батисту и проч. Абрютина сидѣла у раскрытаго сундука съ шелковыми матеріями, а передъ ней стоялъ на корточкахъ жидъ контробандистъ и отсчитывалъ дрожащей рукой золотые, кладя ихъ на кусокъ матеріи, лежавшій на колѣняхъ Абрютиной. По выступившему поту и краскѣ на лицѣ жида, видно было, какъ трудно имѣть денежныя дѣла съ нравственной дамой.

Но вдругъ раздался стукъ въ дверь и нарушилъ эту живую картину.

Абрютина проворно подошла къ запертой двери, недоумѣвая, что бы могъ значить этотъ стукъ, такъ какъ никто не смѣлъ тревожить ея бесѣдъ съ жидомъ, и ея продолжительныхъ молитвъ въ молельной, гдѣ у ней хранились разныя драгоцѣнности и ломбардные билеты.

Отворяя дверь, Абрютина ужь готовилась грозно спросить свою горничную-шпіонку: какъ она смѣла стучаться; но та поспѣшно сказала:

— Евграфъ Семенычъ пріѣхали-съ и желаютъ васъ сейчасъ же видѣть!

Абрютина очень удивилась такому позднему посѣщенію своего родственника, дала приказаніе жиду идти въ комнату горничной, заперла свое хранилище на ключъ и со свѣчей въ рукѣ отправилась въ гостиную. Проходя амфиладу темныхъ

своихъ парадныхъ комнатъ, она старалась разгадать, что значилъ этотъ поздній визитъ? и была поражена, увидавъ въ гостиной сидящаго въ креслахъ Скобницкаго. Абрютина остановилась въ дверяхъ и не вѣрила своимъ глазамъ, точно ли это онъ сидитъ? Она въ первый разъ видѣла, что его голова, всегда такъ гордо закинутая назадъ, теперь была понурена къ груди, которая тоже не имѣла теперь обычной, выпуклой готовности принимать звѣзды и ленты, а какъ-то опала отъ согнувшагося корпуса; самый взглядъ его былъ лишенъ всякаго величія, и выражалъ тупое отчаяніе; бѣдность лица и губъ была поразительна!

Абрютина, не замѣченная имъ, подошла къ столу, поставила свѣчу почти у его лица и тревожно спросила:

— Что случилось?

Скобницкій поднялъ голову, мутно посмотрѣлъ на нее и дикимъ голосомъ проговорилъ:

— Я убитъ! я осрамленъ! Гдѣ моя жена? Я думалъ, она у васъ сидитъ, а она убѣжала!...

Абрютина вся передернулась; но мгновенно представила себѣ, что Анна Ларіоновна отправилась къ Рудзевичъ, на свиданіе съ графомъ.... «Но какъ же это она такъ неосторожно!» подумала нравственная дама. — «Вѣдь вотъ что значитъ неопытность и недовѣріе къ старшимъ: не хотѣла мнѣ сказаться, и надѣлала суматохи!»

— Она тотчасъ послѣ обѣда поѣхала отъ меня, отвѣчала Абрютина довольно спокойно.

— Да куда поѣхала? вскрикнулъ злобно Скобницкій. — Она экипажъ и человѣка отпустила домой, какъ пріѣхала къ вамъ, и сказала, что пріѣдетъ домой въ вашемъ экипажѣ.... Я пріѣхалъ часовъ въ 11 домой, ждалъ, ждалъ, и послалъ за ней экипажъ, — какъ вдругъ... мнѣ говорятъ, что ея нѣтъ у васъ, что вы уже ложитесь спать. Я пріѣзжаю самъ, разспрашиваю лакеевъ, никто не знаетъ, гдѣ она, и когда ушла....

Скобницкій дрожалъ и задыхался отъ разсказа.

Абрютина выслушала его съ напряженнымъ вниманіемъ и не могла-таки не кольнуть своего родственника.

— Отчего же вы думаете, что она бѣжала? Можетъ, она пошла пѣшкомъ отъ меня.

— Къ кому? одна?... Нѣтъ, она ушла, она вѣрно давно задумала свое бѣгство! съ яростью произнесъ онъ.

Абрютина, глядя на него, думала: «глупъ однако же! Каково Анюта провела его!»

— Надо послать къ Рудзевичъ, насмѣшливо отвѣчала она: — не у ней ли Анетъ?

— Да нѣтъ ея тамъ, и не была! воскликнулъ Скобницкій съ такимъ отчаяніемъ, что испугалъ даже Абрютину. — Гдѣ теперь ее искать? Я долженъ врываться въ дома и спрашивать: «не

здѣсь ли моя жена?» Обыски дѣлать съ полиціей прикажете? продолжалъ онъ кричать.

Онъ успѣлъ высвободиться отъ перваго впечатлѣнія, и отъ безсильнаго горя перешелъ къ шумному гнѣву.

— Вы оскорбили ее чѣмъ нибудь? спросила Абрютина, все еще въ недоумѣніи.

Скобницкій съ презрѣніемъ и дерзко ей отвѣчалъ:

— Я иногда долженъ былъ выказывать себя строгимъ къ ея неприличнымъ выходкамъ, происходившимъ отъ ея дурнаго воспитанія.

— А, я вижу, вы поступали съ ней безчеловѣчно! обидясь замѣтила Абрютина.

Скобницкій весь задрожалъ и неистово крикнулъ:

— Нѣтъ! это вы безчеловѣчно поступили со мной!... Вы спѣшили выгоднѣе сбыть съ рукъ свою полу-помѣшанную племянницу. Вы знали ея характеръ? Вы скрыли все! Это обманъ!... Это безчеловѣчно!...

Скобницкій не помнилъ себя отъ бѣшенства; онъ кричалъ и стоялъ съ сжатыми кулаками.

Абрютина повѣрила наконецъ, что племянница точно ушла отъ мужа, и увидѣла, что дѣло плохо. Но, разумѣется, ей прежде всего нужно было оградить себя. Поэтому она сочла необходимымъ захныкать и произнести писклиро: — Гос-

поди! помогите!... защитите меня... онъ убьетъ!

Скобницкій скоро очнулся и сталъ быстро ходить по комнатѣ, какъ бы желая быстрымъ движеніемъ утишить свое бѣшенство. Какъ ни былъ онъ убитъ горемъ и взбѣшенъ, однако умѣлъ во время вспомнить, что Абрютина не то, что его жена, что она найдетъ себѣ защиту отъ его оскорбленій, и что, сверхъ того, въ его положеніи очень важны дружескія отношенія съ нравственною тетушкой. Онъ понималъ, что если она будетъ на его сторонѣ, то не трудно будетъ имъ оградить себя, отдавши на общій позоръ Анну Ларіоновну.

Абрютина продолжала хныкать такъ гадко и неестественно, какъ всхлипываютъ только французскія актрисы въ мелодрамахъ, и какъ, я думаю, плакали баснословные крокодилы, когда заманивали ребенка поближе къ своему жилищу.

— Надѣюсь, вы извините мою горячность? подходя къ Абрютиной, натянуто-кроткимъ голосомъ началъ Скобницкій, видя очень хорошо, что она вовсе не испугалась его, а только желала его самого припугнуть своими притворными слезами: — я потерялся отъ отчаянія! Вы сами посудите, — что она сдѣлала съ нами? Она насъ одурачила позорнымъ образомъ! я сего-дня, какъ дуракъ, ходилъ съ ней въ публикѣ. Представьте же себѣ, что завтра заговорятъ въ городѣ.... какъ

я покажусь въ обществѣ? Лучше бы она, злодѣйка, всю жизнь меня дурачила, только бы не такое позорное мщеніе выбрала!

И Скобницкій въ изнеможеніи упалъ въ кресла и рвалъ на себѣ галстукъ, какъ бы боясь задохнуться отъ волненія.

— Ахъ, Евграфъ Семенычъ! А я-то, развѣ также не убитэ?.. Развѣ мнѣ легко будетъ сносить всѣ пересуды людей?... Ахъ неблагодарная! что ты надѣлала съ своей теткой? воскликнула Абрютина слезнымъ голосомъ, взводя глаза къ потолку. — Богъ тебя накажетъ за это, неблагодарная! Ты не пощадила добраго имени своей благодѣтельницы, которое ничѣмъ въ жизни не было запятнано! И вытеревъ глаза, она прибавила въ раздумьи:—Можетъ быть, она опомнится, что надѣлала! И куда ей дѣваться?

— Если она вернется не теперь домой, а завтра, то я васъ долженъ предупредить, что выгоню ее вонъ изъ своего дома, встрепенувшись, воскликнулъ съ яростью Скобницкій.

Абрютина гнѣвно посмотрѣла на него и, позабывъ объ угнетенномъ своемъ положеніи, съ выразительной миной ему отвѣчала:

— Я вамъ не совѣтую этого дѣлать!

— Это почему? Неужели меня можетъ кто нибудь обвинить въ жестокости, послѣ того, что она сдѣлала со мной?

— Не время теперь раздумывать о наказаніи,

надо лучше намъ заботиться, к къ бы ее найти да затушить скандалъ.. Вы никакого письма не нашли у ней въ комнатѣ?

Скобницкій покачалъ головой.

Абрютина озабоченно его спросила:

— Не замѣчали ли вы, что она оказывала особенное вниманіе кому изъ мужчинъ?

— Нѣтъ!

— Ахъ, не бывалъ ли у васъ ея знакомый по деревнѣ?

— Всего былъ разъ, вскорѣ послѣ нашей свадьбы.

— Не получала ли она отъ него писемъ?

— О, нѣтъ! Я навѣрно знаю, что она ни съ кѣмъ не переписывалась?

Абрютина пожала плечами и сказала, какъ бы разсуждая сама съ собой:

— Она слишкомъ была спокойна, чтобы наложить на себя руку: это невозможно! Значитъ, она просто скрывается въ Петербургѣ. Надо намъ принять скорѣе мѣры, чтобы отыскать ее.

— Какъ? научите меня! Я ровно ничего не могу самъ сообразить! опять впавъ въ тупое отчаяніе, спросилъ Скобницкій.

— Да вы лучше идите-ка домой, да успокойтесь; я всѣмъ распоряжусь. Только бы намъ напасть на ея слѣдъ! Надо пока сохранить все въ тайнѣ отъ вашихъ людей! мои не посмѣютъ слова пикнуть: они знаютъ, какъ я строго накажу

ихъ.... Ну, а у васъ все вольные.... Вы пришлите разныя вещи ея сюда, будто она у меня осталась ночевать, будьте попокойнѣе наружно, будто мои люди перевpали все, встревожась моей внезапной болѣзнью.

Скобницкій съ чувствомъ благодарности поцаловалъ руку у женщины, которую въ душѣ глубоко ненавидѣлъ, но которая при его горестномъ положеніи была ему необходима.

— Христосъ съ вами! крестя Скобницкаго съ лицемѣрной набожностью, сказала Абрютина, не забывавшая лицемѣрить и ханжить даже въ самыхъ затруднительныхъ случаяхъ своей жизни.

— Если же она вернется домой, то вы пришлите спросить о моемъ здоровьи. А если я нападу на ея слѣдъ, то пришлю вамъ сказать, что мнѣ очень плохо и я желаю васъ видѣть.... Прощайте! будьте бодрѣе.... Надо съ христіанскимъ смиреніемъ принимать испытаніе, Евграфъ Семенычъ. Все намъ зачтется въ той жизни.... Берите хоть съ слабой женщины примѣръ. Я, видите, покорно несу свой тяжелый крестъ.

Такого рода фразами утѣшала Абрютина отчаяннаго супруга.

Слабая женщина, какъ назвала себя сама Абрютина, оказалась такой находчивой и грозной при допросахъ всей своей прислуги, что ей позавидовалъ бы самый знаменитый сыщикъ. Но все-таки никто не могъ сказать, когда и какъ

ушла ея племянница изъ дому; надо было предполагать, что по маленькой лѣстницѣ, которая была въ корридорѣ верхнихъ комнатъ, гдѣ прежде жила Анна Ларіоновна. Эта лѣстница была всегда на ключѣ; она выходила на улицу.

Когда Абрютина освидѣтельствовала эту дверь, то оказалось, что пыль и паутина были потревожены на ней.

Всю ночь Абрютина была въ хлопотахъ. По-утру она принимала своего покровителя, какъ слабая женщина, убитая горемъ и позоромъ, цаловала у него руки, чтобы онъ помогъ ей отыскать племянницу. А черезъ часъ послѣ визита покровителя она твердымъ голосомъ передавала подробно о бѣгствѣ племянницы изъ ея дома и описывала примѣты ея наружности господину, записывавшему всѣ ея слова ...

Ложась спать, Абрютина питала надежду, что Анну Ларіоновну успѣютъ отыскать, и никто въ городѣ не узнаетъ о ея бѣгствѣ.

Но она ошиблась: въ то же утро генеральша Рудзевичъ съѣздила къ графинѣ, и потомъ экипажъ Евгеніи Марковны цѣлый день рыскалъ по городу.

Къ вечеру почти всѣ свѣтскіе жители Петербурга уже знали о бѣгствѣ полусвѣтской красавицы и сгарали отъ нетерпѣнія узнать, кто ею избранъ въ любовники. Ни одинъ человѣкъ въ цѣломъ городѣ не воображалъ, конечно, чтобы женщина

могла бѣжать отъ своего мужа только потому, что была имъ глубоко оскорблена.

Нравственныя дамы, подобныя графинѣ Пыжницкой, были благородно возмущены безнравственностью Анны Ларіоновны. Впрочемъ многіе мужчины не менѣе нравственныхъ дамъ оскорблялись ея скандальнымъ поведеніемъ.

Надо было удивляться, какъ свѣтское петербургское общество, вѣчно апатичное къ самымъ важнымъ общественнымъ вопросамъ, вдругъ прониклось благороднымъ негодованіемъ къ нарушительницѣ общественной нравственности и заклеймило ее своимъ презрѣніемъ и отверженіемъ изъ своего круга.

Въ городѣ самая черная клевета на счетъ репутаціи бѣдной красавицы росла такъ же быстро, какъ во время наводненія вода разливалась по улицамъ Петербурга. Даже кучера и лакеи, принадлежащіе къ свѣтскому кругу черезъ своихъ господъ,—и тѣ прибавляли свои клеветы на несчастную женщину и ругались надъ нею.

Скобницкій и Абрютина, какъ дѣйствующія лица въ скандальной исторіи, узнали только тогда, что имъ нечего уже таить свой позоръ, — когда ихъ пошли осаждать визитами добрые знакомые, жаждущіе узнать что нибудь новенькое объ убѣжавшей красавицѣ.

Абрютина принимала гостей въ постели, какъ добродѣтельная женщина, сраженная такимъ не-

заслуженнымъ испытаніемъ въ своей благочестивой жизни. Она съ христіанскимъ смиреніемъ всѣмъ повторяла, — что «похоронила» свою племянницу, потому что не допуститъ такую безнравственную женщину переступить порогъ своего дома.

Скобницкій же никого не видалъ и никуда не показывался. Только черезъ Рудзевичъ, почти силою ворвавшуюся къ нему, онъ узналъ, что графъ Пыжницкій желаетъ его видѣть. Такая честь въ тяжкія минуты чиновнаго свѣтскаго человѣка всегда отрадно дѣйствуетъ на душу, и опозоренный мужъ не замедлилъ явиться къ бывшему претенденту на его жену. Соперники свидѣлись, имѣли о чемъ-то серьёзный и продолжительный разговоръ, и съ этихъ поръ между ними начались очень частыя, но таинственныя сношенія.

Рудзевичъ, между прочими своими клеветами на Анну Ларіоновну, распустила слухи, что она обокрала своего мужа и что тотъ изъ деликатности скрываетъ это, но что графъ Пыжницкій принялъ въ немъ участіе, и безнравственную женщину, для отысканія которой приняты уже графомъ всѣ мѣры, будутъ судить судомъ.

Въ Петербургѣ, неизвѣстно откуда, разнесся еще слухъ, что Анну Ларіоновну похитилъ агентъ турецкаго султана, въ гаремѣ котораго не доставало только русской красавицы для полнаго комплекта женщинъ всѣхъ племенъ земнаго шара.

Разумѣется, этой баснѣ могли повѣрить только жители Петербургской и Выборской стороны, воображеніе которыхъ было ужь очень запугано грабительствами и убійствами въ ихъ темныхъ улицахъ. Но нельзя не замѣтить, что сплетня Выборгской стороны была въ своей наивности все таки несравненно гуманнѣе, нежели умные толки свѣтскаго общества.

ГЛАВА XIV.

У одной изъ станцій на шоссе къ прусской границѣ стояла легкая, закрытая коляска, и въ нее запрягали почтовыхъ лошадей.

Ночь была темная, тихая и очень теплая; воздухъ былъ пропитанъ сочнымъ запахомъ березовыхъ почекъ и влажнымъ паромъ земли: весенній дождикъ зрѣлъ въ тихой и теплой апрѣлской ночи.

— Ну, шевелись скорѣе, Антипка, говорилъ мужской голосъ у коляски: — ишь, какая добрая барыня, на водку дала, чтобы скорѣй запрягали, а ты тамъ возишься съ своимъ армякомъ. Пошелъ на козлы.

— Скорехонько повеземъ! успокоительно отвѣчалъ ему другой мужской голосъ.

— Еще бы ты, дуралей, не везъ бы скорехонько такую барыню. Чай не всякій дастъ такія на-водки ямщикамъ?... Ну, съ Богомъ! Ну–у–у!

Коляска быстро помчалась по шоссе, и стукомъ

колесъ, и топотомъ лошадей нарушала глубокую ночную тишину.

Окно въ коляскѣ опустилось, и раздался женскій свѣжій и веселый голосъ внутри экипажа.

— Какая теплая ночь, какъ пахнетъ березками. Завтра вы сорвите мнѣ вѣтку березы: я сохраню ее, какъ память о моей родинѣ.

Въ послѣднихъ словахъ женскій голосъ изъ веселаго тона перешелъ въ грустный.

— Вамъ, кажется, становится жаль оставить родину? спросилъ мужской голосъ.—Но не очень горюйте о ней! Вспомните, что въ ней для васъ не нашлось угла, гдѣ бы вы могли спокойно приклонить голову, не нашлось ни одной души, которая бы васъ защитила!... И что вы оставляете въ ней? Есть ли кто нибудь у васъ на родинѣ, кто бы пожалѣлъ о васъ?

Читатель, конечно, уже догадался, кто такіе были путешественники, такимъ образомъ разговаривавшіе между собой. Вѣроятно, нѣтъ надобности объяснять и того, зачѣмъ Анна Ларіоновна съ Карсановымъ очутились на дорогѣ къ прусской границѣ. Будемъ лучше слушать ихъ дальнѣйшій разговоръ.

Анна Ларіоновна съ жаромъ говорила Карсанову.

— Я ни одной минуты не тосковала, что скоро навсегда разстанусь съ этими людьми, которые

меня мучили, унижали и старались погубить совершенно.... напротивъ, чѣмъ я дальше отъѣзжаю отъ нихъ, тѣмъ мнѣ становится веселѣе. Я чувствую тоску и страхъ, когда коляска хоть на минуту остановится, и дѣлаюсь покойна только тогда, когда мы опять ѣдемъ скоро. Мнѣ тогда все думается: вотъ я и еще дальше, и еще дальше отъ нихъ!!.. Иногда я сама себѣ не вѣрю, что я разорвала всѣ связи мои съ родными, съ обществомъ. Я сама не знаю, какъ это мнѣ пришла мысль бѣжать. Впрочемъ я такъ желала отомстить ему, да и всѣмъ имъ, что это желаніе придало мнѣ и силъ, и умѣнья. Но все-таки я удивляюсь, какъ я могла ихъ перехитрить?

— Не перехитрили вы ихъ, а ваша смѣлая рѣшимость восторжествовала надъ ихъ низкими, мелочными разсчетами. Могло ли имъ придти въ голову, что вы не испугаетесь ни бѣдности, ни одиночества,—чтобъ только доказать свое отвращеніе къ ихъ разврату, роскоши и позорнымъ разсчетамъ! Я самъ ужаснулся вашихъ плановъ, когда вы мнѣ ихъ сообщили и просили моего участія. Конечно, вы не думаете, что я испугался за себя? Но мужчины родились съ убѣжденіемъ, что женщины неспособны глубоко чувствовать оскорбленіе и сильно стремиться къ независимости.... Поэтому мы всегда сомнѣваемся, чтобъ у женщины, даже самой энергической, достало силы для исполненія задуманнаго ею смѣлаго

плана. Признаюсь, что, исполняя всѣ ваши приказанія, я вовсе не питалъ надежды, чтобы вамъ удалось все такъ хорошо устроить, какъ вышло на дѣлѣ. Я даже не вѣрилъ своимъ глазамъ, когда мы помчались по улицамъ Петербурга въ каретѣ. Я только тогда убѣдился, что это не сонъ, когда мы проѣхали заставу, и вы радостно вскрикнули: «Неужели я свободна:»

— Да, мы тогда походили на сумасшедшихъ, замѣтила Анна Ларіоновна.

И точно, молодые люди имѣли такой видъ, когда проѣхали заставу. До той минуты они сидѣли неподвижно, блѣдные, боясь даже дышать свободно. Анна Ларіоновна, проѣхавъ заставу, вскрикнула: «я свободна!» и съ рыданіемъ бросилась обнять своего друга и помощника, какъ она дѣвочкой обнимала его, встрѣчаясь съ нимъ по его возвращеніи въ деревню на каникулы. Они плакали и смѣялись въ одно и то же время. Въ ихъ лицахъ столько было счастья, гордости, силы, что, смотря на нихъ въ эту минуту, трудно было бы представить то печальное, убитое выраженіе, съ какимъ они ѣхали за полчаса передъ тѣмъ....

Для Карсанова эти минуты счастья такъ были велики, что онъ забылъ все свое прежнее горе, и радъ былъ бы еще столько же выстрадать, чтобы только продлить эти минуты. Онъ вовсе не думалъ въ эту минуту о взаимности къ себѣ со

стороны Анны Ларіоновны; нѣтъ, онъ былъ счастливъ, гордъ, что наконецъ-то ему удалось хоть что нибудь полезное сдѣлать для любимаго существа. Онъ весь былъ переполненъ радостью за нее, за то, что она наконецъ вырвалась отъ этихъ людей. Для себя же чего ему было еще желать теперь? Онъ постоянно имѣлъ передъ глазами любимую женщину, могъ наблюдать за каждымъ ея движеніемъ, за ея сномъ и пробужденіемъ; могъ заботливо укутывать ее шалью и поддерживать подушку, чтобы покойнѣе было лежать ея красивой головкѣ. Карсановъ испытывалъ даже особенное наслажденіе, когда Анна Ларіоновна, проголодавшись, съ аппетитомъ кушала что нибудь изъ приготовленнаго имъ запаса разныхъ съѣдомыхъ вещей и благодарила его за заботливость о ней. Ночь и день онъ одинъ былъ съ ней; ихъ сердца бились теперь однимъ и тѣмъ же чувствомъ, — одна и та же забота занимала ихъ воображеніе....

Анна Ларіоновна продолжала говорить.

— Когда я вспомню, какъ въ послѣдній день, гуляя по Лѣтнему саду, я была смѣла и наружно покойна, то я удивляюсь самой себѣ.... Смотря на меня, никто, конечно, не могъ вообразить, что я замышляю въ этотъ день бѣжать изъ Петербурга, и что черезъ нѣсколько часовъ я буду сказкой для всѣхъ въ городѣ. Я воображаю, что

говорятъ теперь про меня? Но что мнѣ теперь всѣ ихъ толки?

— Дай Богъ, чтобъ никто не догадался о нашихъ планахъ, замѣтилъ Карсановъ и прибавилъ съ тяжелымъ вздохомъ: — а намъ предстоитъ еще трудная вещь въ нашемъ предпріятіи. Только когда мы переберемся за границу, тогда только мы съ полной увѣренностью можемъ воскликнуть: мы свободны!

— А скажите мнѣ откровенно, вамъ не жаль разстаться съ Россіею?

— Нѣтъ! нерѣшительно отвѣчалъ Карсановъ.

— Можетъ, вамъ жаль кого нибудь изъ друзей вашихъ?

— Немногихъ очень жаль. Но я, все равно, ихъ не видалъ бы. Обыкновенно мы, бѣдные люди, проводимъ вмѣстѣ нѣсколько лѣтъ нашей юности и молодости, а потомъ вдругъ, по окончаніи курса въ университетѣ, точно послѣ кораблекрушенія, насъ всѣхъ разбросаетъ по всей Россіи. Поди, жди, когда судьба сведетъ опять вмѣстѣ! А многихъ жизнь такъ обезобразитъ, что, право, и охоты нѣтъ встрѣтиться.

— Переписываться можно.

— Да, можно описывать разныя пошлости.... Ну, да на это нужно время и большое терпѣніе...

— Значитъ, я покойна: вы жертвъ никакихъ не должны были мнѣ дѣлать, соглашаясь на мои планы?

— На этотъ счетъ вы можете быть покойны: я не меньше вашего обрадуюсь, увидя васъ на чужой землѣ.

— Меня пугаетъ одно: какое вы себѣ найдете занятіе?

— Мало ли какія есть работы!...

— Но нельзя же считать за работу — мостить улицы?

— А хоть бы и разбивать щебень! весело отвѣчалъ Карсановъ.

— Нѣтъ, сохрани Боже: я измучусь отъ мысли, что это все я виновата.

— Я съ такимъ веселымъ лицомъ буду разбивать щебень, что вамъ не придетъ въ голову никакой грустной мысли.... Нѣтъ, я вполнѣ буду счастливъ, когда увижу васъ внѣ всякой опасности. Одно меня только тревожитъ: если мнѣ придется васъ однѣхъ переправить....

— Нѣтъ, я безъ васъ не поѣду, пугливо сказала Анна Ларіоновна.

— На время, если не будетъ мнѣ никакихъ средствъ перебраться... надо въ вашемъ положеніи быть твердой. Я самъ боюсь этого больше всего; но нельзя же вамъ подвергать себя опасности и ждать меня. Только умоляю васъ; въ случаѣ нашей временной разлуки, будьте осторожны, недовѣрчивы къ людямъ. Вы такъ молоды, красивы и одиноки, что на васъ невольно будутъ всѣ обращать вниманіе. Спѣшите въ Парижъ,

живите самымъ скромнымъ образомъ, Нѣтъ, лучше живите въ Германіи, пишите мнѣ отъ лица мужчины.

— Ахъ, не пугайте меня, съ досадою выговорила Анна Ларіоновна.

— Хорошо, хорошо, я не буду васъ болѣе мучить.

— Этимъ разговоромъ вы нагнали на меня тоску. Я готова плакать теперь.

— Ну, полноте, что за слезы? Намъ съ вами стыдно падать духомъ отъ пустяковъ, когда еще остается устроить важное дѣло. Завтра, можетъ быть, въ это время, мы съ вами скажемъ радостно: Мы свобо...

Карсановъ не договорилъ фразы отъ пугливаго восклицанія Анны Ларіоновны: «скачутъ!»

Съ секунду въ коляскѣ была тишина. Карсановъ весело сказалъ:

— Однако вы трусиха. Мало ли скачетъ людей по шоссе.

— Слушайте, какъ страшно скачутъ, снова произнесла Анна Ларіоновна въ волненіи, и высунулась изъ окна.

Карсановъ тоже смотрѣлъ изъ своего окна въ темную даль, въ которой все явственнѣе слышалось скаканье лошадей и стукъ телѣги.

— Это вѣрно курьеръ скачетъ! сказалъ Карсановъ, садясь на свое мѣсто и желая успокоить Анну Ларіоновну. Но она продолжала смотрѣть

въ окно и, увидавъ далеко во мглѣ блеснувшую искру отъ копытъ лошадей, торопливо обратилась къ своему спутнику и умоляющимъ, пугливымъ голосомъ проговорила:

— Велите нашему ямщику ѣхать какъ можно скорѣй.

— Что это съ вами? чего вы такъ испугались? съ робостью спросилъ Карсановъ.

— Слышите голосъ? окликаютъ нашего ямщика! со стономъ вскрикнула Анна Ларіоновна. Карсановъ бросился посмотрѣть въ окно и услышалъ, какъ ихъ ямщикъ протяжно покричалъ: Антипка ѣдетъ.

— Кто тебя окликалъ? спросилъ Карсановъ ямщика.

— Да изъ нашихъ.

— Вели тройкѣ ѣхать впередъ.

— Пошелъ, Егорка, впередъ, гаркнулъ ямщикъ.

Въ это время тройка поравнялась съ коляской, и оба экипажа пріостановились.

Карсановъ почувствовалъ холодную и трепетную руку Анны Ларіоновны въ своей; ея рука судорожно сжала его руку. Сердце Карсанова замерло отъ безотчетнаго страха. Волненіе и испугъ Анны Ларіоновны, точно электричествомъ, сообщились и ему.

Молодой человѣкъ вспомнилъ, что онъ не

имѣлъ при себѣ никакого оружія, чтобы защититься, въ случаѣ даже нападенія разбойниковъ.

Ямщикъ Антипка остановилъ экипажъ и соскочилъ съ козелъ; съ минуту онъ тихо говорилъ съ своимъ товарищемъ. Тройка поскакала впередъ, коляска за ней.

Карсановъ радостно вздохнулъ. Ему даже стало стыдно, что онъ поддался женской пугливости. Онъ сказалъ съ веселымъ упрекомъ!

— Видите, пословица справедлива, что у страха глаза велики. Признаюсь, вы и изъ меня сдѣлали труса. Ну, что? видите, какъ наша погоня ускакала впередъ отъ насъ. Ямщики потѣшились бы надъ нами, если бы знали, что мы ни живы, ни мертвы сидѣли въ коляскѣ, пока они разговаривали между собой о какомъ нибудь вздорѣ.

— Теперь мнѣ самой смѣшонъ мой испугъ, но тогда, я сама не знала отчего, вдругъ сдѣлалось такъ страшно.... Да какъ же не бояться? Для меня теперь не можетъ быть несчастья больше того, какъ если я снова попадусь въ ихъ власть.

— Зачѣмъ вы думаете о такихъ мрачныхъ вещахъ? Смотрите, какъ мы летимъ!... Если бы все такъ скоро ѣхали, такъ въ эту ночь, можетъ быть, очутились бы и за границей.

— Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось скорѣй вздохнуть совершенно свободно, чтобы уже не испытывать такого страха!

— Богъ дастъ, завтра мы успокоимся совсѣмъ.

Путешественники стали строить планы своей будущей скромной жизни; они развеселись, шутили, смѣялись и были такъ беззаботны, какъ будто у нихъ и не бывало никакого горя.

Въ этомъ веселомъ настроеніи духа они подъѣхали къ станціи, совершенно опровергая своей веселостью предразсудокъ, что человѣческое сердце всегда чуетъ приближающуюся опасность. А на станціи ихъ ждало именно то страшное несчастіе, котораго всего больше боялись наши бѣглецы. Не ушли-таки они отъ рукъ карающаго правосудія: мѣры, принятыя графомъ Пыжницкимъ и мужемъ Анны Ларіоновны, оказались вполнѣ достаточными и успѣшными....

Ихъ повезли въ Петербургъ.

3/XI

Цѣна въ **С.-Петербургѣ** и **Москвѣ** 75 к.

Съ пересылкою въ другіе города 1 р.

Deacidified using the Bookkeeper process
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

THE LIBRARY OF CONGRESS